

Тулпаров Даниял

Так было

ББК 63.3 (2Р—37)

Т—82. Так было. Книга подготовлена к изданию Тулпаровым С. Д.
— Махачкала: Даг. кн. изд-во. 2000. — 132 с.

О трагических судьбах дагестанских семей, переживших все беды первой половины нашего века — репрессии, ссылки, тюрьмы, рассказывает эта книга. Ее рукопись долго пролежала в письменном столе автора, так как о таком писать было не положено.

Наконец, о том, что пережил автор этих трагических строк, уже ушедший из жизни, узнают многие — это наша история, которую невозможно вычеркнуть из человеческой памяти.

ISBN 5-297-00976-6

© Тулпаров Д., 2000 г.

OCR & PDF

© Sadr / www.kumukia.ru, 2009.

Содержание

Накануне.....	2
О моих родителях	3
Поезд идет на восток.....	7
На новом месте	8
Арест отца	19
Операция «Побег»	28
На родной земле.....	48
Разлука с мамой	66
Маму арестовали	84
Снова Казахстан	94
Военное лихолетье	104
Мой рабочий паек.....	111
Пацаны.....	117
«Зэки»	121
«От Советского Информбюро...»	126
Послесловие	129

НАКАНУНЕ

Как отдельные отрывки сна вспоминаю свое детство: хорошо помню наше имение — одноэтажный с черепичным покрытием дом, вокруг дома экзотические для кумыкской плоскости елочки. Сад, более гектара, богатый разнообразными южными фруктами. И сейчас перед глазами женщины, собирающие урожай черешни; выезжающая со двора пароконная подвода, нагруженная ящиками с черешней, накрытыми только что скошенной травой со сверкающими от утренних лучей солнца росинками. Помню полноводную речку, протекающую через село и разветвляющуюся у мае в саду, одним рукавом проходящую через сад, дальше за село, по полям уходящую в село Муцал-аул и Темир-аул, а другим рукавом — мимо нашего дома и дальше в сторону поселка Могилевск, и деревянный мост, перекинутый через эту речку для грузового транспорта. Помню тенистый, с раскидистой кроной тутовник в нашем дворе. До сих пор слышу плач моего двоюродного брата Анвара, который бросался на двух комсомольских активистов, прибывших конфисковать нашу живность. Встает перед глазами и другая картина: женщины, сидящие вокруг широкого медного таза и ощипывающие гусей, кур, помогающие нам подготовиться в далекий путь, а также много родственников во дворе, которые пришли посочувствовать и оказать посильную помощь в сборах в дорогу. Помню, когда нас, укутанных, грузили в подводы вместе с домашним скарбом, как много людей суетилось, предлагали: то заберите, это возьмите — мол, в дороге или там, где будете жить, пригодится. Душу раздирал прощальный плач остающихся родственников, когда тронулась груженная нами подвода.

Так мы, оставив уютный теплый дом, то воле тогдашних бесчеловечных органов власти в начале марта 1935 года покинули свое родное, основанное нашими предками село Карланюрт. На всю жизнь запомнилась последняя картина: опустевший двор, дом с открытыми окнами и дверьми, которые движением сквозняка как бы прощались с нами.

Мне шел тогда третий год, многие подробности я, конечно, не мог знать, но тревога неизвестности, охватившая окружающих меня людей, передавалась и моей детской душе.

Под усиленной охраной мы были доставлены на станцию Хасавюрт, где нас уже поджидал для этапирования эшелон товарных вагонов. Погрузка состава началась до нашего прибытия. Грузились семьи раскулаченных из сел Хасавюртовского и Бабаюртовского районов. И вот эшелон полностью набит женщинами, детьми и стариками для отправки в Сибирь, но состав не трогается. В чем дело? У всех отлегло от сердца, когда поздно вечером под усиленным конвоем подвели к поезду всех мужчин, арестованных органами НКВД согласно принятому райисполкомами решению о раскулачивании и высылке нас за пределы Кавказского хребта. Еще долго, оцепленный работниками милиции, стоял наш состав, пока силовые органы и железнодорожники занимались комплектованием и отправкой поезда. Когда все улеглось и были доставлены в каждый вагон парафиновые свечи, когда дети уснули там, где их пристроили, поезд рванулся с места с такой силой, что свечи попадали, дети проснулись и в крошечной тьме всех оглушил детский крик и вой женщин. Многие никогда не ездили, а некоторые даже и не видели поездов, поэтому вначале не могли понять, в чем дело, и начали причитать, обращаясь за помощью к Всевышнему. Еще раз дернувшись, эшелон, постепенно ускоряя ход, отошел от станции, и ночной мрак поглотил его. В одном вагоне вместе со своими родственниками ехали навстречу своей трагической судьбе и мои родители.

О МОИХ РОДИТЕЛЯХ

Долгие годы жизни в отрыве от родных мест и родственников, жесточайший режим в стране лишили меня возможности узнать хотя бы кое-что о моих предках. Я не знал о себе и о своих родителях, можно сказать, ничего. Но с падением коммунистического режима сбылась моя мечта — я получил о моих родителях некоторые сведения (по архивам Владикавказа и Махачкалы).

Мой отец — Тулпаров Аджи, он же Акайчиков — потомок почетных древних фамилий Акайчиковых, первостепенных узденей. В Дагестане и в Кумыкском округе их называли по месту их первоначального поселения Сала уздени. Предки моего отца вышли из Эрпели, они пришли в засулакские степи вместе с младшим сыном шамхала Тарковского — Солтанмутом как сподвижники в создании кумыкского государства. И действительно, читая архивные документы и некоторые исторические труды (Карамзин), убеждаешься, что полководческий дар и государственного масштаба мышление Солтанмута вместе с энергией его сподвижников дали свои результаты. В конце 16-го и начале 17-го веков в северной части нынешнего Дагестана появилось Кумыкское государство, которое явилось буфером от внешних захватчиков для остальных территорий Дагестана. Узнав об этом из архивов, я испытал чувство законной гордости за то, что мои предки были причастны к созданию мощного, по тем временам, государства на Северном Кавказе — Кумыкского государства. Мои предки, участвуя в управлении войсками, способствовали полному изгнанию захватчиков в 1604 году, что обеспечило Дагестану полосу мирной жизни продолжительностью более 200 лет. При сравнении деяний Солтанмута и Шамиля сердце обжигает обида за исковерканное освещение исторических фактов. Но это отдельная, еще никем не тронутая тема.

Оперируя современными понятиями, исполнительная и судебная власть Кумыкского государства находились в руках первостепенных узденей. Права и обязанности их изложены в архивных документах (Ф-105, опись 5, ед. хранения 18, стр. 58—77). Все они владели земельной собственностью и как землевладельцы пользовались одинаковыми правами с князьями; были свободны от всяких повинностей, что считалось в народе самым главным преимуществом. Из первостепенных узденей избирались народные суды. Вместе с князьями уздени участвовали в защите страны и предводительствовали в военных действиях. Были посредниками между высшим и другими сословиями, всегда являлись защитниками угнетенных. Сала-уздени управляли wybranными старшинами аулов, расположенных на их землях. Узденское достоинство считалось присущим по рождению, а поэтому князья не могли давать или

лишать этого достоинства. Браки первостепенных узденей совершались только среди своего сословия. Выдавать своих дочерей за князей считалось предосудительным, а в низшие сословия — унижительным.

В архиве перечисляются тухумские фамилии, которые относятся к первостепенным узденям — Сала. Вот они, кто управлял делами общества в Кумыкском государстве: Агаевы, Акайчиковы, Баммат-Аджиевы, Боташевы, Казбековы, Кандауровы, Качалаевы, Токаевы, Тутушевы, Умар-Аджиевы.

Мои предки, прибыв как сподвижники Солтанмута в засулакские степи, в 16 веке основали на правом берегу реки Акташ селение Карланюрт (селение названо именем почитаемого в тухуме человека). Тухум состоял из шести семей. Вот их потомки в 1850—1860 годы: Алиев Келемет, Казиев Карлан, Магометов Биярслан, Танаевы — Алякав, Менатулла, Пейзулла, Темирукаев Юнус, Тулпаров Аджи. Все они из рода Акайчиковых. Семьи совместно владели землей, охватывающей пространство, ограниченное в наше время автодорогой Ростов—Баку по правому берегу реки Акташ до Бамматбекюрта, от Бамматбекюрта до Муцалаула и дальше вдоль дороги, ведущей к трассе Баку—Ростов (2631 га). На их землях возникли поселения Могилевск, Петраковск, Байрам (хутор Акайчиков сейчас не существует), через их земли теперь проходит железная дорога.

В связи с вхождением Кумыкского государства в состав России и образованием Терской области, а потом и Кумыкского округа с административным центром в Хасавюрте и с отменой крепостного права (1861 год) по инициативе органов власти центра в слободе Хасавюрт в 1864 году было проведено собрание представителей землевладельцев, депутатов от обществ и администрации Терской области. Собрание продолжалось в течение трех дней. Стоял вопрос о наделении общества землей и путях его цивилизованного решения. Все согласились на условиях: землевладельцы передают обществу две пятых части своей земли и ирригационные сооружения. После передачи части своей земли обществу Акайчиковы оставшиеся земли решили по жребию разделить между собой. Моему прадеду достались четыре участка: на юго-восточной части села, в сторону Муцал-аула — 145 га, от дороги Баку —

Ростов по правому берегу Акташа до села — 29 га, два сада (виноградный и фруктовый) совместно с Магомедовым — 8 га. (Архив ЦГА РД: Ф-105, оп. 2, Дело 10, Ф-105, оп.1, Дело 270, Ф-105, оп. 1, Дело 35, 257, 243, 268, Ф-105, оп. 2, Дело 114).

Мой прадед Тулпаров Аджи (отец назван именем своего деда) поступил для воспитания в дворянский полк кадетом пятого октября 1835 года и при выпуске произведен в корнеты с состоянием по кавалерии, о чем объявлено в высочайшем приказе второго октября 1838 года. За отличие в боях награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом с надписью «За храбрость», о чем объявлено в приказе по отдельному Кавказскому корпусу (позднее Кавказская армия) от 15 августа 1853 года № 772. Был прикомандирован второго апреля 1840 года при Кизлярском казачьем полку, который дислоцировался в станице Каргалинская. Получал жалованье от Ставропольского комиссариата 209 рублей 55 копеек серебром. Вышел в отставку в чине поручика ориентировочно в 1867 или 1868 году. За заслуги его перед царским правительством он пожалован званием потомственного дворянина (15 сентября 1866 года, № 4311). Знаю, что у него было два сына и одна дочь. Старший сын Тулпар находился на службе в охранной команде, но дальнейшая его судьба мне неизвестна, наследников от него нет. Второй его сын Арслан-Али, мой дед, воспитывался в своем имении в селении Карланюрт. Рос он без надзора родного отца, был избалованным, пристрастился вместе с другими привилегированными отпрысками к картежным играм и выпивке. В результате не только не приумножил унаследованное от отца состояние, а разорился. Можно сказать, промотал все, за исключением 34 га сельхозугодий и небольшого сада. Был неуживчивым человеком (по отзывам современников). Все хозяйство держалось на плечах моей бабушки Дженнетт. Она была очень деловая и умело управляла всем хозяйством. Совершенно не похожим на своего отца вырос его сын Аджи. Одаренный от природы, он своим детским и юношеским сознанием отверг все дурное, что испытал со стороны своего отца. Мой дед в 1921 году был еще жив, умер он приблизительно в 1925 или 1926 году (точнее еще не установлено).

Мать моя Мадиш — из зажиточной крестьянской семьи, отличалась изумительной красотой, сделавшей возможным ее бракосочетание с моим отцом. В их семье было три брата и две сестры. Она была поздней дочерью у родителей. В архивных документах значится, что у них было большое количество овец, рабочих быков, лошадей, за которыми следили хозяин со своими сыновьями и нанятыми работниками. По преданию, один из предков моей матери, согласно адатам, из-за кровной мести покинул кумыкскую степь и ушел в горы Чечни, где женился на чеченке. У них родился сын, которого назвали Мычигиш (что означает по-нашему чеченец). Когда последний вместе с отцом или по его завещанию вернулся на землю предков и обосновался в селении Карланюрт, он также был женат на чеченке. В первой Всеобщей переписи населения Российской Империи в 1896 году (архив РД, Ф-40, оп. 2, ед. хранения. 6) значатся его дети: Дадам 30 лет и Закау 25 лет. Дадам — мой дед по материнской линии. Его жена, моя бабушка Тотай, так же была чеченкой, умнейшей и добрейшей женщиной на свете. Прожила долгую жизнь, и мне посчастливилось знать ее очень близко, но об этом рассказ еще впереди.

ПОЕЗД ИДЕТ НА ВОСТОК

Наш вагон напоминал потревоженный пчелиный улей: плач детей, причитания и всхлипывания женщин, бодрый дух юношей и их горячие высказывания о готовности к превратностям судьбы, трезвая дискуссия глав семей с анализом прошлого, настоящего и ожидаемого будущего, грохот вагонов — все это при тусклом свете, слитое в единый невообразимый стон, пугало меня, ребенка неполных трех лет. Но постепенно — сначала дети с мамами, а за полночь и остальные обитатели вагона, протиснувшись на нары, под стук колес уснули.

Наутро, когда я проснулся и больно стукнулся головой о доски верхней полки, не было предела моей обиде на тех, кто изготовил это «сложное» сооружение, не предусмотрев хотя бы небольшого комфорта для меня. Я и сейчас удивляюсь: как на эти три яруса, так низко сколоченные, протискивались на ночлег

взрослые? Маленькое окошко под самым потолком постоянно было облеплено взрослыми, иногда и мне перепал счастливый случай, когда кто-нибудь из старших поднимал меня на плечи, и тогда я лицезрел пространство, мелькающее перед глазами.

Мне казалось, что мы едем бесконечно долго и что не будет конца этому пути, меня удивляло, что наш эшелон ни на одной станции не останавливался. Как раскопечгарится, сутками идет без остановки, но если встанет, то обязательно где-нибудь в бескрайней снежной степи и на целые сутки.

Наконец, однажды ночью наш поезд со страшным грохотом остановился. Послышались лай собак и одиночные человеческие окрики, которые напомнили нам, что мы — люди и находимся среди людей. Это была наша конечная остановка. Измученные долгой дорогой, мои земляки обрадовались. Хорошо помню: по вагонам, по всему эшелону была подана команда: «Прибыли, разгружайтесь!» В кромешной темноте мы начали разгружаться прямо на снег, тут же стали вспыхивать огромные костры, озарившие эшелон. Подали подводы и сани, на которые погрузили нас, детей, укутанных одеялами, и домашнюю утварь. Повзрослев, я, вспоминая те дни, не перестаю удивляться уровню организованности людей, тем более, если учесть, что это был март 1935 года — не время космической эпохи, а период сплошной неграмотности и ограниченных связей. Меня — жителя села, этапиремого из Дагестана, знают там, знают день моего прибытия, готовятся встречать кострами и подводами в далеком Казахстане, на глухом железнодорожном полустанке глухой ночью.

Погрузившись, построившись в колонну, мы тронулись к постоянному месту жительства. Оно оказалось не так далеко от места выгрузки, примерно в четырех километрах. К утру колонна остановилась возле большого барака, где мы должны были размещаться.

НА НОВОМ МЕСТЕ

Несмотря на середину марта, земля казахстанская спала еще в глубоком снегу. Большинство из семидесяти шести прибывших семей были расселены в одном бараке, и каждая

семья обосновалась как бы в отдельной комнате, отделившись от соседней простынями. Несколько семей были вынуждены выкопать землянки и устроиться в них. Охрана, сопровождающая этап, благополучно доставила нас к постоянному месту жительства и торжественно вручила нашу дальнейшую судьбу местной комендатуре №4, сформированной к нашему прибытию. Оказалось, что до нас в эти края прибыло три этапа.

Комендант собрал всех взрослых мужчин, провел «разъяснительную» работу. Из уст переводчика слушатели поняли, что они являются трудпереселенцами, которые до настоящего времени были эксплуататорами чужого труда, а сейчас, мол, пришло время самим приобщаться к физическому труду. Слушатели тяжело восприняли сообщение о том, что они переселены в эти края навечно, комендант же требовал отбросить даже мысль о возврате на родину. Было сделано предупреждение, чтобы никто из расположения организуемого совхоза не отлучался, к нарушителям режима (по любым причинам) будут приняты меры как за попытку к бегству из мест заключения. На базар или к врачу — только с разрешения коменданта.

Задача переселенцев — обеспечить сырьем сахарный завод, строительство которого было на стадии завершения. Намечалось формирование двух совхозов: первого отделения на правом берегу реки Талас и второго — по левому берегу (там народ в основном из Чечни). Совхозы владели громадными плантациями сахарной свеклы.

Так экономический вопрос строительства социализма решался большевиками через насилие. Для привлечения рабочей силы находили в обществе прослойку людей, якобы «пораженных нездоровой ностальгией по жизни своих предков, что пагубно отражается на строительстве социализма», и чтобы они не мешали своими мыслями окружающим, их необходимо было изолировать и выслать туда, куда, как говорится, «Макар телят не гоняет». Таким образом, решались два вопроса — идеологический и экономический. Представитель советской власти требовал перевести вновь прибывшим, что они с завтрашнего дня приступают к полевым работам, при этом, продолжая обустриваться, т.е. после трудового дня каждая

семья должна строить себе жилье. Так началась жизнь подневольных людей на обширных полях Семиречья.

Территория, отведенная под строительство поселка, состояла из камышовой заросли, местами попадались заболоченные участки, на которых били из-под земли ключи. Подземные грунтовые воды находились очень высоко, копанешь лопатой — выступает вода.

Стройка началась с трассировки улиц и разбивки мест строительства домов вдоль них. Каждый саманный дом — на 4 семьи, каждой семье одна комната площадью 20 кв. метров и прихожей 3 кв. метра. На строительство домов от государства выделялось на семью: пиломатериалы на одно одинарное окно и два дверных блока. Все остальное надо было делать своими силами, с использованием местных материалов — камыша для утепления, глины для самана. Вторую половину совхоза начали строить прибывшие следом за нами эшелоны из Белоруссии.

Совхоз разворачивался многоотраслевой, поскольку рабочей силы уже хватало: кроме свекловодства, занимались садово-огородным хозяйством, создали молочно-товарную ферму. Вот этим последним хозяйством были заняты белорусы и другие переселенцы, которых доставили из центральных областей России.

Местность, где мы должны были обосноваться, представляла собой ковыльную степь с камышовыми зарослями, с многочисленными ручейками от родниковых источников. Земля отличалась необыкновенным плодородием. По ней протекала своенравная, а весной бурная, уничтожающая все на своем пути, река Талас. Ее многочисленные рукава изрезали все поля будущего совхоза. Местность безлесная, камень — редкость, некоторые местные жители носили его как талисман. Основное топливо — солома, камыш, кизяк, а административные учреждения обеспечиваются углем.

Вдали хорошо видны цепью тянущиеся с юго-востока отроги Тянь-Шаньских гор, недалеко от которых проходит Турксибская железная дорога. Жизнь местного населения — казахов — напоминала цыганский табор.

Они были рассеяны по необъятной степи Семиречья по десять—пятнадцать семей, отдельными аулами, на расстоянии трех—пяти километров один от другого, но обязательно

селились на берегу речки или у родника. Некоторые аулы располагались поблизости, и если требовалось пригласить по делу человека из другого аула, это можно было сделать, выйдя на крышу дома и подав сигнал зычным голосом.

До нашего прибытия была проведена определенная работа с местным населением. Потом нам казахи рассказывали, что они сами прятались и детей не выпускали в течение нескольких дней. По всем аулам прошел тревожный слух о том, что привезли выловленных в Кавказских горах диких людей. Но постепенно, приглядевшись, местные жители стали смелее приближаться к нам, и потом уж не было конца их удивлению, когда они увидели, что мы обыкновенные люди и притом их соплеменники по вере и языку. Начали мы общаться на одном языке, как родные. Местные, как потомственные скотоводы, занимались в основном животноводством. Казашки — отменные мастерицы по приготовлению айрана. Они щедро делились с нами молочными продуктами.

Казахи по своей натуре очень общительны, с чувством юмора. От них веет добротой, они всегда готовы на взаимную выручку. Однажды узнав их близко, навсегда сохраняешь добрую память об этих степняках. Но многое в их быте, привычках, обычаях нас поначалу шокировало. Например, то, что женщины-казашки все курили, каждая при себе за поясом из платка имела табак и бумагу. Обычно они сядут кругом и с самокруткой во рту ведут мирную беседу. А мужчины у них не курили, почти все имели кисеты с насуваем (самосад), по щепотке которого путем вдыхания отправляли в ноздри. Наши подростки часто разжигались куревом у местных женщин.

Таким же экзотическим для нас казался ритуал принесения соболезнования. В аул, где человек принял покой после мирских сует, стекаются на соболезнование люди из других аулов, причем в строгом ранжире. Все женщины в своих аулах собираются вместе и одновременно, одна за другой, цепочкой, все в белых одеяниях, начинают шествие из своего аула во двор усопшего, каждая группа свое шествие сопровождает заунывным плачем-песнопением. Мы, мальчишки, с крыш домов наблюдали эту ритуальную панораму. Они, как будто только что спустившиеся на землю лебеди, шествуют в строгом строю и так со всех сторон

стекаются в дом покойника. Соболезнование приносят во дворе умершего, сидя большим кругом.

Вот в таких новых условиях и местности прибывший народ начал жить и работать.

С выходом моих родителей на работу проблемы присмотра за детьми в нашей семье не было. Мы все были окружены заботой бабушки. Вообще нами всегда занималась она — одевала, умывала, кормила, следила за нами, укладывала и с нами вместе ложилась спать. Такой порядок был у нас еще на родине, в селении Карланюрт. Я и жизнь начал познавать только через мою бабушку. Я даже не задумывался, кем мне доводится женщина, которая проживает с нами, и лишь оглушительный жизненный удар отрезвил мое детское сознание, и я во всем величии узнал в этой женщине свою мать. Когда мы приехали в Казахстан, старшему из нас шел шестой год, а младшему было три месяца. Неутомимая наша бабушка умело управляла нами. Мы так были привязаны к ней, что она не могла ни на шаг отойти от нас, и отсутствие родителей дома мы не ощущали. Отец работал на рытье и очистке каналов, а мать копала ямы для посадки деревьев, но вскоре наша жизнь изменилась.

В один из дней объезжающий свои владения управляющий совхозом подошел к группе наших мужчин, работавших на рытье каналов, и, поздоровавшись со всеми, спросил:

— Кто из вас Тулпаров Аджи?

— Я — ответил мой отец.

— Сегодня, после работы, к восьми часам вечера ждет вас у себя начальник политотдела.

Окружавшие его рабочие остались в догадках и недоумении: почему не к коменданту, а в политотдел? Некоторые предположили, что с его выселением, видать, вышла ошибка, и теперь приглашают извиняться, а потом — теплые, трогательные проводы домой, в свои засулакские степи.

Политотдел занимал богатое для этих мест здание. Оно напоминало барский дом с цокольным этажом, просторными комнатами. Стояло это здание обособленно, на юго-западной стороне будущего поселка. Потом, когда наша семья переселилась жить поближе к этому зданию, я очень любил

рассматривать стоящую у здания политотдела черную легковую машину с колесами на спицах, натянутых на блестящие никелированные ободки.

В приемной отец не успел объяснить дежурному в полувоенной форме причину своего визита, как тот на полуслове прервал его, сказав, что он в курсе, и предложил минутку подождать. Затем он, бесшумно приоткрыв большую фигурную, выполненную из древесины ценной породы, покрытую бесцветным лаком дверь, юркнул вовнутрь и через пару секунд вернулся и предложил войти. В кабинете восседал за своим столом начальник политотдела, а рядом с ним, с торца стола, сидел комендант. Эти двое были одного возраста, во всем же остальном совершенно противоположные люди. Начальник политотдела чуть ниже среднего роста, полного телосложения, с пухловатым светлым круглым лицом и ямочками на щеках. Чувствовался мягкий характер, природный ум, а также знание задач партии. Комендант выглядел как настоящий солдафон, высокий, худощавый, португя с комсоставским ремнем свисала с его диагоналевой, темно-защитного цвета с ромбиками, гимнастерки. Он олицетворял око державы. После обмена приветствиями начальник политотдела предложил сесть на черный кожаный диван и начал разговор с того, что в стране идет ломка всего в прямом и переносном смысле. Страна превращается в громадную строительную площадку, и народ в борьбе за досрочное выполнение пятилетнего плана в своем порыве не знает усталости. В связи с этим большие задачи поставлены перед нами. Ожидается поставка больших партий техники (трактора — ЧТЗ и СТЗ, сеялки, комбайны, прицепное оборудование, автомашины и т. д.). Сегодня рабочие заняты на посадке садово-огородных площадей, а нам предстоит освоить большие свекловичные плантации. Мы не можем сорвать выполнение поставленных перед нами задач, да и партия не позволит. Нам предстоит создать крупное многоотраслевое, в основном свекловичное и животноводческое хозяйство. Сейчас мы должны определиться, кто сядет на трактор, и практически, с помощью инструкторов, на рабочем месте будет обучаться, а кто пойдет в стройцах — каменщиками, плотниками, штукатурами и малярами. Надо уточнить списки земледельцев, поливальщиков, конюхов, возчиков, ремонтников, шоферов и

животноводов. Завершая свой экскурс в настоящее, а также вторгаясь в будущее, в заключение он сказал:

— Мы подробно ознакомились со всеми личными делами прибывших трудпереселенцев. Положение дел нас озадачило. Сплошная неграмотность, в основном сельское население, которое технику не видело. И самое тяжелое обстоятельство — это языковой барьер. Никто, за исключением нескольких человек, не знает русского языка. Да, у вас, особенно среди пожилых, имеются образованные люди, но их знания неприменимы к нашей идеологии, они нам чужды. Это люди, которые в свое время получили духовное образование на арабской письменности. Вы единственный человек среди прибывших, который имеет светское образование, занимали, уже при советской власти, ряд видных должностей.

Взяв в руки личное дело отца, Николай Николаевич начал просматривать послужной список.

— В 1925—1929 годы — секретарь сельского совета, получили финансово-бухгалтерское образование в столице Дагестанской автономной республики — Буйнакске, работали председателем Хасавюртовского пригородного сельпо, уполномоченным райпо. Последнее место до ареста и высылки — директор Бабаюртовской районной заготконторы. Как видно из личного дела, вы подготовленный к руководящей работе человек. Мы хотим назначить вас бригадиром, но с более расширенными полномочиями. Вы должны, кроме учета выхода на работу и контроля выполнения производственного задания каждым рабочим, одновременно вести разъяснительную работу среди своих соплеменников, проводить среди них политику партии большевиков.

Молчавший до сих пор комендант включился в разговор и начал с предупреждения:

— Передайте всем главам семейств, что строительство жилья идет неравномерно: тогда как одни подвели строительство до перекрытия, некоторые возводят фундаменты, а есть семьи, которые еще не приступали. Такое положение НКВД будет рассматривать как саботаж, как вызов советской власти с последствиями за такое деяние.

Отец выслушал обоих представителей власти, их требования, доводы и предложения и сказал в ответ:

— Несмотря на то, что народ, насильно переселенный сюда, в Казахстан, не понимает причину наказания, он должен жить, работать и растить детей — таков закон природы. И люди делают все, что могут. Никакого саботажа нет. А что строительство жилых домов находится на разных стадиях, так это объясняется просто: в одних случаях более умелые строители оказались в одной группе, и дело у них пошло быстрее; в других случаях семейное положение, состояние здоровья не позволяют строить быстрыми темпами. Вот и вся разгадка. А насчет предложения назначить меня бригадиром, — у меня как человека с ограниченными правами нет возможности выбора. Я должен выполнять все требования начальства. Но если вы хотите услышать мои предложения, я бы изложил их в следующем порядке: на первом собрании с переселенцами представители НКВД поставили нас в известность о том, что мы этапированы в эти края надолго, если не навсегда. После этого собрания я долго думал над будущей судьбой прибывших, об устройстве их быта, сохранении обычаев, языка, традиций. И все свои задумки пока ношу в своем сердце. Если бы вы не пригласили, я бы сам хотел напроситься на прием, так как судьба 76 семей должна беспокоить каждого нормального человека, чтобы они стали полезными людьми, чтобы они не ожесточились. Необходимо мобилизовать их на активную жизнь, а этого можно достигнуть только через просвещение. Среди нас есть люди, умудренные жизненным опытом, практические организаторы производства, владеющие необходимым запасом знаний русского языка. Я предлагаю одного из них назначить бригадиром. Вы хорошо знаете, что столько детей, прибывших сюда, без учебы оставлять нельзя, а у меня имеется опыт, я у себя на родине работал школьным учителем и много занимался ликвидацией безграмотности. Предлагаю открыть в совхозе школу на кумыкском языке. Прибывшие в основном кумыки, и семьи других национальностей знают кумыкский язык, так как у нас в Дагестане он является языком межнационального общения. С открытием школы для детей одновременно предлагаю в вечернее время учебу взрослых по системе ликбеза.

Обменявшись мнениями с комендантом, начальник политотдела оказал:

— В вашем предложении есть смысл, и оно отвечает задачам ВКП(б). Мы подумаем, посоветуемся с районными и областными органами советской власти. На этом заканчиваем беседу. При необходимости, если будут поддержаны ваши предложения, мы вас пригласим.

Буквально через неделю, где-то в конце апреля, мой отец был приглашен к начальнику политотдела, товарищу Шаповалову Н.Н. В кабинете, кроме хозяина и коменданта, был еще третий человек средних лет, в очках. Николай Николаевич представил его как деятеля народного образования. Обращаясь к отцу, он сказал:

— На ваше предложение об открытии в совхозе кумыкской школы ликбеза политические органы района и области откликнулись положительно. Необходимо решить ряд организационных и технических вопросов. Для оказания вам помощи ОблОНО откомандировал своего представителя. Вы совместно с ним должны решить в деталях все вопросы и дать свои предложения для начала учебного процесса 1-го сентября.

После этой встречи буквально на третий день моего отца опять пригласили и сообщили ему:

— Видите, рядом с политотделом расположено здание? Одну его половину занимает магазин. Решено освободить помещение и отдать его вашей семье под квартиру.

Наша жизнь начала в корне меняться. Отец был удивлен таким ходом событий, не знал, кто нам так помог. Потом, после того, как помещение было освобождено и мы начали переносить вещи из барака, он случайно узнал, что виновником нашего благополучия был как раз тот командированный из ОблОНО, Мирзалиев Батыр. Познакомившись ближе с отцом и увидев, в каких нечеловеческих условиях живет его семья, состоящая из семи человек, проникнутый чувством вины перед этим благороднейшим человеком, он начал настаивать перед руководством совхоза на создании ему нормальных условий для работы. Он добился своего, и нам была предоставлена квартира. Магазин представлял собой помещение размером где-то 4,5x5,5 метров, с двумя окнами и входной дверью. Эту площадь разбили перегородками на общую комнату для семьи, кабинет и коридор. Жизнь начала приобретать радостные краски. Отец с удовольствием взялся за любимое, благородное дело. В

считанные дни были собраны сведения о детях школьного возраста и о родителях, которые должны быть охвачены учебой в системе ликбеза. Итоги обследования были подведены с составлением соответствующего документа за четырьмя подписями — начальника политотдела, коменданта, представителе ОблОНО и моего отца, с сопровождением этого акта письмом в вышестоящие органы. В акте указано потребное количество инвентаря, сроки освобождения барака и его подготовки под школу. Предполагалось по официальным каналам обратиться к руководству Дагестанской АССР о комплектовании школы учебниками на кумыкском языке и отправке их в срок, чтобы была возможность начать занятия первого сентября. Учителями определили моего отца и молодого парня Бексултана Моллаева.

На период разрешения вопроса моего отца направили работать в бухгалтерию совхоза, где он близко познакомился и подружился с работником конторы татариним Мусалимовым. Он был вроде главного финансиста совхоза, всегда носил с собой изношенный, уже отслуживший свой срок кожаный портфель, и не расставался с ним даже и тогда, когда шел в гости.

Отец активно включался в жизнь в новых условиях. Часто можно было видеть его в окружении людей, у нас начали появляться гости. Отец всегда заботился о семье, особенно о своей матери — нашей бабушке, которой шел восьмой десяток лет. Если она приболеет, он терял самообладание, не отходил от нее ни на шаг, и его переживания передавались всем нам, домочадцам. Я больше в своей жизни не встретил другого человека с подобным благородным исполнением своего сыновнего долга. Не сомкнув глаз, он мог всю ночь просидеть у изголовья больной матери. Единственный сын и такой благородной души человек — редкий случай в нашей жизни, особенно в час испытаний.

Помню, когда отец первый раз получил зарплату, мы соорудили рядом с домом небольшой курятник и завели кур, и они стали подспорьем да нашей жизни. Как я говорил, наш дом располагался вблизи здания политотдела, их отделяла небольшая поляна, справа были какие-то ремонтные мастерские, слева болотистая лужайка с протоками ключевой

воды, выбивающейся из-под земли. Сзади дома была канава шириной около метра, неглубокая, заросшая вьющимися травами с яркими цветами, а вдоль нее росли вековые тополя. Здесь мы часто резвились. За канавой была большая площадка, как будто подготовленная для стадиона, а дальше новостройки поселка. В последующем на этой площадке, которую можно было оставить под стадион, разбили парк и засадили акацией. Она так разрослась, что получился не парк, а колючая роща, зеленый массив, никто там не отдыхал.

В первый весенний сезон мы успели посадить возле дома и на поле кукурузу, тыкву, фасоль, арбузы, лук, огурцы. На зиму мы были обеспечены всеми необходимыми продуктами.

Незаметно подошел последний месяц лета. В августе мой отец вплотную занялся подготовкой к учебному году. Из Дагестана совхозная школа получила учебники согласно заявке — в достаточном количестве. РайОНО укомплектовал классы инвентарем и приказом назначил моего отца учителем начальной школы. И в далекой казахстанской степи Семиречья школа начала занятия на кумыкском языке.

Активно участвуя в жизни переселенцев, отец многим помогал налаживать быт. Люди видели в нем грамотного наставника, поэтому к нему тянулись. Помню, как часто пожилые люди после работы ожидали отца, сидя у нас дома и забавляя нас. Приходили с разными просьбами и бедами, одни просили написать заявление, чтобы выделили подводу отвезти больного в город Джамбул, другие просили помочь определиться с работой по специальности; третьи доказывали, что с их выселением произошла ошибка, и просили написать заявление в высшие инстанции, чтобы им разрешили вернуться домой и т. д. Отец всем помогал как мог, сопровождая некоторые официальные заявления записками, в которых толковалась суть заявления, а некоторых ходяков он сам сопровождал к коменданту или к директору совхоза. Бывали случаи, когда некоторым он сам доказывал бессмысленность их просьбы.

Часто и руководство обращалось за помощью ж моему отцу в разрешении вопросов, связанных с рабочими-переселенцами. Таким образом, отец волей судьбы стал как бы

полномочным представителем. У нас начали появляться гости из служивых людей и интеллигенции.

Помню, как эти гости часто нас, детей, одаривали разменной монетой. Знаю, такой подарок сегодня вызывает улыбку, но в те времена это много значило для нас.

Начался учебный год. Отец полностью отдался учебному процессу. Он отгородил коридор, сделал себе кабинет, как-то быстро кабинет наполнился книгами, на письменном столе, под стеклом лежали какие-то разграфленные листы с цифрами, видимо, расписание уроков. На занятия отец брал с собой своего первенца — моего старшего, шестилетнего брата Арсланали (назван в честь нашего деда). Так мой брат пошел в школу в шесть лет. После дневных занятий с детьми отец брал с собой нашу маму и они вместе отправлялись на занятия со взрослыми по ликвидации безграмотности.

АРЕСТ ОТЦА

Переселенцы — почти все взрослое население — были безграмотными. Помню, как мама и папа, отряхиваясь в коридоре от снега, приходили поздно ночью, и с их приходом наступало оживление, не было конца нашей радости, и бабушка с приходом родителей могла позволить себе отдохнуть. Жизнь набирала силу. У отца были большие планы, он радовался тому, что у него растет столько здоровых детей, «ведь их тухум по линии отца был очень малочисленным, по документам мой прадед в семье был один, и неизвестно пока, были или нет у него братья. Мой дед также остался один из рода, мой отец рос один среди трех сестер. А тут сразу три сына, да еще дочка. Он мечтал, чтобы старший сын стал инженером, я юристом, сестра врачом, а младший сын — обязательно директором предприятия. Так, поглощенный вопросами воспитания детей, школой и общественными обязанностями, отец жил творческой жизнью и нашел что-то вроде точки опоры для счастливой судьбы. Он настойчиво учился сам, имея дома большое количество книг, а в летние каникулы 1936 года занимался в Институте усовершенствования учителей в городе Джамбуле. Приезжая на выходные дни, он всех нас мобилизовал на

сельскохозяйственные работы. Помню, как мы сажали кукурузу. В подготовленную к посадке почву отец бросал семена, а потом нам, малышам, давал заточенные с одного конца палки, и мы должны были у каждого зернышка воткнуть палку, чтобы зерно провалилось в образовавшуюся ямку.

Семья наша была полностью обеспечена всем необходимым для нормальной жизни, но в разговорах родителей чувствовалась их огромная тоска по родине, по отчему дому, однако молодость брала свое. С надеждой на лучшее будущее текла наша спокойная, счастливая семейная жизнь. Завершился еще один учебный год, наступило лето 1937 года. Отец, как обычно, успел посадить огород и бахчевые и уехал на учебу в Джамбул. Снарядив его всем необходимым и попрощавшись, мы остались счастливо поживать.

Наша семья как бы напоминала цветущий сад, одетый в нарядные кружева бело-пурпурного цвета, но в одночасье уничтоженный нагрянувшим морозным ураганом. Все вдруг померкло, остановилась жизнь. И мы, дети, уже привыкшие к беззаботной жизни, стали, можно сказать, сразу взрослыми, поняли, что в наш дом пришла беда.

Помню, как в один из летних дней 1937 года «черный ворон» подъезжал к отдельным домам поселка, производились обыски, увозились хозяева. Каждый с замиранием сердца смотрел, к какому дому направляется «черный ворон». Кто будет следующим? Вот он подъехал к одному нашему родственнику, забрал хозяина, потом к другому — обыскав, тоже забрал. Мы с чердака дома наблюдали, нам передалась тревога взрослых — домочадцев и соседей. От поселка наш дом был в стороне, его отделяла площадка, усаженная молодой акацией. И вдруг мы увидели, что «черный ворон» направляется к нашему дому. Мой брат, все поняв, быстро спустился с чердака, забрал свои учебники, книжечки-раскраски, чтобы они не достались НКВД, и, выбежав из дома, спрятался за большими тополями. Подъехавшие к нам энкавэдэшники перерыли квартиру и, осведомившись о месте нахождения отца, уехали. Бабушки в это время не было, она, услышав, что чекисты у родственников производят обыск, пошла туда, гонимая тревогой. Пришла удрученная, тяжело переживая увиденное, рассказывала, как все происходило, как надевали наручники на

этих пожилых людей и забирали их. Она совершенно не подозревала, что «черный ворон» посетил и наш дом, наверное, узнав об этом, она не смогла бы это пережить. До ее прихода мама убрала квартиру, и когда пришла бабушка, стала ее сочувственно обо всем расспрашивать и успокаивать — мол, это какая-то ошибка, разберутся и отпустят, начальники не глупые, таких в начальники не назначают.

Через некоторое время, когда матери сообщили, что наш отец тоже арестован и находится в одной тюрьме с другими родственниками, она решила пойти туда. Тогда было арестовано четырнадцать человек, как потом я узнал. Нам об этом рассказали старшие дети арестованных, которые носили в тюрьму передачи. Мама просила всех, чтобы мы не проговорились бабушке, надеялась, что все образуется и отец вернется. Опережая вопросы бабушки, почему отец не приехал на выходные, мама сказала ей, что учеба очень напряженная и приехать отец не может и потому попросил, чтобы Мадиш приехала к нему с продуктами и сменой белья. Подготовившись, вместе с другими несчастными мама понесла в городскую тюрьму передачу, она надеялась увидеться и поговорить с ним. Однако этого не случилось. Какое там свидание! Целых шесть часов пришлось простоять, чтобы приняли передачу. Сначала продукты забирали в специальную комбату, там их тщательно просматривали, ломали все, перемешивали и хлеб, и махорку, и варенье, и соленье, ничего крамольного не находили — несли этот винегрет страждущему в тюрьму.

Мать все время удивлялась, какая грубая сила охраняет тюрьму. Ничего человеческого, как будто это люди без крови, без чувств, как бы выкованные из серой стали. Они, как автоматы, могли только выдавать: «да», «нет», «не знаю», «не положено», «отойдите», «стоять». Даже мимики никакой на их лицах не было, как будто это были специально подобранные механизмы в человеческом облике.

Меня до сих пор поражает, откуда столько душевных сил было у моей мамы, этой 27-летней женщины, уже матери четырех детей, получившей нежное воспитание в родительском доме, где она была последней дочерью и не знавшей трудностей ни в детстве, ни в благополучном замужестве, чтобы пройти 12 километров до Джамбула, шесть часов простоять с передачей у

тюрьмы и вернуться обратно к глубокой ночи, да еще успокаивать свекровь, убаюкивая ее небылицами о том, что ее сын очень занят, сдает по ходу учебы экзамены, не может оставить учебу ни на один день, и она теперь обязана доставлять ему все необходимое, так будет продолжаться месяца два. Мама надеялась, что за это время все прояснится.

Я слышал, как наша мама украдкой плакала ночами, когда все спали. Конечно, ей было о чем плакать. Она прекрасно понимала, что не готова к таким превратностям судьбы, ее охватывала тревога за будущее детей, ведь старшему шел только седьмой год, а младшему — полтора, да еще она ждала пятого ребенка.

Несмотря на бодрые сочинения мамы, бабушку тоже стала охватывать тревога, она чаще стала расспрашивать о сыне: почему он позволяет себе не видеть свою мать больше месяца, он же может хоть в один выходной провести ее и тут же уехать.

— Почему ты стала такая молчаливая, и что-то ты вся красная, ты что, больна? — допытывалась она у мамы. Мама была плохая дипломатка, но кое-как ускользнула от прямого ответа. Ей так хотелось во время этих расспросов разрыдаться, рассказать все начистоту, но страх за последствия был сильнее, и мама, загнав в глубину души свое горе, вступила в неравную схватку с жизнью.

Избежать второй трагедии не удалось. Однажды, в конце августа, мама вернулась глубокой ночью. Она потом рассказывала, что всю дорогу от Джамбула она плакала, слезам не было конца; однако подходя к поселку, умылась у канавы, чтобы приготовиться к встрече с домашними. Она все время спрашивала всевышнего, за что черная сила карает ее?

На другой день к нам пришла родственница, чтобы расспросить, что удалось узнать об отце. Бабушка в это время была во дворе по каким-то делам. Рассказывая, мама не сдержалась и заплакала, сообщив, что передачу вернули, потому что отца отправили неизвестно куда. Этот разговор в открытое окно услышала бабушка, и это известие потрясло ее сознание, она как бы вошла в другое измерение, поплыла по легкой, веселой жизни. Войдя в дом, она стала рассказывать о своих детских игрушках, о том, что ее сын плохо спит ночами, мысли ее путались, как в бреду. И мама поняла, что бабушка все

услышала и что произошло то, чего она так боялась, она знала, что бабушка потерю своего единственного сына не перенесет. Бабушка сошла с ума. Третий удар мы получили в конце августа. К нам пришли и приказали освободить квартиру. Нас поместили на окраине поселка в комнату, где умер хозяин, дочь вышла замуж, а сына посадили. Таким образом мы очутились рядом с комендатурой.

Комендант и управляющий потребовали, чтобы со следующего же дня мама выходила на полевые работы. Она ждала ребенка, но вынуждена была выходить на работу, оставляя на произвол судьбы нас одних. Бабушку мы не могли остановить, она уходила из дома куда глаза глядят, часто родственники, увидев ее одну на улице, забирали к себе. Вернувшись с работы и не застав бабушку дома, мама уходила ее искать, приводила домой, умывала, чистила платье и, обливаясь слезами, кормила ее и укладывала спать. И так почти ежедневно. За полночь мама начинала готовить какую-нибудь нехитрую еду, а мы к тому времени все уже опали глубоким сном. Она нас будила, заставляла поесть! Как вспомню все это, сердце сжимается от жалости к маме, к ее несчастной судьбе. Так продолжалось до глубокой осени. Бабушка совсем ослабла, болезнь прогрессировала, и она окончательно слегла. Мы разговаривали с ней, как с ребенком. Целыми днями она теперь оставалась с нами, мы приносили ей все необходимое в постель, но убирать не могли, это делала мама. Когда бабушка начала угасать, мама перестала ходить на работу, она была уже на последнем месяце беременности.

Наступил 1938 год. В январе или феврале, не помню, моя бабушка Дженнет умерла в возрасте 77 лет, как раз на Ураза Байрам. Помню, как дети гурьбой заходили с праздничными поздравлениями (такой обычай у мусульман, во всяком случае в Дагестане), но, увидев покойника, «пробкой» вылетали. Бабушку похоронили на мусульманском кладбище, вблизи второго отделения свеклосовхоза, расположенного от нас в четырех километрах и недалеко от Кош-Тюбе, через который идет дорога в Джамбул. Так бабушка ушла из жизни, не узнав о дальнейшей судьбе сына, не увидев его родное лицо, и нашла покой в далеких казахстанских степях, навечно потеряв родину и сына. Что может быть трагичнее для человека?

А живым надо продолжать жить. В эти дни, после похорон, в нашей семье появился пятый ребенок. Сестренку назвали Хава. Мы не отличались внешне красотой, а малышка была прелестная, похожая на маму — очень красивую женщину. У мамы были две тугие черные косы до самых пят, чуть округлое белое лицо, черные брови, румяные, как яблоко, щеки, белые ровные зубы, карие глаза — она олицетворяла собой типичную женщину кумычку. Спустя полтора-два месяца после родов мама пошла на работу, оставив ребенка на наше попечение. Наш урожай 1937 года, заложенный еще отцом, оказался скудным, так как участок плохо обрабатывался из-за ареста отца. Кур и уток не стало, мама еще с прошлого лета всех их отнесла в тюрьму для передач. Так наша семья к весне 1938 года осталась без продуктов, и суровая действительность заставила маму думать и изобретать, чтобы не допустить голодной смерти пятерых детей. Мизерной оплаты трудоемких полевых работ явно не хватало. Нельзя сказать, что друзья и сослуживцы отца отвернулись от нас, но не надо забывать, что в те времена было небезопасно встречаться с семьей «врага народа». Мама рассказывала, как однажды друг отца Мусалимов, видя наше горестное положение, предложил ей помочь устроиться на работу начальником почтового отделения, и каково было его удивление, когда мама ответила, что она неграмотная и не имеет образования. Он сокрушался, что у такого грамотного мужчины такая жена. Как он мог допустить это? Нет даже начального образования! Имей она хотя бы его, удары судьбы переносились бы не так тяжело.

Мама взяла у коменданта разрешение отправиться на базар в Джамбул. Первый демарш судьбы: у мамы было дорогое пальто, почти новое, туфли с ботами (тогда это было в моде). Она все это продала, взамен купила фуфайку и на вырученные деньги мы жили какое-то время. Однако несмотря на все ее старания, мы все же оставались на сухой кукурузной лепешке и воде. Правда, летом и осенью было чуть полегче. Мама работала в садоводческо-огородной бригаде, два раза — в обед и вечером — приносила нам некондиционные овощи, особенно запомнились мне дыни — такие душистые, маленькие сладкие.

Беды не покидали нашу семью. Не прожив года, умерла наша маленькая сестренка. Младший брат Салах к концу 1938

года стал ярко выраженным рахитиком. Ему шел уже третий год, но он не мог ходить, а голова стала невероятно большого размера. Маму охватила страшная тревога: если дело и дальше так пойдет, она может потерять всех своих детей! Муж канул в неизвестность, никто не знал, что с ним сделали, где он. Она не раз просила коменданта узнать о судьбе мужа, но никакого ответа так и не получила.

Оценив обстановку и свое положение, мама остановилась на дерзкой мысли. И с лета 1938 года она, с такой оравой детей, начала готовиться к побегу из ссылки. Отчаянный поступок готовился по двум направлениям: нужно было найти проводника контрабандного провоза ее с детьми и собрать денег на дорогу. И она начала добывать деньги. У нее было много домашней утвари. Она долго не хотела с нею расставаться, думала — все образуется, вот-вот появится отец. По ночам она перетряхивала перины, чтобы сделать из них подушки. Как соберется три—четыре, брала разрешение у коменданта и несла их на базар Джамбула. И так целое лето. Когда закончила шитье, продала швейную машину. У нас было много столовой посуды, постепенно, даже втайне от соседей, продала и ее. Столовые приборы из серебра — ложки, вилки и прочее — она сдавала для продажи в магазин Джамбула.

Наступил 1939 год. Под носом у комендатуры мама готовилась к побегу. Комендант, видя убитую горем многодетную женщину, даже и мысли об этом не мог допустить. Он сочувственно разрешал ей в выходные дни ходить на базар, предполагая, что она продает вещи, чтобы прокормить детей. Потом мама нам рассказывала, что своими планами она делилась лишь с одной из родственниц, сестрой своей мамы Хабийбат. Она была умной и сообразительной женщиной. Ее мужа, 62-х летнего Джабраила, тоже арестовали вместе с моим отцом, но их положение было более или менее благополучным: ее окружали четыре взрослых сына и две дочери. Все свои деньги мама отдавала на хранение ей, так как Хабийбат по возрасту была освобождена от трудовой повинности и находилась постоянно дома.

Мама осторожно искала надежных людей, готовых с нею бежать в родные места. Но это оказалось трудным и опасным делом. Вскоре она поняла, что находится на грани разоблачения.

Пришлось срочно принять все меры, чтобы развеять подозрения, она отдалась полностью заботам о доме и работе. А чтобы окончательно убедить окружающих в своей благонадежности, купила козу. Этот свой шаг она считала самым верным в своей жизни: коза моментально сняла все подозрения и разговоры.

После ареста отца мы как-то вдруг повзрослели. Наше сознание опережало возраст. Например, я с шести лет вместе с братом заботился о топливе для печки. Дело в том, что в совхозе основным топливом была солома, а также камыш, кизяк; потом, когда развилось свекловодство, добавились корни и стебли свеклы семенного участка. Уголь был дефицитом, его выдавали только госучреждениям и школе. Зимой каждое утро я подкарауливал, когда уборщица выкинет угольный шлак из комендантских печей. Я его аккуратно сортировал и приносил домой. Вторично угольный шлак отлично разгорается. Это было хорошим подспорьем в холодные ночи. Мы с братом наловчились запасаться топливом после ураганных ветров. Там осенью часто бывали сильные ветры, они издали гнали огромные клубки перекасти-поля, какие-то стебли, камыши — все это забивалось в канавы. Наш дом стоял на окраине села. Когда ветер утихал, мы вынимали все это из канав и были обеспечены на какое-то время топливом.

Мы во всем старались помочь маме, я убирал, мыл полы, приносил воду из колодца, который находился неблизко, к приходу мамы кипятил воду для приготовления пищи, чаще всего мамалыги. Кипятить воду с помощью соломы—работа очень долгая.

Мама была рукодельница, она наряжала нас в перелицованное старье, вязала нам носки, варежки, шила кепки, тубетейки.

В 1939 году я пошел в школу. Она была от нас далеко, в другом конце поселка. Эта отдаленность очень тяготила меня, особенно когда спозаранку идешь через пустынный, заснеженный поселок. Не могу не упомянуть свой грешок зимой того года; вот уже пошел шестой десяток лет, а до сих пор не могу забыть. Видя, как часто мать просила у соседей спицы для вязания шерстяных носков, я мечтал, чтобы она имела свои спицы. И решил «осчастливить» ее, сделать ей подарок. Ночью

я украл у нее один рубль и положил в свой тряпичный портфель. Наутро мы с братом пошли в школу. Уже рассвело.

Возле магазина я незаметно для брата бросил скомканный рубль в снег и воскликнул: «Смотри, деньги!». Начали думать, куда пустить находку, и тут я предложил: «Давай купим маме спицы, ведь она часто одалживает их у соседей и будет очень рада подарку». Вот такую операцию я проделал с братом, чтобы он был свидетелем, что деньги действительно найденные. Я рассуждал так: мама сэкономила деньги, жалела потратить их на спицы, а я вот восстановил справедливость, купив их за ее же деньги. И все же, в душе моей навечно остался осадок, что я мелкий воришка.

По характеру мы с братом не были задиристыми, со сверстниками сложились ровные отношения, но обидчику не прощали ничего, особенно старший брат. Дома мы были тихими, как и в обществе, но отдельные капризы старшего брата говорили об издержках в воспитании первенца — это отголоски избалованности всеобщим вниманием родителей и родственников к его персоне в раннем детстве. Старший брат был чувствительным и очень ранимым. Летом в совхозе ребята целыми днями находились на естественных пляжах, благо, в реках и канавах воды было предостаточно. На реке Талас в нескольких местах были пляжи, многие любили купаться у моста, оттуда можно было прыгать, как с вышки. На другом берегу Таласа была полноводная канава с глубокими тихими заводями. Одно такое излюбленное место ребята называли «золотой ямой», где целые полчища мальчишек проводили свои летние дни. Там происходили всякие игры и потасовки, особенно интересовавшие зрителей.

Вот мой брат дерется со своим обидчиком, терпеливо принимая удары, сам наносит удар за ударом, проявляя бойцовский характер, наращивая темп наступления. Но достаточно было кому-нибудь из зрителей вмешаться со словами «этого мальчика нельзя обижать, у него же нет отца, он сирота», как мой брат раскисал и уходил прочь. Он не терпел жалости, она его угнетала и унижала.

В 1937 или 1938 году Джамбульскую область наводнили китайцы. Оказывается, их выслали с Дальнего Востока. Появились они в нашем совхозе и в окрестных аулах. В совхозе

пошел слух, что они едят собак и занимаются людоедством. Поэтому на них смотрели с подозрением и опаской. Собак они действительно ели, а относительно людей — явный плод чьей-то воспаленной фантазии. Когда нашу соседку пытался украсть жених со своими товарищами (в Дагестане это один из способов жениться по обычаям некоторых народностей), она подняла страшный крик, на который сбежались соседи. Узнав, в чем дело, они с облегчением разошлись со словами: «А мы думали, что это китайцы уносят детей Мадины», т. е. нас.

Среди пацанов прошел слух, что китайцы знают особый способ кулачного боя. Все мы, подражая им, стали тренировать ребро ладони, говорили, что они ребрами рук ломают все. Китайские дети, узнав, что остальная часть детского общества избегает столкновения с ними, стали вести себя наглее. В один из дней глубокой осени на большой перемене я играл, пиная жухлые листья деревьев в сухой канаве, и вдруг заметил, что у парадного входа в школу сплотилось тесное кольцо ребят. Все бежали туда, и я тоже побежал, расталкивая локтями ребят. Протиснувшись, я увидел, что посередине в боксерской позе стоят двое — китаец и мой брат. Оба, приготовив кулаки, подбирают момент и место удара. Не долго думая, я зашел сзади и нанес удар китайцу; брат напал спереди, и мы его так отколошматили, что полностью развеяли миф о непобедимости китайцев. Нас можно простить за нерыцарский поступок — двое против одного, но к тому времени китайские ребята уже здорово досаждали нам своим нагловатым поведением.

ОПЕРАЦИЯ «ПОБЕГ»

Наступил 1940 год. Время стерло прошлогодний слух о побеге из ссылки нашей семьи. Но мама ни на минуту не забывала о своем решении. Она думала, что только в своем родном селе, рядом с матерью, двумя братьями (один кузнец с собственной кузницей вступил в колхоз, другой механизатор, работал шофером), старшей сестрой она сможет нормально вырастить своих детей. В крайнем случае, планировала она, если органы НКВД будут ее преследовать, отвязаться от них придуманной версией (и она была почти уверена, что ее оставят

в покое): мама хотела заявить, что развелась с мужем и вернулась в свой отцовский дом. Гонимая нуждой и тоской о родине, она лихорадочно начала искать пути побега. И нашла.

Среди переселенцев был Алхуват-Гаджи, арабист, очень уважаемый человек, проводил большую благотворительную работу. Всех усопших он провожал в последний путь молитвенными причитаниями с выполнением всех обрядов. Он был в преклонном возрасте, но вел активную жизнь. Вскоре после прибытия на поселение у него умерла жена. По возрасту он освобождался от принудительного труда, все свободное время общался с населением поселка как арабист, хорошо знающий коран. Он имел тесный контакт не только с населением поселка и окрестных аулов, но и в городе Джамбуле. Алхуват-Гаджи, чтобы облегчить свою одинокую жизнь, женился на местной женщине, не помню — на казашке или узбечке.

Мама посвятила Алхуват-Гаджи в свой тайный план и просила его помочь выбраться отсюда, найти человека, который сопровождал бы ее с детьми, хотя бы половину пути в Дагестан. Он понял все и близко к сердцу принял положение мамы. Алхуват-Гаджи сказал. «Святое дело помочь семье, попавшей в беду, и особенно детям. У моей жены в Джамбуле много родственников, дай время, я переговорю там с кем следует и через несколько дней дам знать о встрече». И еще он просил без сигнала не заходить в их дом. Осторожность его понятна: ведь когда станет известно о побеге и ссылки семьи Тулпаровых, обязательно вспомнят, что мама часто появлялась в его доме, и тогда на него упадет подозрение в соучастии, и ему придется оставшиеся на этом свете дни провести в одном из концлагерей Гулага.

Мама, получив неожиданное «добро» и исчерпывающую инструкцию от счастья почувствовала себя на седьмом небе. Луч надежды согревал ее израненную душу. И домой она шла, не чувствуя земли под ногами. С замиранием сердца она стала ждать сигнала о встрече, тщательно перепроверяя свою готовность к побегу с такой оравой малышей, учитывая все детали, и как вести себя в экстремальной ситуации. Каждому в уме распределяла ношу, продумывала, кто будет таскать на спине младшего, как не растеряться в толпе на больших

вокзалах; решила привязать детей между собой парусиновым ремнем. Каждый день ожидания был для нее испытанием вечностью.

Не прошло и 10 дней, как сигнал поступил. Алхуват-Гаджи послал к нам свою жену. Мы с братом играли во дворе. Она сказала: «Скажи маме, что привезли в магазин ситец, завтра вечером после рабочего дня будут продавать, пусть ваша мама завтра прямо с работы пойдет в магазин, я ей займу очередь». Мы все без запинки передали маме. Она моментально изменилась, засияла, все поняла, сказала: «Спасибо, Алтын-Апа, обязательно приду».

В сороковые годы в совхозе, где мы жили, любая ткань была большим дефицитом, ее могли приобрести лишь отдельные счастливицы, испытав страшную давку в очереди. Люди, заранее ожидая открытия магазина, занимали очередь. Вот в этой гуще народа состоялась встреча моей матери с Алтын-Апа. Она сказала, что Алхуват-Гаджи ждет маму в воскресенье с 9 до 14 часов в Джамбуле, на фруктовом базаре. Он будет сидеть под тенью тополей, которые находятся справа от торца первого при входе на базар прилавка. И оказала, что он еще вчера уехал на попутной подводе. Мама поняла все и приступила к реализации своего плана. Взяла разрешение поехать на базар, нагрузила старшего сына ненужным тряпьем, чтобы потом выкинуть, и спозаранку поплелись в город Джамбул. На базаре мама издали встретила глазами с Алхуват-Гаджи. Он встал, едва заметно «кивнув» своей тростью, дал знать, что нужно следовать за ним.

Там, в Средней Азии, базары бывают многолюдными, зрелищными. Когда выбрались из оживленных мест и оказались в одном из тихих зеленых кварталов города, пошли вместе по бесшумной, тенистой улице, и Алхуват-Гаджи все объяснил маме. Так они подошли к одному двору, находившемуся недалеко от той широкой дороги, по которой мы, совхозские, ходим на базар, но Алхуват-Гаджи привел их к этому двору с противоположной стороны, обходным путем, чтобы зайти незамеченными. Двор утопал в яблоневом саду, ветви яблонь, поддерживаемые подпорками, прогибались под тяжестью крупных яблок.

Алхуват-Гаджн и мама зашли в комнату и долго с кем-то беседовали, пока брат отведывал зеленых яблок. Когда мама распрощалась с хозяевами двора и Алхуват-Гаджи (он тоже остался у них), она сказала сыну: «Ты уже грамотный, умеешь читать и писать, запиши улицу и номер дома. Запомни хорошенько этот двор, так как они здесь очень похожи друг на друга. Мне сказали, что рядом трасса, по которой мы ходим в город. Давай выйдем на эту дорогу. Сейчас следи и все запоминай, чтобы не заблудиться, когда будешь пробираться к этому двору, а тебе придется идти сюда одному с братьями и сестрой».

Из города мама с братом вернулись вовремя. Все свои дальнейшие действия она подробно обсудила с теткой. В переговорах в Джамбуле были уточнены день отъезда и каким поездом мы должны покинуть пределы Казахстана. Мама, как ни в чем не бывало, на другой день пошла на работу. Так она ходила целую неделю. Расчет был принят оптимальный: она работает до конца недели, в субботу — только до обеда, а в обеденный перерыв тяпку бросает в заросли камыша и уходит через огороды, сады, через казахские аулы, напрямую в Джамбул. Ее цель: в воскресенье мы все должны в 18.00 сесть на проходящий поезд Алма-Ата — Красноводск. Этот вариант был выбран не случайно. В субботу все видели, что она на работе, а отсутствие ее после обеда останется почти незамеченным. В воскресенье — день выходной — подавно никто не обратит внимания. Все эти события разворачивались в самые длинные жаркие дни второй половины июля 1940 года.

В субботу рано утром мать разбудила нас, двоих старших. До этого она успела освежить глиняный пол шваброй, закрыла окна темной материей (так многие поступают летом в совхозе) от палящего солнца. Она дала нам умыться, прийти в себя, после посадила нас и сказала: «Теперь слушайте меня внимательно. От того, как вы наполните мои наставления, будет зависеть наша дальнейшая судьба. Я долго не говорила о своих намерениях, планах и приготовлениях, хотя верила вам, что вы не проболтаетесь, но преждевременно не хотела теревить ваши души, не хотела обременять дополнительным грузом вашу повседневную жизнь, учебу. Сегодня настал самый ответственный час в нашей нелегкой жизни. Я давно готовлюсь

незаметно, тайно от всех, взять вас и бежать из ссылки к своим родным, в село Карланюрт. Если мы благополучно доберемся в Дагестан, мы будем жить среди родных — там остались моя мама, два брата и сестра, каждый со своими семьями. Они нас не оставят в беде. Сейчас я пойду на работу, а после обеда буду пробираться в город. Остановлюсь в том доме, где мы с тобой были, — обратилась она к старшему сыну. — Ты записал улицу и номер дома. Запомнил двор?

— Да, я знаю, как добраться к этому двору, — ответил брат.

— Вот и хорошо, что запомнил. Сегодня вы целый день будете на улице, играйте на виду у людей, возле комендатуры. Постарайтесь быть допоздна на глазах у всех. Когда люди начнут уходить к ужину и укладываться спать, плотно прикройте дверь, но не замыкайте, а сами все перебирайтесь к моей тете Хабийбат. На завтрак и на обед вам хватит кукурузных лепешек, а вечером она вас накормит. Ночевать будете у них. Тетя рано вас разбудит и накормит. Пока поселок не проснулся, вам надо выйти из села. Старайтесь делать так, чтобы на вас не обращали внимания. Особенно смотрите во все стороны, чтобы избежать встречи с работниками НКВД. Если они вас задержат, я должна буду выйти и сдать ся органам НКВД. Меня посадят в тюрьму, а вас сдадут в спецдетдом. Если вы благополучно доберетесь в город, мы завтра вечером сядем в поезд и уедем в родные края. По всем вопросам, или что-либо заметите, или какая-либо будет задержка, обращайтесь к тете, она все знает, поэтому беспрекословно выполняйте все, что она скажет. Завершая инструкцию, она обратилась к своим детям, как обращаются к взрослым:

— Вы поняли, какой ответственный час наступил для нас? Какой нелегкий путь предстоит нам проделать в такой знойный день? Очень прошу, не обижайте Салаха, он долго ходить не может, поочередно несите его на спине. Стремитесь побыстрее добраться до города. За Кош-Тюбе, это 5—6 километров от нас, едущих в город на подводах станет больше, постарайтесь воспользоваться.

— Мы все поняли, завтра рано утром отправимся. Перед уходом на работу она дала нам три рубля.

— Вот возьмите. В городе нужны будут, если захотите воды попить или купить что-нибудь. Все вроде сказала. Ну, пока, до встречи в условленном месте.

Мама ушла, оставив нас одних еще на один день в свеклосовхозе. Она пошла навстречу неизвестности, сознательно выбрала тернистый путь во имя опасения детей. Итак, с этой минуты часовой механизм пущен в ход, судьба ее и детей поставлена на карту, обратной дороги нет. Да благословит Аллах ее благородные помыслы и устремления.

Мы точь-в-точь выполнили все указания матери и поздно вечером пришли к тете ночевать. На рассвете она нас разбудила, накормила и с напутствиями отправила в дорогу. По сегодняшний день не могу понять, почему тетя, имея взрослых сыновей, не отправила одного из них нас сопровождать, почему отпустила таких маленьких, в такой опасный путь. То ли она не хотела впутывать своих детей в это дело (только что посадили ее мужа), боялась за их судьбу, то ли ей не представлялся таким уж опасным наш путь.

Рано утром, никем не замеченные, мы пересекли поселок и через мост по реке Талас свернули налево. Первое время Салах шел бодро, мы его вдохновляли, но не дойдя до первого на пути аула Кош-Тюбе, он отказался идти дальше, нам пришлось поочередно тащить этого шестилетнего ребенка на себе, временами заставляя шагать самого. Почти без передышки мы к обеду добрались до города, затратив где-то восемь часов.

Найти нужный двор затруднений не составило. По ориентирам подошли к воротам, за которыми нас должна была ждать мама. Когда мы постучали, вышел мужчина средних лет с проседью на висках и грубо спросил, что нам надо. Мы сказали: «У вас должна была остановиться наша мама. Она сказала нам, чтобы мы пришли к вам». Он ответил, что нет у них никакой мамы, она ушла, и вы уходите. Все, круг замкнулся. Хозяин закрыл за собой калитку на крючок. Не зная, что делать дальше, мы поплелись обратно. Грубый тон и неприветливый вид хозяина лишали смысла новую попытку постучаться к нему и уточнить, где же сейчас наша мама. Тут сказались наша неопытность и детское сознание.

На главной улице, по которой мы должны были выйти из города, нас окружила ватага ребят. Была явная угроза, что они

нас побьют, потому что их было больше десяти. Они стали требовать отдать яблоки, которые мы кутили на один рубль, когда пустились в обратный путь. Не помню, прохожие ли помешали драке, или один из них стал уговаривать остальных оставить нас в покое, но они расступились и куда-то убежали, так что мы отделались легким испугом. Мы вышли за город, побаловались в воде, на лужайке поели яблок. Устали, дальше идти не хотелось. Медленно шли, оглядываясь, нет ли где подводы, хотя бы на полпути. На наше счастье, нас догнала пароконная подвода, пустая, с подстилкой ароматного сена. Наш земляк-кумык, видно, кого-то отвозил в город и возвращался в совхоз. Он знал наших родителей и принял сочувственное участие, аккуратно рассадил нас и даже не задавал никаких вопросов. Мы от радости были на седьмом небе. К вечеру благополучно добрались до совхоза. Он нас высадил, а сам пошел распрягать лошадей, конюшня находилась недалеко от тети. Когда мы появились поздно вечером, тетя даже побледнела. Она быстро завела нас в комнату и опросила: «Вы что, не ходили в город? И где же вы были до сих пор?» Мы все объяснили, что мамы там нет, что встретил нас дядя и сказал, что она ушла, он был такой злой!» Тетя сказала: «Заходите все в комнату и не выходите на улицу. Вас никто не должен видеть. Я сейчас вернусь». С этими словами она вышла и растворилась в вечерних сумерках. Оказывается, она пошла к Алхуват-Гаджи и встретила с его женой Алтын-Апа.

— Алтын, я пришла с тревожной вестью. Дети не нашли Мадиш. Ее нет в условленном доме. Где она может быть, что с ней случилось? Можешь ли ты помочь в поисках? От тревоги и страха я теряю рассудок. Очень прошу, помоги, подскажи.

Алтын-Апа, несмотря на свой возраст сохранила приятную свежесть, ее круглое лицо типичной казашки постоянно излучало доброту; была она среднего роста и полноты, ее медлительные движения, спокойные рассуждения, как эликсир, благотворно действовали на собеседника. И на этот раз она быстро успокоила нашу тетю Хабибат.

— Напрасно беспокоишься. Ничего с Мадиш не может случиться. Дом, где она должна была дожидаться своих детей, — дом моей сестры с мужем. Просто не получилась стыковка. Да, муж ее со странностями и притом очень опасается за свои

противозаконные промыслы. Видать, у них с женой на этой почве произошла размолвка, и Мадиш пришлось уйти на второй пункт — к моей двоюродной сестре, она живет ближе к железной дороге, где работает кем-то ее муж. От них Мадиш с детьми и отправится в путь. Все это было предусмотрено. Только жаль, что детей встретил муж, а не сама сестра Айбике. Теперь ты отправляй ребят обратно и пусть они обязательно увидятся с Айбике, она ответит их к Мадиш.

Немного успокоившись, наша тетя вернулась, а наутро, покормив нас, объяснив суть дела, с напутствиями и предупреждениями отправила в город. Этот путь был для нас трудным и казался очень далеким. Между тем, наше отсутствие ночью и целый воскресный день уже было замечено. По поселку молнией прошел слух, что Мадиш с детьми исчезла. Не оказалось дома и еще одной семьи — бездетного Сатыбала.

Снова рано утром мы поплелись в город, проявляя максимум осторожности. В те времена и в тех местах, где мы жили, все дороги были пыльными, и когда проедет подвода, или промчится одинокая машина-полуторка, пыль поднималась столбам и, шлейфом оставляя след, обдавала прохожих, которые останавливались в кромешной тьме, пока она не рассеется. Мы шли без остановки, пока силы были свежие, и смотрели в оба. Так хотелось сесть на попутную подводу, но помнили: избегать встреч с кем-либо из нашего поселка и самое главное — с работниками НКВД. Как только увидим приближающийся столб пыли, мы сразу бросались от дороги и прятались. Нас интересовали подводы на волах, их мы не опасались, начальство на них не ездит, а пользуется только легковой автомашиной. Подводы иногда нас подбирали — пусть до следующего аула, а их по дороге до Джамбула несколько. Когда мы подходили к аулу Кош-Тюбе, то увидели, как взбирается на пригорок линейка (разновидность тачанки, запряженная двумя лошадьми, на рессорах, ровная решетчатая деревянная площадка размером приблизительно 1,5 на 2,5— 3 метра), на которой едут работники комендатуры. Различить, кто они, хотя мы коменданта знаем в лицо, трудно на расстоянии. Они сидели оба с правой стороны, спиной к нам. Мы думали, может быть, они едут во 2-е отделение свеклосовхоза, которое находилось под их надзором. Смотрим — нет, с моста через Талас повернули

налево, в город, в нашу сторону. Мы быстро отбежали от дороги и бросились в большую яму, образовавшуюся на месте выкорчеванного пня. Мы успели спрятаться, но нас чуть не выдала наша маленькая белая собачка Шарик, постоянная и неразлучная спутница, и она тоже второй раз с нами бежала в город. Мы спрятались, а Шарика забыли. Стали звать собачку, она подошла к бровке, заглядывает вниз, виляет хвостом, но в яму не опускается. Брат, пока я ее забавлял, схватил за передние лапы и втянул в яму. Переждав в этом укрытии, мы благополучно продолжили путь. На полпути нас подобрала подвода и на этот раз в город мы добрались без особых затруднений и усталости. И главное — вовремя, в 11 часов. На наш стук в ворота вышла женщина средних лет, очень похожая на Алтын-Апа. Мы сказали:

— Нам надо видеть Айбике.

Не дав нам договорить, она прервала нас на полуслове:

— Где же вы ходите? Почему не пришли вчера? Ваша мать не находит себе места, вся извелась.

Мы хотели объяснить, но она не слушала, убежала внутрь двора и, вскоре вернувшись, сказала:

— Идите за мной.

Она шла быстро. Мы едва поспевали за ней. Где-то через полчаса мы подошли к зеленым воротам, утопающим в кронах огромных деревьев. Вообще вся эта улица, насколько охватывал глаз, утопала в зелени. Стройные, как солдаты, стояли вековые деревья. Когда мы вошли во двор, я заметил, что он был очень большого размера, в центре двора — ухоженная цветочная клумба, добротный с несколькими комнатами большой дом, везде чистота. По всему видно, здесь люди живут в достатке. Я заметил велосипед, а иметь его тогда было не всем по карману. Нас завели в большую комнату, где полукругом сидело много женщин, все в белых платьях и такого же цвета платках, и чесали тонкорунную шерсть. Сначала мы не узнали среди них нашу маму, но когда она подняла голову и посмотрела в нашу сторону, мы увидели ее красное от переживаемого напряжения лицо. Она думала, что уже нас потеряла, какие только мысли не приходили ей в голову! Она проклинала тот день, когда решила бежать из ссылки. Все эти женщины, поняв ее горестное

положение, прониклись чувством жалости к ней, окружили ее заботой, успокаивали как могли.

Мама у нас — человек с твердым характером. Я видел в жизни два случая, когда она тихо плакала. Первый, когда вернулась с последнего несостоявшегося свидания с отцом в тюрьме. Передачу у нее не взяли, так как отца там уже не было, а ей вернули его белье. Дома она обнаружила записку, вшитую в шов. Мать с этой запиской побежала в соседний дом, где жил бригадир Камув Аджиев из Байрамаула, и попросила его прочитать. В записке отец прощался с нами и очень просил маму во что бы то ни стало выучить детей. В другой раз она плакала от жалости к бабушке, потерявшей от горя рассудок.

Мама не знала, что нам сказать, и ругать-то нас за нашу неопытность не было никакого смысла. А с ней случилось так, как и предполагала Алтын-Ала. Когда мама пришла в дом Айбике, ее муж был в отъезде в Ташкенте. Вернувшись и застав у себя дома нашу маму да в такой опасной ситуации, он испугался и поднял скандал, требовал не впутывать его в это дело и освободить двор. Когда мы в первый раз были в его дворе, видели там закопанные железные бочки с краниками. Он занимался незаконной торговлей самым дефицитным в те годы товаром — керосином. Кроме того, он разъезжал по другим городам по каким-то запрещенным (а тогда все было запрещено) коммерческим делам. Сейчас, с высоты прошедших лет, я его понимаю и оправдываю.

Оказывается, на воскресенье на вечерний поезд Алма-Ата — Красноводск были приобретены на всех билеты. Уехать в воскресенье можно было без всяких опасений. А сейчас не помешает осторожность. Билеты на поезд пропали, деньги уплыли, а опасность удвоилась. Вот к чему привела наша детская неопытность.

Мама спросила у нас:

— Что узнали? Были ли какие новости за воскресенье в совхозе?

— Да, — ответили мы. — В поселке знают о нашем исчезновении, говорят, еще одна семья оставила совхоз. Сатыбала куда-то уехал, и никто не знает куда, их квартира пустует.

Когда мы назвали имя Сатыбалы, она чуть с ехидством улыбнулась и буркнула, не обращая ни к кому:

— Я знала, чувствовала.

Когда мы переспросили, в чем дело, она поведала нам, что долго следила за ним. Он часто вещи свои, как и мама, продавал на базаре. Она подозревала, что он — бездетный мужчина, без особой нужды продает вещи, значит, что-то затеял. Как-то мимоходом зашла к ним — комната была пуста за исключением постельных принадлежностей и некоторого количества посуды. Убедившись в правильности своих догадок, мама сразу приступила к делу и сказала ему: «Я давно слежу за вами, чувствую, вы намерены бежать из ссылки, мои помыслы и действия направлены тоже к этому, давайте бежать вместе, я вам не буду обузой, но мне одной с детьми, не зная языка, кроме нескольких слов, страшновато». На мамино предложение он ответил отказом, запротестовал и попросил забыть разговор и эти бредовые идеи, так как он никуда не собирается бежать.

Мы сказали маме, что комендант в городе. Нас, детей, накормили вкусным супом, по сей день не могу его забыть. Нам с мамой отвели просторную, прохладную отдельную комнату. Сейчас точно не могу восстановить, сколько семей жило в этом доме, но женщин было много. Мужчин там я почти не видел: один работал на железной дороге, а другой, моложе, на областной комсомольской работе или в редакции. За три дня нашего пребывания мимолетно видел одного из них, но вокруг их имен среди домочадцев было много разговоров.

Наши новые близкие нам люди нашли проводника, который согласился сопровождать нас. После обеда появился мужчина средних лет, плотный, упитанный, с кругловатым красным лицом, черными густыми волосами, приглаженными назад. Мама, показав его издалека, сказала, что он наш проводник, который довезет нас до дому. Потом я узнал, что он татарин, зовут Фарид, прошел, как говорится, огонь и воду. До последнего времени он занимался контрабандой. Говорят, что он несколько раз переходил государственную границу с товаром, был связан с басмачами, с осложнением обстановки и возрастом свое опасное ремесло прекратил. Мать познакомила Фариду с последними новостями, которые принесли мы. Он выслушал ее и пошел на вокзал осмотреться, уточнить, с какой

целью работники комендатуры приехали в город — по служебным делам или для поимки беглецов. Мы объяснили приметы, обратили внимание на форму одежды и параконную линейку. Вернувшись через четверть часа, Фарид подтвердил, что они приехали сюда для поимки нас. Линейка с лошадьми оставлена на достаточном расстоянии от вокзала, когда поезд Алма-Ата — Ташкент подходил к вокзалу в 15.30, они вышли на перрон и следили за посадкой пассажиров; он старался как можно ближе находиться возле них и в суতোлке подошел вплотную, спиной к ним. Он услышал их разговор: они уверены, что мы не могли уехать, поскольку детей в воскресенье видели в совхозе, а сегодня понедельник, что мы, может быть, выжидаем момент, когда прекратится преследование. Работники НКВД не сомневаются, что у беглецов нет другой дороги, и они обязательно попытаются уехать на поезде Алма-Ата — Красноводск. Так эти работники дождались поезда Алма-Ата — Красноводск. Ушли, когда поезд тронулся. Это было в 18.30. Фарид сказал:

— По их разговорам, думаю, этот пост долго не будут снимать. Они надеются поймать вас. Надо что-то придумать. Я подумаю, завтра еще раз проверю, еще раз встречусь с вашими «опекунами» и вечером приду, тогда и решим, как быть. С этими словами он покинул нас. А мы от усталости моментально уснули мертвым сном.

Наступил второй день нашего пребывания у этих гостеприимных хозяев. Все внимание обитателей этого дома было приковано к нам. Мама, конечно, понимала, что такое отношение к нам связано с большим уважением к Алхуват-Гаджи. Этот сухопарый, чуть выше среднего роста, шестидесятилетний старик, с живой походкой, в мягких национальных сапогах, коричневом кафтане и каракулевой папахе со своими знаниями корана в их глазах олицетворял божественного шейха. Благо, кумыкский, казахский и узбекский языки имеют один корень, поэтому язык Алхуват-Гаджи быстро отшлифовался, и он говорил с ними свободно. Комендатура особо не контролировала старика, и он часто бывал в городе, в дни праздников и печали он был среди наших новых друзей. К семи часам вечера пришел Фарид, позвал в отдельную комнату маму и хозяйку дома и сказал:

— Работники НКВД дежурят у пассажирских поездов. Они надеются вас поймать. За два дня я изучил их маршрут движения, кое-какие привычки и даже характер. Нет другого выхода, кроме одного. Мы должны сделать так, чтобы комендант сам помог своей жертве посадке на поезд. Чтобы вас долго не интриговать, перехожу к сути дела. На завтра, на поезд Алма-Ата — Красноводск мы покупаем билеты в вагон №5, его сопровождает в этот день проводник Чилтынбай. Посадка будет в таком порядке: детей отсекаем от матери и сажаем в другой вагон. Сегодня, пока еще не поздно, срочно нужно переодеть детей, купить всем тюбетейки и национальные цветные рубашки, а ты, Юлдуз, — обратился он к хозяйке, — подбери десять надежных женщин и девушек, на всех надень праздничные наряды. Собери их сегодня вечером. Объясни им задачу и проведем репетицию: мы должны провести Мадиш к вагону как невесту, отъезжающую к своему суженому. Я заметил, эти работники становятся посреди перрона и смотрят в обе стороны состава. Вы нарядите ее как невесту, как положено, в чадру, соберетесь сзади здания привокзальной площади; стоянка поезда, как вы знаете, 20 минут, это к сведению. Как только прибудет состав, вы выходите из-за здания на площадь с песнями и танцами, сопровождая невесту. Подходя к вагону, старайтесь вовлечь в этот водоворот работников НКВД, но это делайте с паузой, так как в первые минуты их внимание будет приковано к пассажирам, которые входят в вагон. Если отвлечь их в это время, это может вызвать подозрение. Когда они успокоятся, что опять не явились беглецы, можно мимоходом, ненавязчиво, незаметно привлечь их к вашему торжеству, окружить их хотя бы полукругом. Я в конце состава, спрятав детей за деревьями, буду следить за вашими действиями. Как только отвлекете их внимание, попрошу проводника разрешить пройти через его вагон, и по одному, с перерывом, всех посажу в поезд и потихоньку буду с ними пробираться к пятому вагону. А вы с песнями и танцами подходите к вагону и четверо, как сопровождающие до конечного пункта назначения, зайдите в вагон. Остальные остаются на перроне как провожающие. При входе в вагон, на удивление и вопросы Чилтынбая резко, на своем языке, попросите его удивление и вопросы оставить на потом, а сейчас со всей ответственностью помочь вам

расположиться. При входе попросите его открыть служебный отсек, чтобы едущие пассажиры не видели этот маскарад, сразу невесту заводите в служебную комнату, а сами через открытое окно ведите с провожающими возбужденную, радостную полемику, с возгласами и жеманными жестами. При сигнале к отправке состава попросите Чилтынбая открыть дверь с противоположного торца вагона.

По ходу изложения сценария побега, рассказывала потом мама, ее бросало то в жар, то в холод: столько готовилась, пряталась, вот уже почти вырвалась и вдруг иду сама, добровольно прямо в лапы этим извергам. Но другого выхода не было, с надеждой на Аллаха была вынуждена согласиться.

Назначив встречу на 10 часов вечера, Фарид ушел, оставив нас готовиться. Следом за Фаридом мама и Юлдуз пошли в город — то ли в магазин, то ли в мастерскую. Принесли рубашки и тюбетейки. К 10 часам вечера прибыл Фарид, провел обстоятельный разговор о серьезности намечаемого спектакля и напомнил, что при малейшей оплошности мы будем разоблачены со всеми печальными последствиями. Кроме одного человека, все согласились принять участие в этом опасном мероприятии. Проверив готовность всех участников, дав несколько указаний и сделав некоторые замечания, Фарид распрощался, обещал прийти за нами с билетами завтра к 5 часам вечера.

За два дня пребывания у наших гостеприимных хозяев я почувствовал прилив сил, мне кажется, даже начал поправляться. Я забыл уже, когда мы так питались, такого вкусного супа-лапши я никогда не ел — ни до, ни после. Узбеки — большие гурманы и готовят очень вкусно.

Наступил третий день нашего пребывания в этой обители, у этих, ставших нам дорогими людей. Готовиться к отъезду начали с утра. К обеду было все приготовлено. Купили на дорогу съестное — помню, накупили множество булочек, таких румяных, с кулак величиной. При распределении обязанностей полмешка этих булочек должен был нести старший брат, а я должен был страховать младшего брата, при малейшем его капризе подставлять спину. В общем, все было продумано, и мы ждали конца дня, когда должна была начаться борьба за жизнь. А если нас разоблачат и мы будем арестованы?

При этих мыслях маму бросало в холод. С каждым часом приближения развязки у нее возрастала тревога. Как могла, она боролась с собой, чтобы не показать окружающим свое душевное состояние; только природное самообладание помогало ей сохранить внешнее спокойствие.

К приходу Фариды все были в сборе. Перед выходом он провел мини-репетицию. До сих пор вижу этот спектакль во всех деталях. Мама, в кругу нарядно одетых девушек и женщин средних лет, их звучные пески и танцы под такт бубна, сверкающие, при каждом ритмичном движении тел, их украшения, яркие национальные узбекские костюмы; нереста с ладно сидящей на ней чадрой, переплетенные ее две тугие косы по-узбекски на множество тонких косичек, с украшениями, — все это выглядело очень здорово и правдоподобно. Фарид остался доволен участницами репетиции. Время подошло и он дал команду:

— Сейчас группами по 3—4 человека выходите и по тропинке, которая напрямую проложена к вокзалу, идете с интервалом 10—15 метров, как беседующие между собой. Остановка и сбор за домом, расположенным у привокзальной площади. Как я вам ранее объяснил, с детьми я буду в конце состава наблюдать за вами. Помните: как подойдет пассажирский поезд, вы с песнями и танцами, окружив невесту, выходите из-за угла здания и через площадь направляетесь к пятому вагону. Айбике, билет невесты у тебя?

— Да, — кивком головы подтвердила она.

— Постарайтесь мимоходом чуть привлечь к себе внимание коменданта, чтобы мне застраховаться, безопасно посадить детей.

После всех напутствий все мы вышли к воротам и из калитки начали выходить маленькими группами. Когда Фарид взял нас, детей, и только мы отошли немного от дома, сестра с младшим братом начали реветь; мама, идущая в группе впереди нас, услышав их плач, остановилась, и все мы замешкались.

— В чем дело, почему они плачут? — спросила мать. Оказывается, они, играя одни во дворе, перед самым выходом нарвали цветов с клумбы, которые оказались цветами красного жгучего перца и случайно соком заделали лицо. Время не терпело, и под их монотонный плач мы двинулись дальше. А тут еще

мама увидела сопровождающего нас Шарика и ужаснулась — ведь Шарика комендант хорошо знал. Пришлось старшему брату вернуться с собакой во двор и, попрощавшись с ней, оставить за калиткой.

У вокзала Фарид взял нас, и мы отошли в сторону, где должны остановиться последние вагоны поезда, женщины пошли на условленное место. Ждать пришлось недолго. Гремя, шипя, с грохотом и скрежетом тормозов около нас остановился громадный чудо-паровоз со своим составом. Народ кинулся на посадку, работники НКВД подошли ближе к поезду, чтобы иметь обзор всего состава. Мы с двух точек внимательно следили за всем, что происходило на перроне. И вот, после небольшой паузы, должна выйти на площадь группа с невестой. Надо выходить, а мама не может идти, ноги не слушаются. Две женщины взяли ее под руки и тихим ходом процессия с невестой с танцами и песнями пошла через площадь, прямо к пятому вагону, где стояли люди, которые охотились за мамой без усталости и отдыха. Пересечение привокзальной площади показалось ей вечностью. Она вся была в поту, мысли охватывали пространство и время, перед ней успели промелькнуть картины ее короткой беззаботной замужней жизни, счастливого детства и возможного провала начатой одиссеи.

В это время Фарид успел договориться с проводником, что его дети задерживаются, но вот-вот должны подойти; он объяснил, что у него на них билеты в пятый вагон и что он просит разрешения через его вагон двинуться потом по составу. Одновременно Фарид внимательно следил за комендантом. Когда свадебная группа подошла к составу, работники НКВД, убедившись, что беглецы и на этот раз не явились, ослабили свое внимание и переключили его на свадебную процессию. Воспользовавшись этим, Фарид, поняв, что настала пора действовать, прибежал за нами и сказал:

— Вот видите — второй с конца вагон, открытая дверь. Бегом, по одному влезайте туда. А сам, взяв за руку младшего, вошел в тамбур и повел всех нас по вагонам. В это время свадебная процессия начала подходить к посадке; как и предполагалось, Чилтынбай от удивления начал было задавать вопросы, но Айбике ловко юркнула в тамбур, тихо, но внятно,

на своем языке предложила ему перестать удивляться и расспрашивать, а лучше помочь бы им устроиться: если не открыто, чтобы открыл дверь в служебное помещение.

Мама пошла прямо к чекистам. Вот она рядом с ними, она почти прикасается к ним своими одеждами, она отчетливо видит их через чадру. К этому времени она уже почти ничего не соображала. При посадке ноги не слушались, сопровождающие женщины почти несли ее, помогая подняться по ступенькам, уговаривая: «Ничего, время хорошее лекарство, пройдет время — и полюбишь».

В этой суете, чтобы подсобить женщинам, комендант сделал рыцарский жест и взял маму за локоть, чтобы помочь ей. Одна из женщин, показывая на нее, сказала, что невеста расстроена, потому что покидает отчий дом. Поистине, от великого до смешного один шаг.

С моей мамой вошли в вагон три разукрашенные, веселые, излучающие радость девушки и Айбике, которая тут же завела маму в служебную комнату, а остальные трое прошли внутрь вагона как сопровождающие невесту, и через открытое окно стали шумно обмениваться впечатлениями со стоящими на перроне провожающими. В это время Айбике ввела в курс дела Чилтынбая и попросила его помочь ей с девушками незаметно выбраться из вагона, открыв противоположную вагонную дверь.

Фарид с детьми вошел в пятый вагон и завел детей в служебное отделение. Айбике, взяв билеты, села возле девушек. После паузы к ним подошел Фарид с детьми и попросил их освободить места для детей. В это время подошел проводник, сказал, что по невнимательности билеты перепутаны и что надо освободить места детям, а взрослым—Айбике и девушкам — перейти в другой вагон. В это время объявили, что ввиду опоздания поезда стоянка сокращена, и поезд отправляется. Когда поезд начал трогаться, Чилтынбай открыл выход из вагона на левую сторону, откуда провожающие женщины попрыгали и разошлись в разные стороны. Чилтынбай закрыл тамбурную дверь.

Так благополучно закончился этот неравный поединок между жизнью и смертью. Поезд начал неумолимо набирать скорость, мы чудом вырвались и теперь нам открыт путь в родные края.

В вагоне так удобно, так приятно, даже не верится, что мы едем. Только стук колес и мелькающие за окнами деревья подтверждают, что наш поезд несется с бешеной скоростью. Мы, дети, прилипли к окошку, восхищаясь всем, что видели за окном, ведь мы впервые ехали в пассажирском поезде, но мама в испуге отогнала нас от окна, она боялась, что нас может узнать какой-нибудь выставленный комендантам шпик. Она думала, что такие шпики будут нас подкарауливать по всей Джамбульской области. Конечно, мы приуныли, лишившись такого удивительного зрелища. До сих пор для нас уже было большой радостью, восседая на подводе с мирно тянущими ее волами, лицезреть окружающий мир; а тут — такие удобные сидения, полки, настоящий комфортабельный жилой дом, без пыли, ветра и дождя. Когда стемнело, мама накормила нас и уложила спать. Фарид еще с вечера, когда мы тронулись, поел и изрядно напился, немного побыл в тамбуре, потом вернулся и лег спать на верхнюю полку. Проснулся он очень поздно, можно сказать, к обеду. Мама дала ему денег, он вышел на небольшой станции, купил курицу и бутылку водки и начал наверстывать упущенный завтрак. К полудню поезд остановился на большой станции Гюлькубас, Фарид еще изрядно хмельной попросил у мамы денег и пошел по перрону.

Время стоянки истекло и, дав свисток, поезд тронулся, а Фарида все нет. Набрав скорость, поезд уже мчится по бескрайним степям. Мама начала волноваться — что с ним, неужели отстал от поезда? Прошло около часа, а его все нет. Он появился спустя много времени, на лбу и подбородке кровь, а в руках бутылка водки. Его вид говорил о том, что он где-то дрался или откуда-то падал. Мама, обеспокоенная, просила его лечь отдохнуть. До сих пор мы были довольны Фаридом, его добротой, душевностью, находчивостью, смелыми и расчетливыми поступками. Но мы не знали, и никто не предупредил нас о его слабости. Оказывается, он большой любитель хмельного, и маму это очень огорчило. Но другого выхода не было, и мама постоянно угождала ему; не успеет он попросить денег, как она тут же доставала красные тридцатирублевые банкноты и беспрекословно вручала их на очередную попойку. И так до самой конечной остановки — Красноводска.

Когда подъехали к Красноводску, Фарид был уже трезвым. Он взял на руки нашего младшего, за руку — сестру, и все остальные пошли за ним с железнодорожного на морской вокзал. На морском вокзале узнали, что пароход в Баку ушел сегодня, следующий рейс будет только через три дня.

Когда мы обосновались, Фарид с мамой и младшим братом пошли покупать билеты на пароход. Мама, увидев на некоторых пассажирах одежду кавказского покроя, стала расспрашивать, нет ли людей из Дагестана, особенно из Хасавюртовского района, но определенных новостей не принесла. Когда она приобрела билеты до Баку, то немного успокоилась, стала увереннее себя чувствовать, как будто ощутила твердость земли под ногами. Вот в таком состоянии застал ее Фарид, когда в очередной раз подошел к ней просить денег на выпивку. И ее молнией в этот миг осенила мысль: дальше она доберется самостоятельно, без проводника, мучиться и переживать за него она больше не хотела. Пока он трезвый, необходимо поблагодарить его и расстаться. И она сказала:

— Фарид, пусть Аллах вознаградит тебя за все, что ты сделал для меня и моих детей. Ты наш спаситель. Всю жизнь буду помнить и молиться за тебя. Пусть твой благородный поступок будет путеводной звездой на твоем жизненном пути. Дальше тебе сопровождать нас нет необходимости, ты нам приобрел билеты до Баку, и мы можем спокойно сесть на пароход. На этом вокзале есть люди из наших краев, они едут туда, куда и мы. Я поеду вместе с ними. Вот, возьми все, что у меня осталось, посчитай, сколько будут стоить билеты от Баку до станции Хасавюрт, остальное возьми себе. От всей души, в знак благодарности, отдаю их тебе.

Фарид весь покраснел, он категорически отказался от предложения мамы и сказал:

— Вначале я имел в виду заработать на контрабанде, такой я видел свою роль в этой операции. Но ближе узнав о постигшем вас несчастье, я проникся чувством жалости к вам и вашим детям и решил во что бы то ни стало помочь вам безвозмездно. Я об этом и Айбике сказал. Из этих денег я возьму лишь на обратный проезд, на два дня на питание и на две бутылки водки.

Отсчитав сумму на указанные расходы, Фарид, попрощавшись с нами, ушел в город, к железнодорожному вокзалу.

Красноводск расположен как бы в котловане, окаймленный полукружьем гор и открытый с юга морю. За двое суток пребывания здесь нас измучила жажда. Впервые я там попробовал нарзан. В момент мучительной жажды мама принесла нам в бутылочках чистую, как слеза, воду. Мы с жадностью припали к бутылкам, но сделав первый глоток, как по команде стали выплевывать эту соленую жидкость, а мама не могла понять, в чем дело. Потом мы узнали, что это минеральная вода «Нарзан», что она полезная, но тогда так и не смогли к ней привыкнуть.

На другой день подошел огромный пароход-водовоз, и во всех кранах города появилась чистая питьевая вода. Я впервые увидел такие огромные пароходы, которые, величаво покачиваясь, стоят у причала. Мое воображение поражала эта бескрайняя морская стихия.

Наконец настал день нашего морского путешествия. Когда объявили посадку, мы в толпе направились к пирсу, где, покачиваясь на воде, ждал нас гигантского размера пароход.

Никогда не забуду последние перед посадкой адские минуты. Под палящим солнцем мы подошли к последнему отрезку дистанции, проходу, огражденному железными барьерами. Дальше идти брат отказался, и я взял его на спину. Мы все шли босые, ноги проваливались в расплавленный асфальт. Салах тяжелым мешком свисал у меня со спины, сжимая двумя руками мою глотку, не давая дышать, казалось, не будет конца этой пытке. От ожогов ног мы убереглись только благодаря тому, что с ранней весны до поздней осени ходили босиком, подошвы ног огрубели. Как только разместились на палубе парохода, позабыли о недавних страданиях.

На другое утро пассажиры увидели берег, окутанный дымом. Это был город Баку. Вскоре наш пароход благополучно причалил к берегу столицы Азербайджана. Без особого труда мы добрались до железнодорожного вокзала.

Меня, прожившего свою короткую жизнь в сельской местности, поразила громада величественных зданий, широкие улицы, эти самоходные домики-трамваи. Мне представлялось,

что жизнь огромного города необъятна. Мы подъехали к вокзалу как раз в тот момент, когда началась посадка на поезд, точно не помню, Баку—Москва или Баку—Ростов. За оставшиеся 40 минут мы без труда приобрели билеты. На ходу купили лаваш и сыр и едва успели сесть в вагон, как поезд тронулся, оставляя на окраине города густой лес нефтяных вышек. Мы мчались ближе к дому. К закату прибыли в Дербент, а это уже Дагестан, Впервые там я увидел через окно вагона экзотических животных — буйволов, которые, развалившись в грязи, мирно отдыхали, разгоняя ушами назойливых комаров.

В вагоне мама познакомилась с двумя женщинами-кумычками. Они ехали в тот же город, куда и мы. Нашлись общие знакомые, близкие нам люди, и наши землячки согласились проводить нас к ним.

В полночь мы вышли из вагона и ступили на родную землю.

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Поезд бесшумно остановился и так же, издав еле слышный писк свистка, после двухминутной стоянки незаметно покинул перрон. Стояла такая тишина, что звенело в ушах, ни встречающих, ни провожающих на вокзале не было видно. Как только мы вышли из вагона, нас поглотила тихая, темная южная ночь, и только на небе ярко сверкали звезды. Природа пребывала в своем сказочном великолепии.

Мы пошли за нашими спутницами по темным, спящим улицам небольшого южного городка Хасавюрт. Здесь начинается моя родина, отсюда по прямой дороге в 4—5 километрах находится мой отчий дом. Приятное чувство скорой встречи с родственниками, с домом, где раньше мы жили, разливалось по всему моему телу; при мыслях о доме я ощущал прилив сил и легкость тела.

Сначала мы шли по мощеной булыжным камнем улице, а потом свернули в узкую, пыльную улочку. Город, в основном, как я заметил, состоял из одноэтажных частных домов, утопающих в садах, а на улице зелени мало; электричества и пассажирского транспорта не было. Начальство свою

руководящую роль выполняет верхом на лошади, в фаэтонах и на линейках, а остальной люд — на гужевом транспорте, верхом на лошадях и пешком.

Оказалось, что наши знакомые или родственники (где-то в седьмом поколении) жили недалеко от вокзала. Наши попутчицы подвели нас к какому-то низкому, с плоской крышей домику. Хозяин не спал, бодрствовал во дворе, возле довольно большой площадки, заваленной разными товарами и материалами консервного завода, который он охранял и одновременно здесь же проживал. Сначала сторож, увидев нас издалека, из темноты, принял настороженно, подозрительно. После встречи и обмена любезностями наши спутницы, представив нас сторожу, сказали: «Абдулхаким, прими гостей издалека, они ваши близкие знакомые или дальние родственники, в общем, при знакомстве разберетесь, а нам еще нужно добираться домой, скоро начнет рассветать, мы пошли, до свиданья». Мама уже в который раз поблагодарила этих добрых женщин за участие.

Абдулхаким никак не мог сообразить, кто мы и чьи будем. Мама, объясняя ему, переходила в описаниях от одного родственника моего отца к другому. Наконец, он понял и ахнул: «Ах, вот оно что! Вы семья Гаджи, сына Асека? И это дети нашего уважаемого Гаджи? Постойте, постойте». Он быстро зашел в комнату и, зажигая керосиновую лампу, стал будить кого-то: «Апа, проснись, посмотри на наших гостей». Мы вошли в дом и увидели сидящую в постели старушку лет восьмидесяти — мать Абдулхакима. Память у нее была ясная, она живо вспомнила всех наших родственников, которые жили в конце прошлого века. Она знала, что нас раскулачили и этапировали куда-то в Сибирь. На вопросы старушки мать объяснила, что нашей семьи уже нет: бабушка Дженнет умерла, ее похоронили в местах ссылки, а отца детей в 1937 году арестовали и по сей день мы не имеем о нем никаких известий. Она все внимательно выслушала, искренне переживая наше горе.

Абдулхаким, человек худощавый, с щетинистым, чуть продолговатым лицом, с живыми карими глазами, выше среднего роста, лет шестидесяти, он начал было суетиться, но мама, чувствуя себя в неловком положении непрошенной гостьи, видя эту беспомощную старушку, попросила:

— Абдулхаким, простите за вторжение в такой поздний час и нарушение вашего покоя, прошу вас не беспокоиться, готовить нам ничего не надо. У меня только одна просьба к вам. Когда отца моих детей (у кумыков не принято, чтобы женщина в обществе называла по имени своего мужа, говоря о нем) после окончания учебы в Темирхан-Шуре направили в Хасавюрт, мы в 1933 году около года жили на квартире у перса Багир-Оглы, адрес я и сейчас помню — Базарная, 11. Я обещала детям остановиться в этой семье. Мои дети помнят детей Багир-Оглы, с которыми они играли, а особенно заветная у них мечта — увидеть пограничную собаку Барса. Мои старшие сыновья, наперебой, оттачивая свою фантазию, в далекой ссылке долгими вечерами рассказывали друг другу о необыкновенных собачьих способностях Барса. Они с восхищением рассказывали о единоборстве Барса с ворами: однажды он, притаившись, разрешил ворам проникнуть в дом, а когда они попытались выйти с добычей, Барс со всей могучей силой бросился на них. Воры, еле вырвавшись от него, забаррикадировались, закрывшись в дворовом деревянном туалете, Барс охранял их до утра и утром сдал подоспевшим милиционерам. Вот такие теплые воспоминания хранят мои дети о семье Багир-Оглы и о собаке. Наши попутчицы, которые привели нас к вам, не знали эту семью. Вы должны знать Багир-Оглы, он известный человек в городе. Если вам не трудно, проведите нас к ним, а от них мы уже поедem в свое село.

Абдулхаким, перестав растапливать мангал, внимательно выслушав мать, сказал:

— Я понял ваши чаяния и стремления. Я хотел угостить вас, чем аллах послал, но раз вы так хотите, пусть будет по-вашему. Я знаю, где живет Багир-Оглы. Пойдемте.

Так мы все гуськом засеменяли за Абдулхакимом. Видно, он хорошо ориентировался в городе, он вел нас напрямую, по каким-то переулкам-закоулкам, через какие-то дворы. Несмотря на то, что было уже далеко за полночь, никто из нас не хотел спать. Наверное, мы были возбуждены встречей и еще предстоящими встречами.

Дом, к которому мы подошли, стоял на пересечении двух улиц. На стук Абдулхакима в окно выглянула женщина. Абдулхаким попросил ее разбудить Багир-Оглы, на что она

ответила, что он уехал по своим делам в Баку. Абдулхаким сказал:

— Тогда ты принимай гостей, они приехали издалека.

— Сейчас я выйду, — слышался ответ, и наступила мертвая тишина.

Мы пошли к воротам. Через пару минут из калитки вышла женщина лет 30—35, чуть ниже среднего роста, смуглая, с правильными чертами лица. Увидев молодую женщину с четырьмя детьми, она вначале оторопела, потом, подойдя к маме ближе и пристально поглядев, тотчас узнала ее и бросилась ее обнимать с плачем и причитаниями. Поблагодарив Абдулхакима, она задела нас во двор. Во дворе и в комнате, куда мы вошли, ничего сказочного не было, наоборот, нас обдало сквозняком бедности. Я был разочарован, потому что старший брат, рассказывая мне об этом доме и о Барсе, расписывал его как райский уголок, подобного которому нет на земле.

Ажар — жена Багар-Оглы — начала осыпать маму вопросами и воспоминаниями.

— Мы вас потеряли из виду, когда Аджи срочно направили в Бабаюртовский район директором заготконторы, но потом узнали, что вы всей семьей раскулачены и высланы куда-то в Сибирь. А теперь расскажи, как живете, где работает Аджи? Вы одни приехали на побывку? На сколько дней? Как поживает мать Аджи? Какой там климат, легко ли переносите?

Вопросам не было конца. Мама очень коротко ответила на них, рассказав в нескольких словах о трагической судьбе нашей семьи и цели своего приезда. Ажар-Гасан-кызы, услышав горькую исповедь мамы, заплакала и с горечью и сожалением сказала:

— Такого человека погубить! Аллах не простит тех, кто покушался на его жизнь. Аджи — земной ангел, посланный всевышним делать людям добро. Когда он работал здесь председателем сельпо пригородного района, он своим организаторским талантом, умом, умением, выслушать человека и помочь ему, завоевал такую любовь окружающих людей, что когда его переводили на другую работу, они воспринимали это как личную трагедию. Такого благодарного отношения работников к своему начальнику я в жизни больше не встречала.

Было удивительно, как тактично он беседовал с человеком, как умел быстро войти в контакт; его начитанность, духовные и светские знания обещали ему стать большим человеком в обществе.

Погоревав о случившемся, она обратила свое внимание на нас, детей:

— Мадина, это та девочка, которая родилась у нас, в тридцать третьем году?

Мама кивком головы подтвердила.

— А этих двух мальчиков помню. Они уже подросли. Младший родился в Сибири?

— Нет, он появился на свет за месяц до нашего выселения.

На наш вопрос, где же находится Барс, хозяйка сообщила, что он два года назад умер своей смертью, от старости. После этого мы потеряли интерес к этому дому и двору, все стало мрачным, тусклым, и дети, которые проснулись от возбужденного разговора своей матери, показались нам совсем не похожими на тех, кого мы помнили по старым временам. Хотелось скорее уйти из этого дома.

Хозяйка, устроив нам ночлег, начала собираться. Мама спросила ее, куда она собирается. Она ответила:

— Пойду занимать очередь за хлебом, пока еще не рассвело. Некоторые после ужина, с вечера приходят к магазину и спят там, чтобы наверняка хлеб достался.

Как только она ушла, мы улеглись и тут же уснули мертвым сном. Мама разбудила нас только к десяти часам. После завтрака мама попросила Ажар-Гасан-кызы:

— Пора нам идти. Нужно добираться к своим, в село, но сначала надо навестить двоюродную сестру Умхан-Бажюв. Ажар рассказала, как лучше пройти к ее дому, оказалось недалеко. Во дворе мы увидели седого человека, сидевшего за столом на тахте и читавшего какую-то книгу. Это меня удивило, я вообще до тех пор не видел читающего пожилого человека. Тут же, под раскидистым деревом, сидела пожилая женщина, занимающаяся каким-то своим делом.

Когда мы ватагой вошли, они, оставив свои дела, обратили свои взоры на нас, пребывая в недоумении — что бы это означало, откуда этот табор, не из детского ли сада? Узнав,

кто мы, тетья со слезами бросилась нас обнимать и целовать. Глядя нас по головам, она находила в нас признаки сходства со своим двоюродным братом — нашим отцом. Например, у меня она нашла сходство с отцом в кучерявых черных волосах, разрезе глаз и переносице.

А в это время сидевший на тахте могучий, кряжистый старик добродушно рассматривал нас. Муж моей тети Далгат-Агав поразил меня прежде всего своей внешностью и подчеркнута опрятной одеждой. Он сидел в коричневой гимнастерке, застегнутой на все пуговицы, из одного нагрудного кармана свисала цепочка от швейцарских часов. Был он крупного телосложения, выше среднего роста, белизна седых волос оттеняла здоровую свежесть лица — словом, он являл собой образец особой мужской природной красоты и силы.

Под стать ему была и моя тетья. Высокая, статная, сохранившая красоту, платье национального покроя ладно сидело на ней. Их внешний вид, манеры, образ жизни выдавали аристократическое происхождение. Они прожили долгую совместную жизнь, были бездетными. Он при царской власти работал управляющим фабрикой в Тифлисе, а потом в том же качестве в Санкт-Петербурге. С наступлением смутных времен в 1917 году они вернулись домой. В Карланюрте имели усадьбу, в Андрей-ауле — магазин. За долгие годы общения с внешним миром они впитали в себя передовую европейскую и азиатскую культуры, их образ жизни и поведение выгодно отличали их от окружающей среды.

После плотного обеда Далгат-Агав и Умхан-Бажюв пригласили мою маму для серьезного разговора. Они сказали:

— Мадиш, мы из мест вашей ссылки по письмам от родственников узнали о смерти нашей тети Дженнет и об аресте Аджи. В этих условиях, хоть и незаконно, ты сделала правильный шаг, что вырвалась, можно оказать, спасла детей. Но мы не думаем, что в Карланюрте вчерашние комсомольцы, которые так активно участвовали в вашем выселении, сегодня встретят вас с распростертыми объятиями. Свое преступление они будут оправдывать новыми, и тебе с детьми не следует ехать туда. Оставайтесь жить у нас. Вы видите, что мы уже старые, кроме вас, у нас никого нет. Детей устроим в школу, а тебя на работу, в ковровый цех, ты же мастерица по ковровым

делам. Ты должна раствориться в городской среде, незаметно прожить до лучших времен. Вот таким способом и мы в свое время спаслись. В смутное время в семнадцатом году мы покинули Санкт-Петербург и вернулись домой, а когда начались в 1918—1919 годах смуты в Дагестане, я почувствовал неладное и уехал во Владикавказ, где спокойно жил и работал до ухода на пенсию. Ты сама свидетельница, сколько наших родственников по доносу комсомольских активистов были разорены, отправлены на каторгу, уничтожены. А ведь они могли спастись путем перемены места жительства, но понадеялись, что авось все пронесется мимо них. Мы просим тебя серьезно подумать над нашим предложением.

Здесь решались вопросы жилья, учебы и работы, а рядом на расстоянии всего четырех-пяти километров, жили наши родственники, при необходимости можно было найти способы общения. Но сердце звало маму к родному очагу, и она не согласилась на это прекрасное спасительное предложение. Эта ее ошибка дорого нам обошлась в нашей последующей жизни.

Мама надеялась, что ее, женщину с малолетними детьми, не тронут, оставят в покое. На крайний случай она держала свой козырь: хотела заявить органам, что давно развелась с мужем, а ведь ее выселяли только из-за него. Этим она рассчитывала полностью закрыть вопрос.

Не убедив маму, эти двое пожилых людей с огорчением оставили ее в покое.

Когда мы утром шли от Ажар к ним, нам встретился человек из нашего села, из отцовского тухума — Пахрув, мать узнала его. Расставаясь, мама попросила его никому не говорить о нашей встрече и сообщить только матери, что мы остановились у Умхан-Бажюв, чтобы брат приехал и забрал нас.

Вечерело. На горизонте угасали последние лучи солнца. Постепенно все вокруг окутывалось ночным мраком. И вдруг из этого мрака вынырнула подвода и остановилась прямо возле ворот. После приветствий и объятий брат моей матери Крымсолтан (обычно мы, дети, звали его Гиччи-Агав — младший дядя), погрузив нас на подводу, повез в Карланюрт — последнюю точку нашей заветной мечты.

Все мы были возбуждены ожидаемой встречей. Так было приятно сидеть на подводе, любоваться мерцающими звездами

в ночном небе, деревьями, стоящими стеной у дороги. Временами лес сменялся полями, с разбросанными кустарниками, которые в темноте можно было принять за стога сена.

Оказывается, когда Гиччи-Агав поехал за нами, наша бабушка послала свою внучку Сагидат с приглашением к ним близких родственников. К нашему прибытию у них находились старший брат матери Исаак - Уллу Агав с семьей, сестра с мужем, двоюродные братья. Все сидели дома, на улице нас никто не встречал, не зная, какая будет реакция органов власти и населения. Наша бабушка проявила максимум осторожности. Церемония встречи состоялась после того, как за последним входящим закрылась дверь.

Вот мы среди своих, позади осталась наша кошмарная жизнь. Испив полную чашу страданий, мы живыми и невредимыми предстали перед своими родственниками. Мы были бесконечно рады, что наши муки наконец благополучно закончились. Встреча была бурная, все родственники дали волю своим эмоциям: объятия, поцелуи, причитания, всхлипывания, слезы радости. Все обратили внимание на то, как изменилась мама — похудела, увяла ее былая красота.

Не было конца вопросам. Молча, тихим плачем погоревали об аресте отца, о смерти нашей бабушки и о том, что похоронена вдали от родины, на чужбине.

Когда прошли первые минуты встречи, мы, старшие дети, вышли во двор полюбоваться природой, ибо в Казахстане мы видели только ковыльную степь да редкие участки саксаула, поэтому здешняя природа показалась нам сказочной. Село Карланюрт походило на единый фруктовый сад.

Наговорившись, хотя не досыта, взрослые решили дать нам с дороги отдохнуть. Начали расходиться. Опередив других, нас пригласил в гости двоюродный брат мамы Шихсолтан-Агав. Уходящие останавливались возле нас, каждый стремился еще раз обнять, поцеловать нас, сказать теплое слово.

Мы легли спать с бабушкой, она легла посередине, а каждый из нас старался лечь поближе к ней, а она старалась всех нас обнять. Ближе к себе положила младших. Вскоре все погрузились в глубокий сон, но не спала только мама. У нее в голове теснились тревожные мысли. Переносясь думами от

прожитого к будущему, она не могла дожждаться того часа, когда представится возможность увидеть свой дом, двор, где она прожила короткую, но счастливую жизнь, где каждый угол, дерево, предметы стали для нее святыми.

Она тихо вышла во двор, оглянулась вокруг и, не услышав человеческих шагов, пересекла улицу и прямо пошла по тупиковому переулку, который упирался в наш двор. Это расстояние, чуть более 50 метров, мама прошла, никем не замеченная и так тихо, что даже собаки не встревожились, да и время было такое, когда беззаботные люди видели вторые сны.

У речки остановилась, не пошла через мостик, а свернула направо, где у моста женщины берут воду. Здесь она выбрала себе наблюдательный пункт и стала рассматривать свой двор. Все на месте. Бросилось в глаза, что нет вокруг нашего дома стройных елочек, зачем срубили их, кому мешало это украшение? Вот, рукой подать, стоит ветвистое грушевое дерево, под которым она часто строчила на своей швейной машинке «Зингер», а во дворе резвились дети под неослабным вниманием свекрови. Тутовое дерево у парадного входа стало еще пышнее. За домом сад стоял сплошной стеной, в темноте он казался дремучим лесом. Увидела кошку, выходящую из сада после ночной охоты, так похожую на нашу — наверное, ее потомство. Не упустила и проводила взглядом пробежавшего за домом ежика. Все это вместе было настолько родным и казалось ей земным раем, где она когда-то жила счастливой жизнью. Она вспоминала, как однажды зимой муж приехал из долгой командировки, где-то он инспектировал рыбные промыслы, и его доставили на санях; как много было подарков — теплые шапки детям, ей туфли, много кур, заколоченных в деревянные ящики, с просветами, и многое другое. Живо представлялись ей лица и манеры гостей, родственников, которые всегда бывали в этом доме. Все эти воспоминания нахлынули на нее, и сердце защемило от боли за то, что этот семейный очаг для нее угас, что судьба семьи полна драматизма и впереди неизвестность. Она не знала, сколько просидела тут, и очнулась лишь с рассветом. Можно ли было без сочувствия смотреть на эту, еще молодую, но уже столько претерпевшую женщину? Какую горькую чашу испытаний она выпила, чтобы достичь своей цели! Она вралась сюда, и вот, оставив позади несколько тысяч

километров, подкралась ночью к своему дому, как зверь, тихо, украдкой, остерегаясь людских глаз. Она увидела свой дом, двор, но зайти туда не имела права. По какому сатанинскому правилу устроена жизнь? Пусть наречно будут прокляты те бесчеловечные изверги, которые управляют нами, обществом, государством! Пусть их вечно преследуют наши безвинные муки и страдания, которым они подвергли нас! С этими тяжелыми мыслями и проклятиями в адрес тех, чьими законами, правилами разоряются очаги, ломаются жизни десятое, сотен, тысяч людей по всей стране, мама бесшумными шагами пошла прочь.

На другой день, когда все домочадцы проснулись и каждый занялся своим делом, мы, дети, вышли во двор в сопровождении двоюродной сестры. С этого утреннего часа первого дня свободы началась наша мирная детская жизнь.

Мама уснула на рассвете и ее никто не стал будить. Бабушка села на корточки у ее постели, вглядываясь в ее лицо, про себя говорила: «Спи, спи, моя родненькая, отоспи все твои мучения, как ты измучилась!» Она корила себя за то, что была виновницей замужества мамы, но ведь она, зная порядочность, заботливость зятя, была уверена в спокойной и счастливой жизни дочери. Почему она отвергла соседского парня, выпроводила сватов, лучше бы отдала дочь за этого непутевого, который сегодня цел и невредим, гуляет по саду; с ним бы дочь не испытала такие муки, а жила бы рядом, на глазах. Обвиняя себя во всем, что случилось с ее ненаглядной дочкой, охваченная материнским чувством жалости, бабушка тихонько плакала и все поправляла бессознательно постель.

Карланюрт — небольшое село, все хорошо знали друг друга. Появление нас, детей, во дворе и на улице сразу было замечено. Время близилось к вечеру. Проходя возле нас, один мужчина заметил незнакомых детей и поинтересовался, откуда мы и чьи. Он подошел к моей сестре, которая играла с двоюродной сестрой, и спросил:

— Чья ты будешь, как тебя зовут?

— Я мамина, а зовут меня Умгани, — ответила она.

— А как зовут маму, папу? — продолжал расспрашивать мужчина.

— Маму зовут Мадиш, а папу не знаю. У меня нет папы. Мама дома. Позвать? Вы хотите ее видеть?

— Нет, нет, не надо. Я просто хотел узнать, чьи вы будете, такие хорошие и незнакомые дети, — ответил он с улыбкой на губах, весело подмигнул нам и ушел по проселочной дороге вниз.

В это время с противоположной стороны шел домой брат моей мамы Крымсолтан. Подойдя к нам и увидев удалявшегося мужчину, он спросил:

— Вон тот дядя, который уходит, с вами разговаривал?

— Да, — ответили мы.

— О чем он вас спрашивал?

— Он спросил нас, чьи мы, как зовут маму и папу, и мы сказали ему. Дядя все понял, побагровел от злости, переменялся в лице.

— Ну, теперь не миновать беды,— с тревогой произнес он.

Этот незнакомый мужчина был лет 30—35, выше среднего роста, с длинными усами, чуть продолговатым, с правильными чертами лицом, на котором всегда была какая-то беспричинная улыбка. Зимой и летом носил овечью папаху и чарыки. Он бездомный, кличка у него «Муху», так его все зовут, хотя у него есть собственное имя, которого никто не знает. Работает в сельском совете чаушем (посыльным), на работе и ночует, питается где придется, часто у одной пожилой женщины, двор которой недалеко расположен от дома нашей бабушки. Муху обеспечивает ее дровами, на себе переносит вязанки хвороста с лесной опушки, которая начинается за селом. Иногда после ужина в прихожей, у мангала, спит. В селении у Муху очень много родственников, но, видно, с ними он не поддерживает родственных отношений.

Вечером мама собралась в гости к двоюродному брату Шихсолтан-Агаву, я напросился с нею. Идти нам пришлось по главной улице вверх, но в темноте никто не обращал на нас внимания, и мы легко добрались до родственников. Прием был очень теплый и радушный. Вообще у народов Кавказа, в частности, у кумыков, с далеких времен тухумские, родственные и семейные узы были очень крепкими. Связано ли

это со стремлением к самосохранению из-за малочисленности или с особыми природными генами, — это отдельная тема.

В то время, как мы общались с родственниками, на другом конце села события разворачивались, как в детективной хронике. Муху, как только узнал, что Мадиш со своими детьми находится в селении, стремительно, не чуя земли под ногами, направился к дому председателя поселкового Совета и, влетев в комнату, где уже вторую неделю лежал больной хозяин, даже не осведомившись о его состоянии, сразу приступил к делу и бесцеремонно сообщил:

Абдулмуталиб, у нас новость в селении. Мадиш с детьми вернулась, я их видел, разговаривал с дочкой.

— Постой, как Мадиш? А где ее муж Аджи? Он тоже приехал? Ты их о нем спросил?

— Да, спросил, девочка ответила, что у них нет папы, видать, она не помнит отца.

— Ты заходил к ним в дом, проведаль незваную гостью или с кем-либо из ее родственников встретился? Разговаривал? Как и на каких правах они приехали, что-либо узнал?

— Нет, ни с кем не встретился и домой к ним не заходил. Решил первым делом зайти к тебе и сообщить сенсацию.

Отвечая на вопросы своего начальника, Муху внимательно следил за его реакцией на только что сообщенную новость, готовый, как верный солдат, выполнять дальнейшие указания.

Абдулмуталиб, тот самый комсомольский активист, который конфисковал у нас всю живность при раскулачивании в 1935 году и вырос теперь до должности председателя поселкового Совета, еще в молодости освоил тонкости жизни и полностью воспользовался этим в бурные революционные и особенно послереволюционные годы. Его активность выгодно отличала его от сверстников, он умел на собраниях хорошо держать нужную позу, говорил горячо, аргументировано излагал свои мысли, в присутствии гостей из районных органов бичевал кого следовало, призывал аудиторию к неуклонному претворению в жизнь генеральной линии ВКП(б). В общем, умел и в обществе показать себя, освоил пути подхода к начальству, и неудивительно, что с его данными его заметили. Теперь он голова села. В юности Абдулмуталиб с завистью

смотрел через свисающие на глаза ключья шерсти чабанской овечьей папахи на кожанки тех комиссаров, которые приезжали в село утверждать революционный порядок. Подражая своим кумирам юности, он носил гимнастерку и китель, брюки-галифе и изношенные хромовые сапоги в гармошку. Все это ладно сидело на его худой, довольно высокой фигуре. Его маленькое лицо, с глубоко посаженными маленькими, похожими на мышьиные, глазами било всегда выбритым. Он понимал, что эту должность занимает незаконно, незаслуженно, что это подарок судьбы, подброшенный обстоятельствами революционного момента.

Абдулмуталиб поблагодарил Муху за особую бдительность. Он успокоился, что его чауш ни с кем не имел контакта до встречи с ним. Привстав, он сел на постели, опустив ноги на пол и, обращаясь к своему преданному подчиненному, начал давать наставления и ставить задачи:

— Муху, родной, сейчас слушай меня внимательно и делай все точно, как я скажу. Иди в сельсовет, по дороге старайся не встречаться ни с кем, а если придется — смотри, ни одного слова о том, что сейчас рассказал мне. Пусть никто не узнает, пусть это останется нашей совместной тайной. Зайди в Совет, закройся, крути ручку телефона, пока коммутатор не соединит тебя с дежурным милиции. Ты не знаешь и я не знаю, кто и сколько их прибыло. Может, это приманка, что Мадиш появилась с детьми — для проверки нас и районных органов власти — какая у нас будет реакция, а главари могут рядом прятаться. Мы должны их обезвредить. За своевременное донесение о появлении опасных государственных преступников мы с тобой будем представлены к награде. Это будет первый радостный случай у нас в селе.

Сообщи дежурному, что в селении Карланюрт появилась группа бандитов, количество их неизвестно, они бежали из мест их ссылки, куда они несколько лет назад как государственные преступники были этапированы. Известно, что главарь банды, бывший житель нашего села Тулпаров Аджи семью сегодня доставил в село; где сам находится — в селении или за пределами, сколько с ним человек, их вооруженность во избежание инцидента не стали уточнять, считали своим долгом поставить вас в известность.

Проси выслать вооруженный отряд милиционеров для окружения и захвата этих вооруженных отступников закона. Старайся показать масштабность операции. После сообщения из сельсовета не выходи, жди их приезда. Представься им как дежурный, а по должности чауш, сообщи прибывшему начальнику отряда о том, что председатель сельсовета болен, лежит дома, а ты выполняешь его указания. Выполняй все указания командира, проведи их к дому, где остановилась Мадиш.

Муху аккуратно исполнил все указания своего патрона, и к 10 часам вечера вооруженный отряд милиционеров на автомашине-полупортке остановился во дворе поселкового Совета. Команда неподвижно оставалась в кузове машины, а командир, захлопнув дверь кабины, быстрым шагом вошел внутрь здания Совета, где их поджидал чауш.

Последовал вопрос:

— Где председатель Совета?

— Он болен, лежит дома, режим постельный,— ответил Муху.

— Кто звонил в дежурную часть милиции и кто Вы, кем здесь работаете?

На чеканные вопросы начальника отряда Муху так же чеканно отвечал:

— Звонил я, выполняя указание нашего председателя Абдулмуталиба.

— Так кто же может дать объяснения по существу дела? Вы можете что-либо оказать по поводу появившихся бандитов — где они сейчас, сколько их и откуда прибыли?

Улыбаясь, Муху оказал:

— Кроме меня, никто ничего не может вам сказать. Я первый их заметил и об этом доложил больному у постели, а он велел срочно вызвать вас, что я и сделал.

— Теперь что-то прояснилось. Вы знаете, где они находятся, сколько их, какое у них оружие? Вообще вы видели этих людей?

На эти наивные, как казалось Муху, вопросы он ответил:

— Я к ним в дом не заходил, сколько их прибыло пока не уточнил. Но маленькому ребенку понятно, что Мадиш, это жена Аджи Тулпарова, не могла одна со столькими малышами бежать

с каторги. Ясное дело, она бежала вместе со своим мужем. Говорят, он не один, а с такими же дружками, как и он сам.

Последние слова Муху, сказанные для придания делу опасного характера, были из арсенала собственной фантазии, особенно Муху настаивал на вооруженности этих людей. Это было беспрюиришно — кто мог бы при людях демонстрировать свое оружие?

Командир отряда, поняв, что переборщил с вопросами, что осведомленность чауша ограничивается сказанным, спросил:

— Ты можешь нам показать, то есть провести нас незаметно к дому? Далеко отсюда это место, можно проехать на машине?

— Недалеко, в центре села, это на главной улице, могу вас провести,— с готовностью ответил Муху.

— Если на главной улице, для оперативности и внезапности поедем на машине.

Командир провел последний инструктаж с подчиненными перед захватом бандитской группы. Указал, кому охранять дальние подступы к дому, примыкающие переулки, кому окружать дом, кому охранять двери и окна, и приказал действовать по обстоятельствам. Двоим дал команду сопровождать его при встрече с бандой. Еще раз напомнил, что внезапность, быстрота и решительность обеспечат успех и возможность обойтись без жертв.

Отряд принял команду к готовности номер один. Командир сел на кабину, а Муху встал на подножку, и машина тронулась к дому Гиччи-Агава и остановилась прямо у ворот. Быстро, без единой команды, отряд в количестве 12 человек рассыпался и занял круговую оборону. Так же внезапно командир с двумя милиционерами оказались в комнате, поскольку двери были открыты, а домашние в это время укладывали детей спать. Заглянув во все комнаты и не обнаружив никого, руководитель операции опросил подошедшую к ним недоумевающую мою бабушку Тотай:

— Где хозяин дома?

— Сын еще не вернулся с работы, иногда он поздно возвращается.

— Сколько человек приехали к вам и где они?

— Приехала моя дочь со своими детьми, у нее их четверо, значит, всего пять человек. Двое малышей только что легли спать, а остальные в гостях у родственников, в верхней части села.

— Ваша дочь приехала с мужем и еще кое с кем. Где они сейчас? — не унимался начальник отряда.

— Моя дочь приехала одна со своими детьми, она развелась с мужем, и мы не знаем, где он, — твердо ответила бабушка.

Убедившись, что дальнейшие расспросы ничего существенного не дадут, он снял оцепление. Уточнив, у кого в гостях находится Мадиш, начальник отряда дал команду вернуться в сельский Совет. Вылезая из машины, он сказал Муху:

— Мне кажется, что вы из мухи делаете слона. Вот, возьмите машину и двух милиционеров и привезите эту женщину, которая бежала из ссылки.

Взяв у Муху ключ, он пошел в контору. Но Муху остановил его и умоляюще попросил добавить ему еще милиционеров, так как двоюродный брат Мадиш такой злой и драчун, что может оказать сопротивление. Начальник посмотрел ему в глаза и с гневом оказал:

— Я уже начинаю сомневаться в вас. Мне кажется, что я имею дело с трусливым обывателем. Идите и выполняйте приказ! — с сарказмом обронив эти слова, он резко повернулся и пошел в контору. Безусловно, ему не понять было с первой встречи, кто такой Муху.

Муху — человек, не имеющий зла ни на кого, не заражен революционными идеями, у него нет ни «наших», ни «ваших», в отличие от Абдулмуталиба, у него нет классовых врагов. Не стирая улыбку с лица, он может всех послать на эшафот. У Муху, мне кажется, атрофированы все присущие нормальному человеку органы чувств. У него нет понятий «боль», «сострадание», он не ведает, что творит. И сейчас он творил свое черное дело без какого-либо умысла, ради своего интереса, как забаву в его опостылевшей, серой сельской жизни.

Беседа в гостях у родственников была долгой. Все присутствующие до мельчайших подробностей расспрашивали у мамы, как мы ехали по этапу в ссылку, как там жили, как

живут местные народности, что интересного видели там, как добирались домой. Переходя в разговоре на родное село, мама поинтересовалась, сохранилось ли дерево, которое одновременно дает груши и хульан (в русском лексиконе нет) — разновидность груши. Она захотела посмотреть это дерево.

— Пойдем, покажу, — отозвался Шихсолтан-Агав.

В темноте мы с мамой облазили весь сад. Оказывается, это чудо-дерево с пышной кроной так величаво, что ночью оно нам показалось гигантского размера. Оно стояло прямо над обрывом Акташа, разбрасывая часть своих спелых плодов. Тот вечер в начале августа был такой великолепный, с тихой прохладой, с бабочками, порхающими вокруг лампы, и эти близкие нам люди, окружающие нас заботой, и все происходящее воспринималось мною как вершина земных благ и от этого приятно щемило сердце.

Все расселись на веранде вокруг стола, но поужинать не успели — у калитки остановилась машина, и двое в военной форме предстали перед нами. Муху, издали указав на маму, категорически отказался сопровождать своих спутников во двор, объяснив:

— Если Шихсолтан увидит меня, тогда мне не будет пощады, он избьет меня до смерти.

С этими словами он убежал и, спрятавшись под деревом возле правления колхоза, наблюдал за происходящим.

Мама моментально поняла, в чем дело. Милиционеры предложили ей встать и пройти к машине. На вмешательство Шихсолтан-Агава они ответили:

— Мы ничего не знаем, наш командир находится в конторе сельского Совета, и нам приказано доставить ее к нему. Там разберутся.

На другие, более детальные вопросы родственников представители органов власти не стали отвечать.

Насмотревшись в прошлом на форму энкавэдэшников, мама при виде их побледнела, ложка выпала из рук. Маму посадили в кабину, один из милиционеров встал на ступеньку ближе к маме, а другой и Шихсолтан-Агав вскочили в кузов.

Этот чудесный вечер, приятный ужин были испорчены, никто не притронулся к еде, все пошло во двор поселкового Совета.

Робкими шагами, как жертва, которая самопроизвольно идет в пасть к хищнику, моя мама в сопровождении двух милиционеров вошла к начальнику НКВД. Мысли в голове у нее путались, в висках стучало, ей казалось, что от этой минуты будет зависеть вся дальнейшая ее жизнь. Командир отряда на всякий случай позаботился об охране здания. Двое милиционеров, доставившие маму, сели тут же в кабинете — один возле двери, другой возле окна. Никто из этих трех мужчин не предложил ей сесть. Начальник начал допрашивать маму:

— Как ваша фамилия, имя, отчество, год рождения, место рождения?

Получив ответ, он продолжил вопросы:

— Откуда приехала и кто разрешил покинуть место ссылки? Где сейчас находится ваш муж?

— С мужем мы разошлись, где он сейчас, не знаю, говорили, что его посадили. У меня было пятеро детей. Дочку похоронили там, в ссылке, а другие болели. Я не могла смотреть на то, как они умирают, если бы я там осталась, они бы умерли. Меня выслали из-за мужа, а его сейчас нет. Моих родителей не выслали, они живут здесь, в селении Карланюрт. Я приехала в свой отчий дом. Я думаю, органы правильно поймут мое положение и разрешат мне жить с родителями. Я приехала сегодня, а завтра хотела прийти к вам с заявлением — разрешить мне остаться.

Мама постепенно приходила в себя и начала доказывать, просить у начальника пощады. Но представитель власти остановил ее. Слушая ее и сопоставляя услышанное с тем, что сообщили в милицию о вооруженных бандитах, он никак не мог разобраться. Как толкует закон, если в действительности она разошлась с мужем, а ее выслали из-за него и совместно с ним, тогда как ее родителей не выслали? Как быть в таких случаях? Притом она прибыла в село, не согласовав свои действия с начальством. Чтобы не наломать в этом деле дров, он принимает «соломоново решение»:

— Я не начальник, а оперуполномоченный, нахожусь сегодня на дежурстве и не решаю такие вопросы, о которых вы просите. Я сейчас должен был вас арестовать и доставить в КПЗ, но учитывая, что вы собираетесь явиться с заявлением в

райотдел НКВД и не представляете общественную опасность, я оставляю вас на одну ночь дома, но с тем условием, что завтра со своим заявлением к 9 часам утра вы явитесь к дежурному милиции. Там скажут вам, куда следует пойти.

С этими словами командир собрал своих подчиненных и уехал.

Мама в сопровождении своих родственников вернулась домой. У бабушки уже знали, что маму ищут, и они все пришли к зданию сельсовета. Долго обсуждали случившееся, все были очень расстроены, только поздно ночью разошлись. В узком семейном кругу — мама, два брата и бабушка — собрались на совет, чтобы решить, какие предпринять шаги. Долго обсуждали и решили: ни в коем случае нельзя вот так, добровольно, идти и сдать в руки НКВД. С 1936 года, а особенно в тридцать седьмом году шли массовые аресты, и ни один из арестованных не вернулся. Если к ним в руки попал человек — обратного пути ему нет. Это равнозначно тому, что добровольно идти на верную смерть.

Отвергнув добровольную сдачу, все согласились начать подпольную жизнь, скрываться до тех пор, пока не изменится обстановка. Бабушка предложила отвезти маму к ее братьям и сестрам в Чечню, в Ауховском районе, в Бониярте живут у нее четыре брата и две сестры, почти полсела родственников. Гиччи-Агав (он работал шофером на колхозной машине-полуторке) предложил:

— Времени осталось мало, к утру я должен вернуться на работу. Мадиш, собирайся, поедем в Бониярт. Детей пока оставим здесь. Пусть Дайгар возьмет Данияла; а старшего, Арслана, попросим на время взять двоюродного брата отца — Агая. Он бездетный, а мальчик и по дому ему будет помощником. А двух маленьких я оставлю у себя.

РАЗЛУКА С МАМОЙ

Машина-полуторка, оставив позади спящее село, взяла направление на Чечню. В это время старший брат мамы, Исак-Уллу-Агав развозил полусонных детей по родственникам.

Наутро, проснувшись, я заметил, что нахожусь в незнакомой комнате. Я не помнил, кто и когда меня сюда привел. Встал, посмотрел в окно, увидел тетю, старшую сестру мамы — Дайгав, которая возилась во дворе по хозяйству, а также увидел сидящего под тенью дерева старика могучего телосложения, седоволосого, пышущего здоровьем и силой. Его я тоже узнал — это муж моей тети Аджи, сын Биярслана.

Увидев меня, тетя оставила свое занятие и радостно обратилась ко мне:

— Вот теперь ты будешь жить у нас, как наш сын, а когда все разрешится, и твоя мама и все остальные будут жить в этом доме.

Сразу своим детским сердцем я почувствовал радость моей тети по случаю моего появления в этом доме, но ничего похожего я не увидел на лице ее мужа, наоборот, на нем была написана холодная отчужденность, хотя он и не произнес ни одного слова. Я понял, что он удручен моим появлением у них. Он с моей тетей прожили долгую жизнь, но были бездетными, может быть, поэтому мое появление было ему в тягость. Это предчувствие подтвердилось в последующие дни моего проживания у них. За каждую мою детскую шалость он делал замечания. Детские вольности, которые я мог допустить в присутствии мамы, здесь были неуместны, я это ясно понимал, и поэтому, чтобы избежать недовольства дяди и не осложнять свое положение, начал искать пути сближения. Первостепенной заботой моей новой семьи на тот период, как я понял, была заготовка дров. Этим я и занялся. На противоположном берегу Акташа рос молодой густой дубовый лес вперемешку с дикими фруктовыми деревьями и лианами дикого винограда. Я взял топор и веревку, спустился с обрыва и начал носить на себе вязанки дров. По моим возможностям заготовка состояла в следующем: рубишь ветку толщиной с ручку лопаты, очищаешь ее от листьев; когдаходишь к обрыву, развязываешь веревку и по одной поднимаешь ветки в сад, а потом связываешь их в вязанку. За всем этим наблюдал Гаджи-Биярслан. Чтобы заслужить его одобрение, я каждый раз прибавлял по одной ветке и видел, как в эти минуты светлело его лицо.

— Вот хорошо, в этот раз больше принес, чем в предыдущий,— одобрительно отмечал мою работу Гаджи-Биярслан.

Своим старанием, трудом я утверждал свое моральное право распоряжаться остальным своим временем. Мне позволялось выйти на улицу, познакомиться со своими сверстниками, которые собирались на поляне возле мечети, в которой теперь был клуб. Рядом в домах раскулаченных разместились правление колхоза и сельский Совет.

В школе начался учебный год. Все дети пошли на занятия, а меня никто не готовил к учебе, и те, у кого я жил, понятия не имели, что мне нужно учиться. В совхозе Джамбульской области я окончил первый класс, умел писать и достаточно хорошо читать. Мне хотелось учиться, и я пошел с новыми друзьями в школу, вошел в класс и, незамеченный, сел за последнюю парту. Так началась моя незаконная учеба. Первые дни я молчал, не высовывался, чтобы не выгнали, а потом, привыкнув, осмелел. Дело в том, что я неплохо владел русским языком, а для остальных русский язык в то время был равнозначен китайскому. Учительница заметила это и решила поставить мне оценку в журнал. Спросив мою фамилию, стала искать ее в списке учеников. Я не решился сказать ей, что в журнале нет моей фамилии, что я учусь самовольно. Наверное, мне повезло, что молодая учительница была не из нашего села и здесь никого не знала; по журналу, делая переключку, знакомилась с классом. Не найдя мою фамилию в журнале, она ничего не сказала и продолжила занятия. На перемене, когда все ребята побежали на улицу, она подозвала меня к себе и начала расспрашивать, откуда я приехал, где родители и т. д. Она все поняла и мое положение приняла близко к сердцу. Я боялся, что этот разговор приведет к концу моей учебы и решил уйти тем же путем, как и пришел — самовольно. После звонка все пошли в класс, а я остался на спортплощадке ждать своего друга, качаясь на висячем канате. Во мне играло самолюбие, я не мог допустить такого позора, чтобы меня, разоблаченного ученика-самозванца, на глазах у всего класса выводили из школы, да еще неизвестно с какими разоблачительными словами. Тут ко мне подошел мой друг Гаджимурад:

— Меня послали за тобой.

— Кто? — удивился я.

— Учительница.

— А что, она хочет при всех меня допрашивать, почему без спроса сидел в классе, или хочет к директору отвести показать самозванца? Нет, не пойду.

— Нет, нет, совсем не так. Когда учительница зашла, она сразу обратила внимание, что тебя нет, забеспокоилась, спросила, где ты, почему тебя нет на занятии. Я ответил, что ты понял свою ошибку и не хочешь, чтобы тебя при всех ругали. Тогда она разволновалась и сказала, что наоборот собирается похвалить за то, что самостоятельно, без посторонней подсказки, пришел в школу с желанием учиться и, несомненно, будешь самым лучшим учеником. Она просила найти тебя и привести в класс. Так что пойдем.

Конечно, я обрадовался, вместе с другом вернулся в класс. Учительница Умраил остановила меня у доски и сказала, что мой поступок заслуживает самой большой похвалы — то, что я в отсутствие родителей самостоятельно пришел в школу, а не болтался по селу без дела. Еще она сказала, что согласовала мою учебу с директором и занесла мою фамилию в журнал, и я теперь, как все остальные, являюсь законным учеником. А также она попросила меня задержаться после урока, чтобы внести в журнал мои данные. Я сел на свое место и был бесконечно рад, что с этой минуты я равный среди равных.

Тетя и ее муж не были в восторге от моих школьных занятий, но не стали возражать, так как сам собой сложившийся мой распорядок дня, мне кажется, их устраивал. Утром в школу, после обеда должен был принести им одну вязанку дров, вечером играл с ребятами возле клуба.

Учеба моя пошла успешно, хотя вначале были затруднения с учебниками и тетрадями. Первые дни писал на листах, которые дал мне Гаджимурад, вырвав их из прошлогодних тетрадей. Ручку я смастерил сам, привязав ниткой перо к огрызку карандаша, а чернильница Гаджимурада стала общей. Учительница дала мне тетради и учебники. Поскольку учеба не представляла для меня трудностей, я все больше стремился читать художественные книги. К тому времени я уже был знаком с отдельными рассказами Мамина-Сибиряка. Школа имела хорошую библиотеку, и там я впервые

познакомился с этим автором, но давать мне книги библиотекарь отказался по той причине, что в случае утери книги некому будет возместить ее стоимость, так как родители мои в колхозе не работают. Этот случай оставил во мне горький осадок, и я больше в библиотеку не ходил.

Для детей села было большим событием, когда привозили кинопередвижку. Все дети возбужденно опрашивали друг у друга, какое кино — немое или звуковое (в то время уже начали выпускать звуковые фильмы). И если фильм был звуковой, то не было предела нашей радости. Бывало, окружив в темноте мотор, дети с восхищением смотрели, как механик колдует над ним; и когда мотор, наконец, начинал работать, был взрыв восторга. Кино показывали без наличной оплаты: у входной двери ставили стол, оставляя узкий проход, и записывали в тетрадь каждого входящего. Сначала входили взрослые, а потом впускали детей, и их тоже записывали. По этим спискам правление колхоза, удерживая затем из заработной платы, расплачивалось за показ фильмов. У меня, как и у всех, бывало огромное желание посмотреть кино, но ответственный за пропуск зрителей, узнав меня среди толпы детей, как чужеродного, отталкивал от дверей. Не помогали фамилии тети или брата мамы — Гиччи-Агава, и я оставался на улице. Сердце мое обжигала обида, но желание посмотреть кинокартину брало верх: я ставил камни, поднимался на наружный подоконник и прилипал к окну. Через стекло я охватывал больше половины зала. Как я завидовал тогда мальчишкам, которые, плотно сидя на полу, с нетерпением ждали начала фильма.

Меня тяготило мое положение в обществе, вернее, вне общества, я чувствовал себя песчинкой, гонимой ветром. Постоянно мое детское сознание сверлила одна мысль: почему я не полноправный член коллектива? В чем я и мои родители провинились перед людьми? Разве они сделали что-нибудь дурное или преступное? Не находя ответов на мучившие меня вопросы, я становился замкнутым.

Мама по пути в Чечню мыслями оставалась в родительском доме, со своими детьми. Сознывая и оценивая свой поступок как верный, она одновременно упрекала себя в

том, что попрощалась со спящими детьми, а не разбудила и не объяснила необходимость разлуки, хотя и недолгой.

Когда она подъезжала к Бониюрту, горизонт начинал чуть-чуть бледнеть. Наступало утро нового дня. Еще дома решили остановиться у средней сестры моей бабушки — Базыгыз, к ней и подъехали. После приветствий и объятий, вкратце объяснив ей, в чем дело, Гиччи-Агав немедленно отправился в обратный путь. Он должен был незаметно въехать в село и успеть вовремя явиться на работу. Все получилось удачно. Гиччи-Агав раньше всех стоял возле хоздвора, готовый приступить к работе.

Кроме Базыгыз, все домочадцы спали. Поговорив наедине со своей тетей, под самое утро мама легла спать. Из всех родственников по чеченской линии Базыгыз выгодно отличалась своей активностью. Эта худая, среднего роста, не сохранившая следов красоты, рано потерявшая мужа многодетная мать обладала недюжинным организаторским талантом, умела управлять хозяйством. Все дети ее были при деле: ухаживали за скотом, заготавливали корма на зиму, обрабатывали сад, работали в поле. Она была завсегдатаем пестрого Хасавюртовского базара, продавая с осени до глубокой зимы выращенные ее семьей сельхозпродукты. Не знаю, по этой ли причине ее в шутку называли Базаргыз, что в переводе с кумыкского означает «базарная девочка». О ее неукротимой энергии и решительности говорят такие факты: аульные абреки, чувствуя легкую добычу (женщина-вдова и взрослых мужчин в доме нет), решили угнать у нее часть скота. Бдительная Базыгыз проснулась от непонятной возни во дворе и, взяв в руки кинжал, отправилась на проверку и, обнаружив, что воры из сарая выводят скот, схватила кинжал и бросилась на них. Воры убежали, но одному она сумела отхватить кинжалом подол чебкена. Когда на другой день ее братья стали допытываться, кого она узнала в ночных гостях, Базыгыз, не желая нагнетать обстановку и называть имена, шутливо ответила: «За моим скотом приходил тот, кто на вечернем очаре будет в чебкене без одного подола».

А вот еще один ее решительный поступок. Она, не знающая никакого другого языка, кроме чеченского, отважно пустилась в далекий и небезопасный путь и зимой 1938 года

неожиданно для нас явилась в нашу ссылку, чтобы проведать своих родных и собственными глазами увидеть, как мы живем.

Несмотря на то, что мой прадед был чеченцем кумыкского происхождения, дед мой Дада и моя бабушка в совершенстве владели обоими этими языками, но дома все общались по-кумыкски. Поэтому дети, кроме моей мамы, не знали чеченского языка. Так случилось, что мама в детстве подолгу жила у родственников в Чечне, там и выучилась чеченскому языку и теснее других общалась со всеми родственниками по чеченской линии. И вот сегодня она среди них.

Каждый день и особенно вечерами мама была окружена заботой родственников, они делали все, лишь бы ей не было тоскливо. Однако тревожные мысли о детях, об их и своей дальнейшей судьбе тяготили ее. Она понимала, что, спасаясь от НКВД, оказалась в положении зверя, попавшего в клетку, что, приняв скоропалительное решение приехать в Чечню, она допустила ошибку. Да, здесь безопасно, но невозможно видеться с детьми, контролировать их положение. А это было выше ее сил. Она должна жить поблизости от своей семьи. Перебрав в памяти всех знакомых и родственников, которые проживают в окрестных селах, она остановилась на Аджимажагатюрте, что находится в 4—5 километрах к северу от Хасавюрта. Там проживала сестра ее старшей невестки, с которой она подружилась, когда старший брат Исак женился на Патимат. Умукусюм была ровесницей моей мамы, и замуж они вышли в один год. Мама сопровождала невесту в составе свадебной процессии, потом несколько раз бывала в ее семье.

Мама твердо решила перебраться в Аджимажагатюрт. Базыгыз, хоть и огорчилась, но согласилась с мамой. Договорились, что на следующий день вечером мама выедет, чтобы прибыть туда поздно ночью — в целях конспирации. Увидев приготовленную арбу, загруженную продуктами, мама была смущена и начала возражать, но тетя перебила ее, сказав, что все лишнее она может отдать детям. В арбу было положено 4 мешка муки, туши сушеной баранины, фасоль, тыква, сушеные фрукты и многое другое. Абдулхалик, погоняя запряженных в арбу быков, повез маму к новому месту жительства. Быки шли легко, так как вся дорога до Хасавюрта

была под уклон. Не заезжая в город, они пересекли дорогу Хасавюрт — Грозный и взяли направление в сторону Кизляра. Несмотря на кромешную темноту, ориентировались правильно. Когда подъехали к селу, мать немного растерялась, многое она не узнавала: деревья выросли, стали высокими и пушистыми, дороги тоже изменились. Раньше, в беззаботное для нее время, она не запоминала ориентиров, которые могли бы помочь ей сейчас. Оставив брата с арбой на окраине, она одна пошла по темному селу искать дом Умукусюм. Долго бродила, неоднократно возвращаясь в одно и то же место, но найти так и не смогла. Тогда, остановив проходящую девушку, спросила:

— Не знаешь, где живет Умукусюм, ее мужа зовут Аджи Клычев?

— Вот, третий дом справа, — ответила девушка.

Поблагодарив ее, мама подошла к дому и посмотрела вовнутрь. Да, ориентировалась она правильно, ведь она несколько раз возвращалась к этому дому, но из-за капитального ремонта и пристроенной веранды не узнала его. Через тусклый свет керосиновой лампы она увидела силуэт своей подруги юности.

Вернувшись к Абдулхалику, она сообщила ему, что наконец-то нашла нужный дом. Без шума они заехали во двор. Когда Умукусюм поняла, кто приехал, она была изумлена, но вопросов не задала, пригласила гостей в дом. За ужином мама вкратце рассказала, как сложилась судьба ее семьи за тот период, пока они не виделись, и изложила причину своего приезда к ним.

Умукусюм, худая, со смуглым приятным лицом и добрыми глазами, среднего роста, была еще молодой женщиной. Аджи — худощавый, высокого роста, по характеру был человеком застенчивым и всем в жизни довольным. Он всегда готов был, в ущерб себе, помочь другому. Работал он в колхозе «Коммунизм». В семье росло двое детей.

После ужина Абдулхалик заторопился в обратный путь, но хозяева категорически возражали против его отъезда: они предложили ему переночевать. Кроме того, они отказались принять привезенные им продукты. После долгих опоров решили часть даров отвезти в Карланюрт к моей бабушке, а она

по своему усмотрению распределит это по всем родственным семьям, где проживали мы, дети.

Настроение мамы улучшилось. От мысли, что дети находятся рядом и что она скоро встретится с ними, сердце ее пело. Оставшись наедине с Умукусюм, они вместе вспоминали молодость и разные забавные случаи тех лет, особенно про неуклюжих ухажеров на свадьбах, где они вместе бывали. Мама призналась, что не в силах больше терпеть разлуки с детьми, и Умукусюм вызвалась сопровождать ее на встречу с нами. Но мама это предложение решительно отвергла, она не хотела никого впутывать в опасную ситуацию.

Соседкам Умукусюм представляла маму как дальнюю родственницу и подругу детства из Байрам-аула, поэтому появление мамы в селении не вызвало большого интереса и подозрений.

Свой план навестить детей мама решила осуществить завтра же вечером. Мама сняла с себя все привлекающее внимание, подобрала у Умукусюм темный платок с выцветшими цветами, темное платье и, поборов в себе страх, отдаваясь полностью во власть своей судьбе, отправилась в путь. Чтобы не заблудиться, заранее наметила себе ориентиры: она выйдет на трассу Кизляр—Хасавюрт, через реку Ярык-Сув, по переулку, где баня, потом на базарную площадь, через нее — к керосиновой лавке и по дороге, которая упирается в эту лавку, пройдет к тюрьме, потом на русское кладбище и оттуда наискосок выйдет к каменному мосту. Это — начало дороги в Карланюрт. Строго придерживаясь этого маршрута, она пошла в сторону отчего дома. На окраине Хасавюрта, чувствуя большую физическую усталость и нервное напряжение, решила немного отдохнуть. Расслабившись, вспомнила, как они с мужем жили в Хасавюрте по улице Базарная 11, часто по этой дороге они ездили в гости к родителям. Вспомнила, как она ходила по городу — богато одетая, тогда ей хотелось, чтобы все ее видели. А сейчас положение ее таково, что она избегает людей, нет у нее ни кола ни двора и вообще она вне закона. Эти горькие мысли начали волнами охватывать ее издерганное сердце. Отбросив их, она встала и, не позволяя себе предаваться унынию, пошла дальше, преодолевая последний отрезок пути.

Она шла, чутко прислушиваясь в ночной тишине к скрипу где-то проезжающей арбы, и спешила уклониться от встречи с ней. Она страшно боялась встречи с каким-нибудь хищным четвероногим в лесу и при малейшей возможности выходила на дорогу, готовая вновь спрятаться в лесу, если возникнет опасность встречи с людьми. Шакалы неотступно сопровождали ее на расстоянии 30—40 метров, оглашая лес своим воем.

Уже будучи на полпути к Карланюрту, она услышала шум приближающегося каравана подвод, спряталась, но и они, как назло, тут же остановились. Это были три арбы на быках, везли на продажу дрова. Из разговора аульчан она поняла, что они едут из Андрей-аула обходным путем во избежание встречи с лесником. У одного из возчиков дрова развалились, и он просил остальных помочь ему переложить их. Дело обещало быть затяжным, и мама, не дожидаясь их отъезда, продолжила путь. Тихо, местами ползком, она углубилась в лес, рискуя попасть в лапы к зверю — настолько был в ней силен страх встречи с человеком. Пройдя немного по лесу, она вновь вышла на дорогу, подводы остались позади нее.

Перейдя безводную реку Акташ, мама присела отдохнуть. Душа ее трепетала, предчувствуя скорую встречу с детьми, а сердце сжимала тревога. Она знала, что если ее задержат, то, конечно же, не простят второй побег, и это станет отягчающим обстоятельством в ее общей вине, которую она не могла ни понять, ни признать. Вот уже в течение трех лет она ведет неравную борьбу за выживание. Она похожа на опытного зверя, который, преодолевая поставленные капканы, ночью пробирается к своим детям. Но она не знала, что из комендатуры свеклосовхоза в НКВД Дагестана было направлено розыскное письмо и что письмо это уже находится на столе начальника Хасавюртовского райотдела НКВД Салаха Кадыраджиева, и он ознакомился с двумя документами — докладной дежурного оперуполномоченного о проведенной акции по поимке в селении Карланюрт бежавшей из ссылки Тулпаровой М. Д. и запросом коменданта из далекого Казахстана. И уже дано поручение сельскому Совету селения Карланюрт следить за домами родственников и сообщить о появлении беглянки.

Да, этого она пока не знала и, натянув пониже на лоб платок, сторонясь людей, украдкой пробиралась к отчому дому. Войдя во двор, осторожно всмотрелась в щели оконных ставен, проверяя, нет ли в доме посторонних. Все спали, только, мать и невестка о чем-то между собой беседовали. Время было полночь. Мама незаметно вошла (раньше в Карланюрте двери не затирались и вообще запоров на дверях не было). При ее появлении, да еще так необычно одетой, женщины растерялись, бабушка начала произносить молитву — не ночное ли это привидение? Убедившись, что перед ними действительно Мадиш, обрадовались. Вкратце рассказав о своей жизни в течение почти двухмесячной разлуки, мама пошла будить детей. Дочь и младший сын опали в соседней комнате. Увидев свою маму, они так вцепились в нее, что она долго не могла пошевелиться. Да, ради этой минуты стоило рисковать: ради детей она готова была заплатить самую высокую цену.

На шум проснулись все домочадцы, окружили их, но дети никому не хотели отдавать свою маму. Гиччи-Агав, поняв желание мамы, пошел за остальными детьми. Дети умоляли маму больше не уезжать так надолго; оставаться всегда с ними, а если будет уходить, чтоб забрала их с собой; они наперебой рассказывали, как скучали по ней. Действительно, до сих пор эти малыши всегда были рядом с матерью, никогда так надолго не разлучались, поэтому тяжело переносили ее отсутствие, были не по-детски опустошены и травмированы морально. Пока мама наслаждалась, слушая бессвязные разговоры своих младших, привели меня и брата. Теперь мы опять собрались все вместе. Это были одни из самых счастливых минут в нашей жизни. Наговорившись вдоволь и тесно окружив маму, мы заснули.

Как договорились, на рассвете бабушка разбудила маму, так как она должна была уйти рано, пока не проснулись дети, и так, чтобы не попасть никому на глаза. Мама наметила себе простой план проживания в доме. Ночью она будет выходить из подполья и общаться с детьми и всеми домашними, а днем исчезать. Местом ее дневного заточения выбрали кладовку с окном, выходящим в соседний двор, где жил с семьей ее старший брат Уллу-Агав. При необходимости дверь и оконные ставни внутри запираются деревянными засовами на скобы. В случае опасности можно скрыться через окно в соседнем дворе,

потом в густом саду, откуда не трудно пробраться на окраину села, где плотной стеной стоял дубовый лес. Кроме этой кладовки, мама предусмотрела еще одно запасное место: в саманной стене дома прорубили отверстие для выхода в сарай, которое прикрывал висящий во всю стену ковер. Спланировано, как казалось, все было гладко, но в жизни не всегда получается по плану.

Когда мы проснулись, то с ужасом обнаружили, что мамы рядом нет; ведь ложились вместе, а проснулись без нее. Мы, старшие, уже понимали, что так надо, что никто не должен ее видеть. Но как убедить младших, которые никого не хотят слушать и с истерическим плачем требуют маму? Если бы в эту минуту в дом зашел бы кто-нибудь посторонний, мы были бы разоблачены. Мама не выдержала и попросила впустить детей к ней в убежище. Дочка Умгали, узнав местонахождение мамы, начала протискиваться через приоткрытую для Салаха дверь. Мама была вынуждена пропустить их обоих и заперла за ними дверь. Дети притихли: им не нужны были ни игрушки, ни еда, лишь бы мама была рядом; но в кладовке было слишком тесно для троих, и мама переходит в сарай, где простора хватит на всех. Однако соблюдать условие конспирации оказалось невозможным. Старших — до и после занятий — как по инерции тянуло к маме, они никуда больше не хотели идти; младшие же, наоборот, то и дело норовили выйти из сарая во двор, что привело к оживленной возне во дворе. Это не могло остаться незамеченным. И самое опасное то, что по переулку, который находился за нашим забором, часто ходил бездомный Муху.

Вскоре стало очевидно, что дальше оставаться дома нельзя. Как бы ни было это тяжело и ей, и детям, она решает покинуть село. Лучше уж изредка видеться с ними, чем лишиться их насовсем. Ночью Гиччи-Агав на колхозной полуторке отвез сестру в село Аджимажагатюрт.

В своих опасениях мама оказалась права, именно Муху первым заметил подозрительное оживление во дворе моей бабушки, но он опоздал. Через день после того, как мама нас покинула, наши младшие, забыв обо всех предупреждениях, играли возле дома на улице. Муху, улыбаясь приятной улыбкой, заигрывая, подошел к сестре и спросил сочувственно:

— Какие мама привезла тебе подарки?

— Она мне подарки не привезла, — ответила малышка.

— А кому привезла? Младшему? — допытывался он.

— Никому ничего не привезла, у нее нет денег, — этим прямым ответом она удовлетворила его любопытство.

— Ваша мама сейчас дома? Чем она занимается? Спит? — не унимался Муху, глядя девочку по голове.

— Нет, она обманула нас и ушла, когда мы спали, — высказала свою обиду Умгали, желая найти поддержку у этого доброго человека.

— Она говорила, куда пойдет? Где будет жить? Когда обратно приедет к вам? — задал он напоследок самые главные для него вопросы.

— Не знаю, где она находится сейчас, и она мне не сказала, когда приедет. Она и сама не знает, где живет, — этим сумбурным ответом и завершился разговор.

Муху, ничего толком не выяснив, допуская, что девочка еще не все понимает и вообще не посвящена в эти дела, решил сам проверить дом и двор. Поздно ночью он пролез через проход, проделанный поливальщиками своих садов в заборе из плетеного хвороста, оглянулся крутом, прошел по тропинке в сад и на цыпочках добрался до дома. Муху прилип к оконному стеклу, пристально, до боли в глазах, смотрел на тусклый свет, пробивающийся сквозь ставенные щели, он хотел определить, сколько людей в комнате и есть ли среди них Мадиш. Про себя он ругал того, кто так плотно закрыл ставни, которые не дают охватить взором все пространство комнаты, злился на этот тусклый свет керосиновой лампы, мешающий разглядеть очертания лиц. И главное, в тот миг он сделал для себя печальное открытие: острое зрение его покидает. Не удовлетворенный скудными результатами своего визуального наблюдения, Муху решил дополнить их слуховой информацией. Сняв с головы свою косматую овечью папаху, приложив ухо к стеклу, он решил по голосам различить всех обитателей дома. Вот в этой позе уже около полуночи и застал его Гиччи-Агав, возвращавшийся домой с какой-то встречи. Возмущенный Гиччи-Агав надавал тумачков непрошенному гостю, а тот от растерянности и страха даже не сопротивлялся. Гиччи-Агав втащил его в комнату, приговаривая:

— Ты хочешь убедиться, нет ли Мадиш в доме? Идем, зайдем, посмотри. Мать и жена бросились к Гиччи-Агаву, умоляя его не трогать Муху и отпустить его. Испугавшись за судьбу мужа и сына, они принялись оправдывать поведение Муху тем, что он исполняет свои служебные обязанности. Бабушка встала между сыном и Муху и решительно потребовала от последнего покинуть двор. За все это время Муху не проронил ни слова. Он пришел в себя только тогда, когда бабушка сказала, что он свободен и может удалиться. Муху быстро вышел из дома, нашел во дворе валявшуюся там папаху и, надевая ее на ходу, стремительно исчез. Вырвавшись, он отправился в сторону, где живет Абдулмуталиб, радуясь, что легко отделался. Шел он к председателю сельского совета рассказать обо всем случившемся, но подойдя к дому, понял, что время уже позднее, окна в доме темные, видно, все легли спать. Да и он чувствовал себя неважно: тело ныло от боли, горело опухшее лицо. В таком виде и заходить неприлично. Муху решил отправиться спать. Открыв приемную сельсовета, он соорудил из стульев топчан, постелил фуфайку, положил папаху под голову и моментально уснул.

Утром Муху встал пораньше, расставил стулья по местам; боль притихла, опухоль на лице несколько рассосалась. В канаве, что за дорогой, он умылся, освежил голову и не спеша, вразвалочку, направился к себе в сельсовет, там, затыгиваясь горьким самосадам, стал ждать начала рабочего дня и прихода начальника.

Абдулмуталиб пришел на работу чуть позже обычного и сразу заметил какое-то странное тревожно-радостное состояние своего чауша. На ходу поздоровавшись, он предложил Муху следовать за собой в кабинет и, усевшись за стол, сказал:

— На твоём лице написано, что ты хочешь мне сказать что-то важное. Слушаю, давай выкладывай.

— Да, мне есть что рассказать, только прошу закрыть дверь, чтобы не перебивали посетители.

— Хорошо, сейчас закрою. И лицо у тебя какого-то красно-бурого цвета. Давай быстрее рассказывай.

Абдулмуталиб так заинтересовался, что готов был выполнить любую прихоть Муху, поэтому он даже закрыл дверь на ключ. Муху подробно изложил все увиденное и услышанное.

Выслушав внимательно рассказ Муху, председатель исполкома сельсовета взорвался негодованием, обвинив своего помощника в допущенной отсебятине и ненужной самодеятельности. Завершая свою нотацию и подводя итог, он сказал:

- Во-первых, добыв у детей сведения, ты должен был найти меня, где бы я ни находился, не считаясь со временем; прежде чем принять самостоятельные меры, надо было вместе подумать и составить план дальнейших действий. Во-вторых, ты своими грубыми действиями привлек их внимание и осложнил поимку преступницы. В-третьих, теперь невозможно Крымсолтана привлечь за хулиганские действия к уголовной ответственности. Упущено время, и драка произошла в их доме. Он может отказаться признать твои обвинения в том, что избивал тебя. Или может объяснить это тем, что ты ворвался в его дом, и он вынужден был защищаться.

— Абдулмутаиб, я понял свою ошибку, но я хотел как лучше, я ведь думал, что узнаю точное местонахождение Мадиш и доложу тебе, — оправдывался Муху. Напоследок Абдулмутаиб сказал:

— Я думаю, что ты осознал свою ошибку и впредь подобного не допустишь. В следующий раз не прощу — уволю, пойдешь работать в совхоз. Теперь послушай внимательно. Мадиш, по всему виду, посещает детей, а может быть, она никуда и не уезжала, а прячется у братьев или у других родственников. Их басни о том, что она уехала и они не знают, где она скрывается, мы приняли за чистую монету. Однозначно — она находится в селении или в Хасавюрте. В том, что мать приходит к детям, нет никакого сомнения, поэтому твоя задача по вечерам и ранним утрам незаметно наблюдать за домами родственников Мадиш, но ни с кем из них не вступай в разговоры, не топчись на одном месте, не привлекай к себе внимания. Я освобождаю тебя от всех работ, занимайся только этим заданием. Мы должны найти, не затягивая время, место, где скрывается эта женщина, и выдать ее органам. На днях к нам пришло письмо из НКВД с таким требованием. Имей в виду, время не терпит, нужно действовать быстро и осторожно. Все свои наблюдения, подозрения докладывай мне каждый день утром и вечером. Понял? Вопросы есть?

— Все понял, вопросов нет, постараюсь оправдать ваше доверие, — ответил Муху.

Так два государственных мужа, обремененных важной задачей поимки «опасного государственного преступника», завершили составление своего плана захвата и приступили к его реализации.

Отъезд мамы для нас, детей, был настоящей трагедией. Для меня село стало опустевшим, постылым. Вначале мы не могли согласиться с такой несправедливостью — при живой матери жить без нее. Но постепенно мы начали мириться со своим положением и при каждом расставании брали с нее слово, что через несколько дней мы снова увидимся. А потом вечерами перед сном подсчитывали количество прошедших дней и оставшихся и засыпали с мечтой о предстоящей встрече.

Единственное, в чем мне тогда везло, так это с учебой. Она продолжалась до наступления холодов. Благополучным был сентябрь. В октябре, в утренние и вечерние часы, отдавало прохладой, только к середине дня воздух прогревался, и за это я был благодарен природе, поскольку со дня приезда из Казахстана я оставался в тех же рубашке и штанах, без нательного белья и босиком. Меня до сих пор удивляет, что никто не задавался вопросом — как же я буду ходить зимой. Может быть, оттого, что тогда всем жилось тяжело. Взять семью, где я проживал. Моя тетя работала в колхозе, и муж ее три месяца в году, в период вызревания и уборки винограда, работал там сторожем виноградников. Работа в колхозе сезонная, в основном, в летне-осенний период. За их работу начислялись трудодни, в конце года оказывалось, что получать почти нечего. Доход же от своего фруктового сада был крайне незначительным — скудные гроши, в основном из-за отсутствия транспорта, без которого невозможно вывезти выращенный урожай для продажи. Тетя, сколько могла унести, носила черешню на рынок в Хасавюрт. Жили в основном за счет натурального хозяйства. На зиму готовили разные соленья, сушили фрукты, запасали кукурузную муку, держали корову, кур; деньги, можно сказать, они видели редко, поэтому неудивительно, что моя тетя не могла различать и считать их. На базар она ходила обязательно с кем-нибудь из сельчан. Из-за

отсутствия денег у моих родственников я оказался на пороге зимы гол, как сокол.

С упорством одержимого я продолжал учебу. Только во время занятий я чувствовал себя человеком, в остальном же оставался отвергнутым, бесправным, ничтожным существом. Завершив первую четверть на «отлично», начал вторую. Наступил конец ноября. Утренние туманы сменялись хлесткой косой моросью, холодным ветром.

Земля глубокой осенью на Кумыкской плоскости раскисает и остывает до такой степени, что холод пробирается через теплые одежды до костей, заставляет человека сгибаться в три погибели. В этот период, по моим наблюдениям, было уютно и весело только каркающим стаям ворон и тем добротнo одетым и обутым мужикам, которые, выгнав своих коров и буйволов на пастбище, стояли на бугорке, курили свои самокрутки, мирно беседовали.

Наперекор всему, я продолжал учебу. Выбрал себе следующую тактику: утром, выпив калмыкский чай с кукурузной лепешкой и сыром, собрав под мышку тетради с книгами, выходил из теплого коридора и, собравшись с духом, стремительно, босиком по холодной грязи, делал марш-бросок до дома, где жила моя бабушка. В это время обычно у них печь-мангал в разгаре. Понимая мое состояние, бабушка быстро садилась на табуретку и, прижав меня к себе, просовывала мои ноги поближе к горящим поленьям и обогревала их, молча проливая надо мной слезы. Дом бабушки стоял почти посередине пути до школы. Обогрев и высушив ноги у бабушки, я собирался с духом и совершал в таком же темпе бросок уже до школы. Подгоняемый пронизывающим ветром, я, как очумелый, влетал в класс и до конца занятий не выходил. Во время перемен я один оставался в классе, сидя возле стены, обогреваемой дымоходами и наблюдая в окно веселые игры моих сверстников на спортплощадке.

В начале декабря я заболел. Болел долго, пролежал в постели два месяца, целыми днями оставаясь наедине со своими мыслями. Мою болезнь с большим неудовольствием терпел Аджиджи-Биярслан, он был зол на то, что я так долго бездельничаю. Бывало, если он замечал, что я, лежа в постели, играл пальцами на отражении керосиновой лампы на стене или делал

«зайчиков» от скуки, он прямо в ярость приходил. В его присутствии мне приходилось почти неподвижно замирать. Однажды я стал невольным свидетелем его разговора с моей тетей. До сих пор не знаю, было ли все сказанное правдой или вымыслом. Из разговора я понял, что его вызывал сосед — работник НКВД, он работал где-то в другом селе или городе, но часто приезжал в Карланюрт. Его звали Арсланбек и он требовал от Аджи-Биярслана, чтобы тот этого опасного для общества ребенка, сына врага народа, не держал в своем доме. Аджи-Биярслан настаивал, чтобы тетя отправила меня жить к бабушке, а тетя плакала, взывала к его совести, говорила, что у бабушки и так содержатся двое малышей, а они, бездетные, неужели не смогут выдержать одного? Что зимой хороший хозяин и собаку не выгонит на улицу. Она говорила, что не в силах пойти к бабушке и сказать, чтобы она взяла к себе еще и третьего, вдобавок к детям Гиччи-Агава. Такой стыд и позор она не могла взять на себя и даже сказала, что в крайнем случае пойдет на развод, но его требований не исполнит. Она просила его оставить меня хотя бы до весны, а там мальчик поправится, может, и обстановка изменится к лучшему, и тогда эти бедные дети будут жить со своей мамой.

Слушая их, я остро ощущал свое бессилие, безысходность своего положения. На улице завывала снежная пурга, и я твердо решил, что как только поправлюсь и погода потеплеет, обязательно уйду как можно дальше от этого злого человека. Если мама не сможет меня забрать, уйду в детдом (я слышал, что для детей-сирот есть такие дома). Этими мыслями я успокоил себя и решил ждать момента.

За время моей болезни мама посетила меня два раза. Она нашла более или менее безопасную дорогу. Теперь она, не заходя в село, обогнув его вверх по Акташу, прямо поднимаясь через береговой яр, оказывалась в саду своей сестры. Встретившись со всеми, посетив за полночь свою мать, в некоторых случаях погостив даже несколько дней, она уходила по своей тропе, через Татарскую слободу, на место своего вынужденного пристанища. Все это происходило под носом сельсовета, так как двор моей тети отделялся от него одним лишь забором.

МАМУ АРЕСТОВАЛИ

В 1941 году весна пришла в Карланюрт рано. Уже в начале марта природа ожила, подул теплый ветер. Прошло семь месяцев с того момента, как мама скрылась от НКВД и перешла на нелегальный образ жизни. Она постепенно выработала за это время тактику, присущую опытному разведчику, — осторожность, разумный, оправданный риск, расчетливый выбор момента действий. Но бывает в жизни, когда, преодолевая большие опасности, попадаешь на мелочах. Надо же было случиться такому совпадению! Вот где еще раз оправдалась поговорка «человеку судьбы не миновать».

В воскресенье Муху сделал две ходки в лес за дровами, принес их и аккуратно разложил у мангала хозяйки и, обильно поужинав в оплату своих трудов, пошел на ночлег в поселковый совет. Обычно с воскресенья на понедельник в его обязанности входило ночевать у телефона — единственного на все село чудо-аппарата, который соединял село с остальным миром. Еще в его обязанности входило с ночи растопить печь и к утру обогреть в сельсовете приемную и кабинет председателя, убрать помещение, освежить воду в ведре и прочее.

Дневная усталость и плотный ужин совсем сморили чауша и он, соорудив себе нехитрую постель на стульях, с наступлением вечера заснул мертвым сном. Где-то за полночь его разбудила естественная надобность, и он вышел во двор. При ярком сиянии небесных светил стояла такая тишина, что звенело в ушах. Муху залюбовался яркой лунной ночью, спящим селом, разновеликими тенями от домов и деревьев. Казалось, природа спит, только одна весенняя птица ат-ёк, которая весной прилетает с юга и, по поверью, ищет по всему свету свою спутницу, прорезала своим криком тишину ночного воздуха. И вот в этой тишине Муху отчетливо услышал перекал камней, которые с грохотом ударялись о дно Акташа, после чего вновь воцарилась тишина. Муху невольно обратил внимание на этот звук и стал всматриваться в берег Акташа, находившийся от него на расстоянии не более 50 метров. Откуда покатились камни, что бы это могло означать? При лунном свете он отчетливо увидел голову женщины, поднимающейся от реки. Пригнувшись, Муху через прорези забора стал наблюдать за

этой женщиной. Временами подкрадывалась к нему мысль — не привидение ли это? Но ее быстрое продвижение по саду к дому Аджи-Биярслана навело его на правильную мысль: не Мадиш ли это, которую мы вот уже около года ищем повсюду? Убедившись, что женщина вошла в дом, он продолжал свое наблюдение. Спустя пять-десять минут в доме закрылись ставки одной из комнат, через щели в ставнях был виден пробивающийся свет лампы. Муху не мог преодолеть искушения продолжить слежку и увенчать ее поимкой преступницы. Преодолевая страх и пренебрегая строгими наставлениями своего шефа, он решил, не тревожа пока начальника, окончательно убедиться в своем предположении. Пробравшись через сад неслышным кошачьим шагом и обогнув торец дома, почти по-пластунски добрался он до окна и прильнул к щели в ставнях. И сразу увидел с детства знакомое ему лицо Мадиш. Он почувствовал прилив благодарности к ней за то, что она своим появлением даст ему возможность оправдаться перед начальством и выполнить важный государственный долг.

Оказывается, мама, взбираясь по крутому берегу Акташа, по самой его кромке, едва не потеряв равновесия, схватилась за ветку, задев торчащий камень, который и свалился с грохотом. Конечно, ее это встревожило, но, оглядевшись и прислушавшись и не найдя ничего тревожного, она прошла по саду и тихонько вошла в дом сестры. Она и не подозревала, что этот камень станет причиной ее трагедии.

Муху, выбравшись окольными путями из сада, помчался будить Абдулмуталиба. Торжествуя, он рассказал полусонному председателю о своем счастливом приключении, сообщив ему, что в настоящее время Мадиш находится в 30 метрах от кабинета главы села. Абдулмуталиб был ошеломлен, он стоял в оцепенении, переваривая в своем мозгу услышанное. Оправившись от минутного замешательства, он с мыслями о предстоящих ему наградах и благодарностях со стороны районного начальства за поимку важного государственного преступника быстро принял вид делового руководителя и пошел одеваться, предупредив Муху, чтобы тот подождал его. Закрыв на замок дверь, он стал крутить ручку телефона, пока коммутатор не соединил его с дежурным райотдела милиции.

Председатель сельского совета представился и попросил сообщить начальнику райотдела НКВД, что бежавшая из ссылки и скрывающаяся уже около года Мадиш Тулпарова сегодня ночью появилась в Карланюрте и находится в доме у своей сестры. Она может этой же ночью переместиться к другим родственникам, поэтому Абдулмуталиб просил усилить команду для окружения домов, где предположительно она могла скрыться.

Дежурный выслушал его и предложил не отходить от телефона. Под утро в сельсовете Карланюрта зазвонил телефон и с другого конца последовало сообщение, что группа захвата выезжает на машине-полупортке и что ее нужно тихо и осторожно встретить.

Прибывшая группа была распределена для оцепления четырех домов — по три милиционера на каждый дом. Разводящим вместе с командиром группы был Муху, его шеф Абдулмуталиб за все время операции под любым предлогом оставался в кабинете, не участвуя непосредственно в действиях; в таких ситуациях он всегда предпочитал оставаться в тени.

После расстановки сил оцепления командир взял двух милиционеров и Муху (как проводника и опознавателя), и все они пошли к дому тети, где находилась по их расчетам в это время моя мама. Оставив одного милиционера для внешнего наблюдения, сопровождаемый Муху и другим своим подчищенным командир группы без предварительной церемонии вторгся в дом. Однако в доме они маму не застали. Осмотр комнат не дал результатов. Командир группы захвата решил развернуть тщательный поиск по саду и прилегающим территориям, но Муху подал мысль о бесполезности таких действий. Он сказал:

— Как видите, здесь нет сына Мадиш, а один из ее сыновей все время проживал здесь. Это говорит о том, что она забрала сына и пошла к своей матери, где проживают еще двое ее детей. Уверен, что она сейчас находится там, вместе со своими детьми. Не будем терять времени, пойдемте туда.

В это время мама, ни о чем не подозревая, вволю наговорившись со своими близкими, пошла спать в другую комнату, где уже давно сладко сопели ее ненаглядные дети. Не успела к ней подступить дремота, как она сквозь забытье

услышала грубый топот сапог и тихие команды. Она быстро встала, пошла к окну и, приоткрыв оконные ставни, увидела во дворе напротив входной двери милиционера, вооруженного винтовкой, и одновременно услышала в коридоре людской топот. Мама от окна бросилась к приоткрытой двери и через тонкую щель увидела, как один за другим два чекиста, сопровождаемые Муху, входили в комнату, где горела лампа.

Моментально оценив обстановку, мама решила бежать. Она вышла из комнаты в коридор, почти дыша в затылок входящим в противоположную комнату, проскользнула в кладовку и тихо закрыла за собой дверь. Затем через окно кладовки опустилась во двор старшего брата Исака и во весь дух пустилась в сад. В это время милиционер, наблюдавший с уличного торца дома за тыльным фасадом, заметил человеческую фигуру, удаляющуюся в глубь сада. Он бросился догонять маму, зычно крикнув: «Стой, стрелять буду!» Часовой, охранявший входную дверь, услышав команду своего напарника, бросился ему на подмогу. В родительском саду мама, конечно же, хорошо ориентировалась, безошибочно нашла калитку в плетеном из хвороста заборе и через нее юркнула в соседний сад Алибека Датиева, оторвавшись от погони. По сравнению с ней милиционеры находились в невыгодных условиях, им местность была неизвестна, они не могли знать о существовании этой калитки и, упершись в плетеную изгородь, немного замешкались. А в это время мама неслась по чужому саду к заветной цели. У нее в голове была одна мысль — во что бы то ни стало оторваться от преследователей, проскочить через сады на окраину села, где начинается лес. Не чувствуя ни холода, ни боли на исхлестанном ветками теле, она бежала из последних сил к наружной ограде сада. Забор был добротным, высоким, и только в одном месте, со стороны сельского кладбища вместо забора были навалены ветки, садовый мусор, поросшие кустарником и сорняками. Перебравшись через это препятствие, мама машинально оглянулась в сад и заметила, как с винтовками наперевес за ней по саду бегут два милиционера, которые уже успели ее заметить. Один из них крикнул другому:

— Вот она, опускается в сторону кладбища!

Мама поняла, что погоня вышла на нее и что ей не успеть ни проскочить через заросли к кладбищу, ни преодолеть открытую местность между кладбищем и лесом. Тогда она приняла отчаянное решение: резко повернула влево, пробежала между могилами метров тридцать, выбрала подходящую по росту и цвету одежды надгробную плиту и, подобрав распутившиеся косы, прижалась к этой плите, слившись с надгробием. Она замерла, но сердце билось так оглушительно, что, как ей казалось, могло ее выдать. Но, к ее счастью, милиционеры, перебравшись на территорию кладбища, направились к выходу в противоположную сторону.

Убедившись, что мама не пошла в этом направлении, они стали искать ее по всей территории кладбища. Кругом мертвая тишина, как и положено в царстве мертвых. Выбившись из сил, эти два работника НКВД, боясь оставить кладбище, чтобы не потерять нити поиска, сели отдохнуть и обсудить свои дальнейшие действия. Здесь мы их и оставим и вернемся к дому, откуда началась погоня.

Когда начальник группы захвата услышал на улице окрики, звуки команд и топот бегущих, он срочно прекратил допрос членов семейства и со своими спутниками выбежал во двор. Но на дворе не было ни души, только были слышны далеко в глубине сада обрывки голосов его подчиненных, треск ветвей и ленивый лай соседских собак. Командир зашел обратно в дом, заглянул в другую комнату и увидел четверых крепко опавших детей. Вернувшись во двор, он, прежде чем бросить людей на усиление погони, выяснил у Муху, куда можно выйти из сада и есть ли возможность пресечь ее отступление.

— Да, есть. Она, убегая по саду, может выйти на дорогу в сторону Хасавюрта или в лес, но прямо по саду выйти на дорогу она не сможет: Алибек поставил такой густой и колючий забор, что и мышь не пройдет. Она может выйти на дорогу только через кладбище.

Начальник выслушал Муху, собрал оставшихся своих людей и в сопровождении проводника Муху и служебной овчарки они отправились на перехват убегавшей от преследователей мамы. Командир дал указание шоферу-милиционеру снять оцепление со всех домов и освободившихся людей бросить на подкрепление.

Двое милиционеров, находившиеся на территории кладбища, услышали приближающийся топот бегущих людей и встревоженные вскочили, но, присмотревшись, узнали своих товарищей. Ободренные прибывшей подмогой, они уверенно доложили командиру, что женщина не могла выйти незамеченной, так как дальше за кладбищем голая местность. Она наверняка где-то здесь спряталась или пошла по садам обратно в село, поэтому, считали они, ее нужно искать или на этой территории, или по сельским садам.

Обменявшись мнениями, усиленная группа решила вновь прочесать территорию кладбища, теперь уже с помощью собаки. Послышалась команда: — Казбек, фу! Ищи!

И действительно, необыкновенное собачье обоняние сыграло свою роль: собака моментально отличила и уловила среди царства усопших живое существо. Пройдя метров тридцать, она бросилась на одну могильную плиту, и тотчас же от нее отпрянула человеческая фигура. Милиционер в последнюю секунду успел оттащить собаку на поводке, она успела схватить только подол маминого платья, лоскут от которого остался в зубах Казбека.

Группа захвата быстро окружила маму и повела ее к своему начальнику. Маму невозможно было узнать: босиком, в порванном платье, черные косы свисали до пят лохматыми кочьями. Лицо ее было мертвенно бледным и с выражением какой-то отрешенности и в то же время ненависти. Когда принесли одежду, она молча оделась и обулась, механически выполняя все операции. Ее усадили в кузов машины и, во избежание непредвиденных случайностей, посадили с ней рядом милиционера, соединив их руки наручниками.

По приказу начальника отряда привели сонных детей и усадили возле мамы. Вмешательство и протесты родственников высокий представитель органов власти, каковым себя считал начальник группы, вынужден был остановить резким, властным окриком:

— Не мешайте нам выполнять свои государственные служебные обязанности. Мы должны их всех доставить в районное отделение НКВД, и там начальство решит по закону, как с ними поступить.

К машине родственников не подпустили. Выполнив свою задачу, команда села в машину и вместе с арестованными уехала в Хасавюрт, в отделение милиции. Операция завершилась перед рассветом, когда горизонт на востоке предвещал наступление следующего дня в начале марта 1941 года.

Поскольку к машине никого из родных не подпустили, старший брат мамы Уллу-Агав, не теряя времени, по тропам, напрямую, пустился в город и уже через час был у своего друга детства и юности Абеза. О нем мы знали, что он был сиротой и усыновлен семейством Казбековых, известных в городе тем, что Солтан-Саид Казбеков пошел против своего сословия и погиб в 1918 году, защищая идеи большевиков.

Уллу-Агав знал, что его друг работает старшим собаководом в органах НКВД. После первых приветствий Уллу-Агав изложил причину своего столь раннего появления и просил помочь освободить сестру с детьми и дать им возможность добровольно уехать в места ссылки. Он говорил:

— Абез, проси начальников, бери на себя ответственность, что организуешь добровольную отправку. Мы тебя не подведем. Добровольный отъезд и доставка этапом — не одно и то же.

Абез понимал сложность ситуации, свои небольшие возможности, тот риск, которому он себя подвергает, но он понимал и беду своего друга, его семьи.

— Хорошо, хотя шансов мало, попробуем. Уже пора на работу. Сейчас позавтракаем и пойдем.

Мама с момента ареста и до водворения в КПЗ милиции, не проронила ни единого слова, она находилась в состоянии оцепенения, как будто отрешенная от всего. Даже своим детям она казалась странной, на их разные вопросы отвечала кивком головы или молчанием. Только в КПЗ мама постепенно пришла в себя и немного успокоилась, даже почувствовала какую-то удовлетворенность оттого, что кончилась эта ее кошмарная жизнь, что теперь наступит какое-то логическое завершение ее прежнего неопределенного существования.

Утром при появлении начальника райотдела НКВД Кадыраджиева дежурный доложил ему о ночном происшествии

и операции, проведенной в Карланюрте. Когда ему представили заключенных, он был возмущен поступком своих подчиненных:

— Скажите мне, мы орган НКВД или детский сад? Как вы додумались арестовать детей? Немедленно доставьте их туда, откуда взяли! Об исполнении доложите. И, не задерживаясь, он пошел к себе на второй этаж, где его поджидал Абез. Аудиенция была долгой, Абез наступал, начальник парировал:

— Тулпарова Мадиш находится в розыске. Имеется запрос из Джамбульского Управления НКВД Казахской ССР. Она осложнила свое положение еще и тем, что на наше предложение отбыть в течение семи суток в места ссылки скрылась и вот уже прошло семь месяцев, как она находится в розыске. Ну, что скажешь? Как нам поступать в таких случаях? Ведь она нарушила все допустимые грани закона, перешагнула их и фактически стала вне закона.

Абез хорошо понимал, в каком щекотливом положении находится его начальник, но он ясно улавливал в его речи службиста человеческое сочувствие к судьбе этой несчастной женщины. А это редкий случай для представителя таких органов в конце тридцатых годов. Чтобы окончательно сломить его внутреннее колебание между законом и совестью, Абез сказал:

— Да, вполне согласен с Вами. Многие наши люди приходят к такому финалу потому, что их предки веками жили по неписаным законам, у них к государственным законам отношение особое. Поэтому, стремясь решить вопрос по справедливости, не придавая значения букве закона, многие ставят себя в такое критическое положение. Эту женщину я хорошо знаю, ее старший брат — друг моей юности. Они воспитывались в замечательной семье, она мне как родная сестра. Поэтому я прошу за нее. Я знаю, пока дело не получило большой огласки, вы можете помочь, если направите дело в спасительное русло. Помните, всегда добро и зло когда-нибудь и откуда-нибудь аукнутся. Во имя детей и ради облегчения горькой участи этой женщины очень прошу Вас освободить ее из заключения и дать ей возможность добровольно выехать в места прежней ссылки. А то, что она уедет в установленный срок, я могу гарантировать любым письменным обязательством.

Если же я нарушу слово, тогда рассматривайте меня как соучастника со всеми последствиями за такие деяния по всей строгости закона.

Начальник отделения милиции, конечно же, понимал, что эта многолетняя женщина не представляет опасности для устоев государства и, взвесив все за и против, внутренне уже настроился на спасение заключенной. С этого момента он превратился из карателя в спасителя, хотя это было небезопасно для его служебной карьеры и даже для самой его жизни.

Первым делом он предложил Абезу, доверившись ему полностью, написать от имени моей мамы обстоятельное заявление на имя начальника отделения со ссылкой на ее длительную болезнь в период проживания в Чечне и с просьбой дать возможность выехать добровольно в место ссылки. Тут же Абез написал заявление и отдал начальнику. Пробежав глазами написанное, он сказал Абезу:

— Сейчас я дам дежурному команду после выполнения некоторых формальных операций передать арестованную под твою ответственность, а ты приведешь ее ко мне. Мне необходимо с ней поговорить.

Когда привели арестованную, начальник предложил ей сесть и после получасовой беспротокольной беседы сказал:

— Я как руководитель районного отдела НКВД обязан вас арестовать и отправить в тюрьму, откуда вы после доукомплектования вагона должны быть этапированы в Ростовскую центральную пересылочную тюрьму, а оттуда — этапом в Казахстан, при очередном формировании эшелона в том направлении. Это означает для вас несколько месяцев тюрьмы — до того, как вас доставят к месту ссылки. Все это перенести физически очень трудно, это может отразиться на состоянии вашего здоровья. Рассмотрев ваше заявление и ходатайство нашего отличного чекиста Абеза Абезова, я нашел возможным облегчить вашу участь. Вы освобождаетесь из заключения, на подготовку отъезда к месту прежнего жительства я даю вам десять суток. Учтите, добровольное прибытие и доставка этапом — это разные вещи, во втором случае вас могут судить как за побег из мест заключения. А если вы добровольно явитесь со своими детьми, вы можете избежать суда. Мы намерены отправить в комендатуру совхоза, где вы

проживали в Казахстане, оправдательные материалы на вас в связи с вашей длительной болезнью. Но если вы вновь нарушите слово и скроетесь, тогда, во-первых, товарищ Абезов будет из-за вас разжалован и арестован, так как он выступил за вас гарантом. Кроме того, если совершите сейчас новый побег, это как вторичное преступление послужит большимотягчающим обстоятельством, и тогда вы понесете очень суровое наказание. Мы хотим, чтобы вы поняли и осознали, что судьба тех людей, которые сейчас вам подают руку помощи, целиком будет зависеть от того, как вы поведете себя в последующем.

Мама с первых минут допроса каким-то образом уловила и поняла, что те двое, которые сидят перед ней и ее допрашивают, настроены ей помочь. Она в течение последних пяти лет насмотрелась на чекистов и во всех них видела людей со стальными лицами, без сердца. И мама внутренне благодарила судьбу за то, что в последний час трагической развязки в ее неравной борьбе за жизнь ей посланы эти два благородных человека, хоть и работники НКВД.

По своему характеру мама не умела восторженно выражать свои чувства и переживания. В конце беседы она только сказала:

— Я не подведу вас, выполню все условия и в установленный срок подготовлюсь и уеду.

Начальник районного отдела милиции, вызвав дежурного, сказал:

— Товарищ Абезов объяснит все подробности дела. В отделе кадров оформите Тулпаровой М. Д. взамен паспорта справку-предписание для выезда в комендатуру № 4 Джамбульской области Казахстана. А вы, товарищ Абезов, держите меня в курсе дела до получения ответа, подтверждающего ее прибытие в пункт назначения.

Когда мама с Абезов вышли на улицу, их поджидал Уллу-Агав, а детей еще утром по приказу начальника отвезли домой. Уллу-Агав от всей души благодарил своего друга за сестру, за то, что он смог вырвать ее из трагической и безнадежной ситуации. Дружба, испытанная временем и делами, поистине не имеет цены!

Тепло попрощавшись с Абезом, мама с братом, скинув тяжесть неизвестности, пошли в Карланюрт. Моя бедная мама как бы впервые по-настоящему увидела белый свет, она уже другими глазами смотрела на окружающий мир. В середине дня, прилюдно, смело вошла она в родное село и, не скрываясь, прошла по главной улице. Все останавливали ее, спрашивали, и она открыто отвечала на все вопросы.

На всю жизнь мама запомнила эти десять дней, оставленные ей перед разлукой с родными, возможно, навсегда. За это время она исходила родное село вдоль и поперек, посетила всех знакомых и родственников, а приглашениям все не было конца.

Но неумолимо подступал день прощания. На домашнем совете приняли решение не брать в ссылку всех детей. Мама взяла с собой самого младшего — Салаха и меня. Не знаю, по какой причине выбор пал на меня, от старшего брата, конечно, помощи было бы больше: то ли оттого, что он был уже учеником пятого класса, и мама не хотела срывать ему учебу, то ли я считался более послушным и покладистым.

Подготовившись в дороге, мы — мама, я и Салах, сопровождаемые Уллу-Агавом, пошли тихим теплым вечером на станцию Карланюрт, сели на проходящий поезд Ростов-Баку и уехали в сторону Баку, навстречу новой судьбе. Была середина марта 1941 года.

СНОВА КАЗАХСТАН

Вечерело, когда, пыхтя и шипя, подошел к станции Карланюрт пассажирский поезд Ростов-Баку и, еще как следует не остановившись, начал отходить. Мы едва успели втащить вещи в свой вагон да на прощание помахать рукой дяде Исак-Агаву. Мы не могли знать тогда, что в последний раз видим его живое лицо.

Все трое, устроившись у окна, прильнув к стеклу, прощались мы со своим родным краем, землей своих предков. Мама потом рассказывала, что она покидала родину, охваченная противоречивыми чувствами: щемило сердце оттого, что покидает свою маму, детей, родных и близких, свой край, и

неизвестно, на какое время уезжает, и не насовсем ли? Какая судьба ей уготована и что ждет ее впереди? И как ей переносить разлуку с оставшимися там детьми? Но в то же время она ощущала чувство удовлетворенности, возвращаясь в настоящее, в реально происходящую жизнь. Под монотонный стук колес, оценивая свои действия и свою жизнь на протяжении последнего периода, она приходила в ужас от того, сколько совершила ошибок, пытаясь вернуться в прежнюю благополучную жизнь, какому тяжкому испытанию себя подвергла. Только теперь она начала трезво оценивать происходящее вокруг нее и в целом в стране. С горькой улыбкой, сидя в уютном вагоне, она вспоминала, как, опьяненная мыслями, что везет детей в селение Карланюрт, под крылышко своей матери и многочисленных родственников, надеялась спокойно, припеваючи жить и ждать того дня, когда вернется из «казенного дома», как ей сказала цыганка-гадалка, муж и заживут они краше прежнего. И как одержимая, без оглядки, отбросив всякие сомнения, действовала в одном направлении, стремясь к одной этой цели. Тогда она не была в состоянии трезво, как сейчас, оценивать свои поступки. Только тяжелые адовы круги, жернова жизни привели ее к ощущению реальной действительности. Теперь-то она поняла, что возврата к прошлому нет. Удивляясь собственному открытию, чувствовала, что сегодня она не та Мадис, которой была год назад. Суровая школа жизни подняла ее на ступень выше, теперь она понимала, что человек не может жить вне общества, даже если общество не справедливо по отношению к этому человеку и наказывает его незаслуженно. Она видела, как все железнодорожные пути были заполнены эшелонами, мчавшими на восток — в Сибирь, на великие стройки коммунизма — этапиремых арестованных. А она, благодаря брату и его другу, едет в салоне пассажирского поезда как полноправный член общества.

Мама была довольна тем, что с того часа, как ее отпустили под ответственность Абеза для добровольного отъезда, она приобрела статус члена общества, хотя и без каких-либо прав и со множеством обязанностей в местах ссылки. Вот она, сидя в вагоне, спокойно может смотреть в глаза себе подобным, может подойти к человеку, опросить о чем-нибудь,

побеседовать; невзирая на время суток, может находиться среди людей, быть сопричастной общественной жизни. Ей не надо больше прятаться от людей, тайком, ночами видеться с детьми, постоянно бояться разоблачения. Вот это человеческое простое счастье, не всем понятное, она познала после проведенной в мытарствах, вне закона жизни.

Зычный голос проводника, сообщавший, что поезд прибыл на конечную станцию — в город Баку — разбудил нас. Утро только начиналось. Путь в Казахстан был нам уже знаком и представлялся прогулкой. Мы уже никого не боялись, у мамы была справка, которую она получила в Хасавюртовском НКВД.

Прибыли мы в совхоз в двадцатых числах марта 1941 года. Нас встретила промозглая сырая погода, кое-где в тенистых местах, под бугорками, в ямках лежал снег. Мы сразу ощутили холод, так как совсем незимняя одежда плохо согревала нас.

В наше отсутствие в совхозе произошли некоторые изменения. Мы оказались не последними, кто решился бежать из ссылки. После нас несколько бежали отсюда разными способами к себе домой, на родину. Они, разгадав действия коменданта, обыгрывали его. Говорят, садились на поезда, идущие в обратном направлении, потом сходили на какой-либо станции, приобретали там билеты на поезда, направляющиеся на запад и на станции Джамбул с усмешкой наблюдали за работниками родной комендатуры, расхаживающими по перрону. Видимо, за допущенный промах старого коменданта сместили, во всяком случае, теперь комендантом был новый работник НКВД, откуда-то присланный. Маму он встретил сурово и пригрозил, что с прибытием других бежавших и возвращающихся с этапом ее будут вместе с ними судить как за побег из мест заключения, а детей сдадут в детский дом. Он сообщил, что принимает нас временно, до суда, на учет, жилье не предоставляется, поэтому предложил маме самой решить эту проблему, пройтись по квартирам и, если никто не приютит, искать уголок на конюшне или на скотном дворе. Комендант завершил свой разговор сообщением о том, что все свои дела с обустройством мама должна решать после работы, а завтра же с утра обязана приступить к работе. При этом он предупредил,

что ее поведение будет влиять на решение суда — какотягчающее или облегчающее обстоятельство.

Мамина тетя Хабибат после того, как ее старших сыновей забрали в трудовую армию (эти армии комплектовались из молодежи, принадлежащей к ненадежным в политическом смысле семьям) куда-то на Урал, забрав остальных детей, покинула совхоз и, прибыв на Кавказ, осела в Чечне, у своих сестер и братьев. Мама, будучи там, жила вместе с ними. Вернувшись сейчас в свеклосовхоз, она не могла ни на кого рассчитывать и помощи ни от кого не ждала.

Самый тяжелый вопрос в поселке — жилье. Нам просто негде приютиться. Все квартиры бежавших семей заселены новыми переселенцами из центральной России, корейцами с Дальнего Востока. В совхозе появилось много курдов (так они себя называли, хотя разговаривали на азербайджанском языке). Они были высланы без семей и группами ютились в разных уголках совхоза.

Первые переселенцы, вынужденные строить себе жилье, преднамеренно не обживали поселок, все ждали разрешения на возврат к оставленным очагам. Думали — вот-вот кто-то сверху исправит допущенную ошибку с их высылкой. Вначале даже кур не разводили, так как это осуждалось всеми окружающими. Когда многодетная семья покупала корову, со всех сторон в их адрес сыпались проклятия — это рассматривалось как плохое предзнаменование, как будто этот человек своей покупкой осудил всех на вечную каторгу. Его считали клятвопреступником, изменившим внутреннему братству и протесту переселенцев властям. Поэтому долгое время не приобретался ни крупный, ни мелкий рогатый скот, жилые дома не обрастали хозяйственными постройками, на всем поселке была печать временного поселения.

Переночевав в первую ночь у кого-то из сельчан, мама наутро отправилась искать нам пристанище. Нашли одну пустующую землянку, раньше хозяин содержал там своих баранов, теперь их у него уже не было, и он разрешил нам занять ее. Спустившись в землянку по крутому спуску, мы увидели то, что и ожидали: стены сырые, слезятся, на полу слой слежавшегося бараньего навоза, с потолка каплет; размер пола

2,5x3 метра, высота — примерно полтора метра, окон нет, дверь собрана из досок от продуктовых магазинных ящиков.

Первым делом решили поставить там нашу — кумыкскую печь — мангал. На мусорных свалках возле казенных домов, где ремонтировались голландские печи, мы собирали отходы красного кирпича, очищали их от снега и, завернув по нескольку штук в тряпки, натаскали в землянку в достаточном количестве. Еще нам повезло: когда мама на другой день вышла на работу, ее послали на склад на ручное просеивание пшеницы. Проходя по складу, она в углу увидела наши вещи, которые, как оказалось, после нашего бегства были по описи сданы на склад. Хотя все вещи не ахти какие ценные, но все же они нам очень пригодились: старый, с дырками палас, допотопный ковер, кое-какая посуда, тряпье, даже керосиновая лампа сохранилась. В общем, теперь у нас появились кое-какие предметы первой необходимости. Для нас в то время это было богатство, посланное нам аллахом.

Вокруг кузницы насобирали для нашей печи металлические детали. Натаскав в подzemелье необходимое, мама, подогревая воду на кирпичах, при свете керосиновой лампы начала кладку печи. Хозяин землянки помог дымоотходной жестяной трубой. К 12 часам ночи печь была готова. Кумыкская печь очень практична, удобна в эксплуатации, в ней одновременно можно печь хлеб, варить суп и кипятить чай; кроме того, она быстро обогревает помещение и в ней можно использовать любой отопительный материал. У мамы печь получилась не особенно изящная, такая, какую можно было соорудить в тех условиях, а вот на родине в некоторых домах я видел печи, представлявшие собой прямо архитектурное сооружение — на четырех ножках, легкие, как будто готовые, как бабочки, порхать по комнате.

Утром, уходя на работу, мама дала мне задание: собрать на берегу Таласа выбросы со времени половодья — коряги, щепки и натопить ими печь, а Салаха отвести к соседям. Она сказала мне, откуда брать глину и занести ее в землянку, велела заготовить деревянные чобики и к ее приходу согреть воду в ведре и в других посудинах. С самого утра я приступил к выполнению маминого задания, и к ее приходу все было готово. Мама начала месить глину, добавляя солому, а я забивал в

стены в шахматном порядке чобики. За вечер мы успели таким образом оштукатурить две стены. На другой день мама выпросила у строителей небольшого размера стекло, и вечером мы откопали с безветренной стороны землянки приямок, укрепили стекло чобиками, обмазали и дали в свою «квартиру» естественный свет. Крутой спуск в землянку сделали ступенчатым. Так мы, обмазав глиной стены и камышовый потолок, убрав утрамбованный бараний навоз, устроив глинобитные пол и тахту на половину комнаты, обив дверь мешковиной, утеплив помещение соломой и побелив его два раза, превратили эту выстывшую сырую темную землянку в чудесный теремок, и это не более чем за 10 дней. Нас беспокоили только частые северные ветры. Когда мы сделали ступенчатый пологий спуск (а он был с ветреной стороны), ветер со свистом устремлялся туда, как в трубу, даже подпорки порой не помогали.

Когда наступили теплые дни, я начал формировать из глины и соломы саман и решил сам сложить тамбур, но каменщиком я оказался никудышным: кладку старался делать шов к шву, и после 4—5 рядов стена разваливалась. Увидев мои мытарства, сосед, старик Сулейман, подсказал мне, что шов каждого следующего ряда не должен совпадать с нижним и что кладку нужно вести по шнуру — так, чтобы он не касался кладки. После этой инструкции дело у меня пошло на лад, и получилась пристройка, защитившая землянку от ветра, кроме того, теперь было где держать запас топлива.

Мама каждое утро уходила на полевые работы. Братишка по своему состоянию здоровья вел сидячий образ жизни. Ему шел шестой год, а передвигался он слабо, и разговорная речь у него выработалась своя, особая: многие предметы он называл по-своему и только мы могли его понять. Без каких-либо требований, без капризов, целыми днями он мог сидеть молча. Мой уход за ним заключался в кормлении, но если ему не дашь поесть — он и не требовал. Иногда, заигравшись с ребятами, я забывал о нем, а потом уж, вспомнив, бежал кормить его. Вообще он был неприхотливым ребенком, и это увеличивало мою свободу.

Апрель вступал в свои права, природа начала оживать потянулась к теплу, к солнцу. Особенно мне нравилось

наблюдать, как в воздухе под оводом лазурного неба, воркуя, целая стая перепелок исполняла свой особый ансамблевый танец. Прекрасная здесь пора — середина весны. Вся степь, насколько можно охватить ее взором, кажется покрытой единым зеленым ковром с отдельными островками огненного цвета тюльпанов. Были хорошо видны далекие отроги Тянь-Шаньских гор, красные от тюльпанов. Каждый раз накануне 1 Мая совхозная автомашина отправлялась к этим отрогам за цветами. Привозили целую машину для оформления первомайских колонн. На поляне между магазином и зданием политотдела была разбита площадка для праздничных торжеств, куда собиралось население дважды в году — 1 мая и 7 ноября. Колонны по-бригадно, по номерам полей, автомастерских, садово-огороднических и молочно-товарных ферм, школьники, — все с букетами тюльпанов прибывали на свои строго очерченные места у трибуны, которой на время митинга служила совхозная полуторка, вся утопающая в гирляндах красно-пурпурных тюльпанов.

Праздничная одежда участников торжества достойна отдельного описания: бывшие состоятельные донашивали свои старые сюртуки и добротные костюмы, а большинство надевало на себя то, что бог послал. Многие механизаторы, «сэкономив» выдаваемые им рабочие спецовки из мешковины, щеголяли на празднике в них. Некоторые полевые рабочие, особенно возчики, позволяли себе приобрести нательное белье — кальсоны и рубашку и, умудрившись выкрасить их в голубой цвет, прибывали на праздник в таком наряде. Некоторые же появлялись на торжество в неокрашенном нижнем белье, благо, в это время уже было тепло. Кальсоны, туго подвязанные шкурками, в колонне смотрелись неплохо, мужик выглядел как ветеран-спортсмен.

Многие взрослые рабочие и дети в совхозе с весны до осенних холодов ходили босиком. Несмотря на удручающий вид одежды участников праздничных колонн, школьники все были обеспечены галстуками и серебристыми значками с выбитым на них алым костром. Галстуки надевали, просовывая их концы в отверстие значка, и вот пионеры стоят в колонне — одни в рубашках, другие в майках, некоторые без того и другого, но все они в галстуках. Несмотря на унижительный для

человеческого достоинства комический вид торжествующих колонн, люди пребывали в праздничном настроении, с просветленными лицами, улыбались друг другу, шутили и смеялись. Перед началом торжественного митинга крутили на патефоне пластинки, и лилась над колоннами песня, как издевательство над этими ссыльными: «широка страна моя родная», «где так вольно дышит человек», «человек проходит, как хозяин». И эти люди стояли колоннами, слушая о широте Родины, и каждый думал о своем: о Белоруссии, Кавказе, Украине, о необъятных просторах России и невозможности для них ходить по этой родной земле как вольный человек.

Меня поражал ораторский талант начальника политотдела Шаповалова, его голос и дикция заставляли человека преобразиться. Слушая его, я испытывал вдохновение. На «трибуне» обычно находились начальник политотдела, комендант, директор школы, передовики производства от каждой отрасли сельского хозяйства, иногда бывали не знакомые мне представители области. Говорил Шаповалов вдохновенно перед этой полуголой, окончательно обнищавшей толпой о достигнутых могуществе и богатстве социалистической Родины под руководством мудрого вождя мирового пролетариата товарища Сталина. В своем торжественном докладе Шаповалов всегда увязывал успехи страны с задачами и достижениями совхоза. Упоминались имена передовиков. Заканчивался доклад здравицей: «Да здравствует вечно живое учение марксизма-ленинизма! Да здравствует великий вождь Иосиф Виссарионович Сталин и его штаб — политбюро ЦК ВКП (б)! Вперед, к победе коммунизма! Ура, товарищи!»

После торжественного митинга люди расходились кто домой, кто на свои огороды, а некоторые оставались на этой же поляне и отдельными группами уединялись за кустами акации с бутылкой спиртного, отводили душу за родную страну и вождей, за счастливую жизнь.

Я с другими ребятами, собирая пустые бутылки на этой поляне, наблюдал, как одни пили в гробовом молчании, другие же торжествовали в ожидании больших перемен к лучшему, а были и такие застолья, где пили, глотая горькую

слезу и проклиная судьбу. Это был последний праздник в мирных условиях, до начала войны оставалось 50 дней.

С учебой в школе в этом году у меня не получилось. Как я перестал из-за болезни ходить в школу в Карланюрте в конце ноября 1940 года, так и не вернулся к занятиям весной 1941 года в совхозе. Да и проведенный в селе без малого год дал свои результаты: я уже плохо владел русским языком, многое подзабыл. Когда началась четвертая четверть, и ребята 1 апреля пошли в школу, я их сопровождал до самого школьного здания, играл с ними до звонка на занятия, а потом шатался по совхозу, читал надписи на зданиях, всякие объявления. Читать я любил, с самого детства я все читал запоем, с вдохновением. Каким-то образом у меня оказалась история СССР для 3 или 4 класса, так я ее в своем подzemелье, устроившись у окошка, где в комнату с трудом проникал тусклый свет, прочитал от корки до корки десять и более раз. Читая в этой книге про кровавое воскресенье 9 января 1905 года, я не раз проливал слезы, жалея убитых на площади и посылая проклятия попу Гапону за его подлый поступок.

Большую часть свободного времени совхозные мальчишки проводили около клуба, где почти каждый день показывали кинофильмы, чаще уже звуковые. Просить у мамы деньги на кино я себе не позволял, знал, что она получала за работу мизерную сумму и еле сводила концы с концами. В таком же положении были многие мои сверстники. Но мы умудрялись без билетов и контрамарок не пропускать ни одного фильма. Ежедневно двум мальчишкам обеспечивался свободный вход — тем, кто первыми придут к киномеханику и перекрутят вручную на станке ленты фильма. Один фильм состоял из 10—12 частей, после прошедшего сеанса их необходимо перекрутить на следующий. Киномеханик приходил где-то к трем часам дня, а мы с напарником — тут как тут. Перемотав на станке все диски, мы получали каждый по контрамарке, дающей, право пройти в зрительный зал, как все нормальные люди. Но у нас был и запасной вход, откуда мы просачивались в зал. Клуб занимал одну четвертую часть длинного одноэтажного с чердачным перекрытием жилого дома для служащих и инженерно-технических работников. Вход в клуб был с торца, внимание начальника клуба приковывалось именно

к нему и окнам. Мы, безденежные ребята, ждали начала фильма, когда при погасшем свете начинался киножурнал, в котором торжественно и популярно происходил показ успехов на всех фронтах социализма. Тогда под шумок со двора мы проникали через цокольную часть дома к крыльцу, снимали его боковую доску и по-пластунски под полом добирались до сцены, а там уже через суфлерную тихо прошмыгивали в зал и там растворялись.

Летом все мальчишки по целым дням пропадали на берегу Таласа или у множества мелких речушек. В поселке сдружились дети разных национальностей, но заводилами считались кумыкские дети, поскольку они преобладали количественно (среди переселенцев — 72 семьи). Из множества игр, бывших у нас тогда в ходу, уместно упомянуть игру «Вайгарай», поскольку она воспитывала в мальчишках ловкость, бдительность и честные отношения между соперниками. Участники игры разбиваются на две команды. Одна из них — лежачая: ребята сбиваются в кучу, ложатся, если есть какая-нибудь ватная одежда, ею укрываются, чтобы было легче перенести удары, получаемые от другой команды. Лежачая команда выделяет из своей среды старшего — защитника, который свои защитные действия ограничивает длиной веревки, другой конец которой крепко держат лежачие. Начинается игра тем, что представитель другой команды закрывает глаза защитника и дает возможность своим уйти подальше. Хотя лежачие видят, в какую сторону ушел противник, они не вправе подсказать это своему защитнику. Когда команда противника скрывается, защитнику открывают глаза, и начинается поиск. На поиск идут оба — защитник и представитель спрятавшейся команды, который мешает в поиске и предупреждает своих спрятавшихся товарищей криком «Вайгарай! Вас ищут в таком-то месте! Вайгарай! Мы направляемся туда-то!» Таким образом, спрятавшаяся команда постоянно в курсе передвижения противника, что дает ей возможность для маневра. Иногда команда уходит далеко вглубь поселка, и поиск надолго затягивается. Иногда же скрывшаяся команда, не теряя времени, совершает маршбросок с противоположной стороны, нападает на лежачих и начинает колотить их до тех пор, пока не прибудет из поиска защитник.

При этом лежащие не имеют права сопротивляться, единственное что им позволено — кричать с целью довести до своего старшего, что на них совершено нападение. Услышав крики о помощи, старший стремглав бежит к своим товарищам, берет конец веревки, длина которой около четырех метров, и бросается на нападающих, а те наносят ему контрудары. Если защитник ударит ногой хотя бы одного из нападающих, игра считается оконченной, и тогда команды меняются местами.

Совхоз на моих глазах преображался, становился зеленым. Деревья, которые были посажены в 1935—1936 году, при разбивке поселка, так разрослись, что аллеи в центре приняли строго очерченный вид. Прямо за клубом, на окраине поселка, росла рукотворная роща, другая, площадью побольше, раскинулась подальше за совхозом. Эту рощу сажал весь совхозный люд от мала до велика. Необозримые поля совхоза на семьдесят процентов засеивали свеклой, а остальное — пшеницей и клевером. Началась эксплуатация сахарного завода, который мы должны были обеспечивать сырьем. На подмогу переселенцам были брошены заключенные, которые шли вереницей, колонна за колонной, окруженные со всех сторон охраной с овчарками. Заключенные в основном копали водопроводные каналы. На верхнем участке водозабора, укрощая бурное течение Таласа, ограждая эту большую реку фашинами и большими камнями, привезенными с гор, они натравляли воду на совхозные поля. Так в болотистой местности, в камышовых зарослях, зарождалось новое поселение. Мускулами этих невольных и полуневольных людей преображалась природа на точечном клочке планеты Земля.

Надежда вернуться на родину постепенно угасала, люди начали обзаводиться живностью, много работали, и многолюдном совхозе кипела жизнь. Вот в таком состоянии застала нас Великая Отечественная война.

ВОЕННОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ

В то воскресенье мама пошла на базар в город Джамбул. Путь далекий, обычно она возвращалась поздно, а на этот раз вернулась рано, засветло. Она застала меня в нашей конуре за

чтением. Мама была бледна, и я сразу понял: что-то случилось. Заметив мой вопросительный взгляд, она, пряча тревогу, обронила: «война» и вздохнула, как будто ей не хватало воздуха. Потом, оправившись, рассказала, что творилось на базаре. Люди хватали все, что относилось к продуктам питания и предметам первой необходимости, метались, кричали, ругались. Мама поняла, что в такой обстановке не только ничего не купить, но и просто оставаться на базаре опасно, потому и вернулась пораньше домой. Джамбул уже утром 22-го июня знал о начале войны. Поскольку война шла где-то очень далеко, она и воспринималась моим сознанием как нечто нас не касающееся, но одновременно по лицу мамы я понимал: пришла беда, значит, нам предстоит теперь еще более тяжелая жизнь. Мне хотелось узнать побольше о начавшейся войне, послушать, что говорят взрослые, и я пошел к клубу, где всегда бывало многолюдно.

Возле конторы и клуба, где на небольшой площади с трибуной было установлено радио, бурлила человеческая толпа: ждали новостей из Москвы. Люди группами, по возрастам возбужденно обсуждали свершившееся событие. Проходя мимо совершеннолетних парней, я слышал, как они жаждали скорее попасть на фронт и нанести сокрушительный удар по зарвавшемуся врагу.

Несмотря на свое полуневольное положение, они были настроены очень патриотично и не сомневались, что их призовут на бой с врагом.

Удивительна человеческая натура. Несмотря на все унижение существующим политическим строем, эти люди не хотели сейчас думать об этом, у них в генах заложено: защита Отечества — это высший долг. Парадокс: защищая Родину, они одновременно защищают существующий политический строй, который лишил их родных очагов, заточил отцов в казематы, откуда они канули в неизвестность. Эти парни подросли уже без отцов, в отчаянной нужде, а дух у них воспитался крепкий, боевой. В первые же дни войны началась мобилизация всего мужского населения. Каждый день под палящим солнцем колонны призывников под плач провожающих матерей, жен и сестер уходили в город Джамбул. Мне казалось, что совхоз опустел, взрослых мужчин почти не осталось. Первое время мы,

дети, почти не чувствовали на себе, что в стране идет война, по-прежнему проводили время в играх, купании, бывали и грешные дела — вылазки на чужие бахчи. Случались при этом и курьезы. Все дети летом ходили в одних трусах, на речке же мальчишки купались голыми. Как-то раз группа мальчишек 12—13 лет решила переплыть на другой берег Таласа и полакомиться на ближайшей бахче арбузами и дынями. Во время этого набега на бахче появился ее хозяин. Увидев его, орудующие молодцы вмиг разбежались, а некоторые уплыли по течению вниз. Пострадавший, прекратив погоню, сгреб все оставленные на берегу трусы и ушел обратно на работу. Ребята, вернувшись на свой «пляж», обнаружили, что трусов нет, и им предстоит идти по совхозу в чем мать родила — стыд и срам! Ребята растерялись и приуныли. Ничего не оставалось, как выйти к пастухам, которые неподалеку пасли коров, баранов и коз, и, замаскировавшись среди животных, войти в поселок. В третьем от края доме живет Амий, там обычно круглый год собирались дети, и дом этот служил для ребятшек как бы клубом. Сюда и сбежались провинившиеся голозадые ребята, оторвавшись от стада. Но сколько насмешек выслушивали они в свой адрес от мам, которые в конце концов выручили их, собрали им нужное количество запасных трусов.

Вскоре и в нашу детскую жизнь война стала вносить свои коррективы. Начали прибывать первые эвакуированные. Был принят закон военного положения: за пятиминутное опоздание на работу — под суд! Хлеб отпускался по карточкам: работающим по 400 граммов, иждивенцам — по 200, итээровцам — 700 граммов. Так что мы в своем далеком тылу очень ошутимо почувствовали грохот войны и гарь ее пожарищ. Вдобавок ко всему этому, к нам подкралась еще одна беда. Мама ходила сама не своя, каждый день ожидая своего ареста. Дело в том, что в конце июля прибыла этапом группа из пяти человек, среди которых была знакомая нам женщина Умрай. Это были люди, когда-то вслед за нами бежавшие из ссылки. Их арестовали на родине и обратно этапом водворили на место ссылки, но одних, без семей. А маму еще при первой встрече комендант предупредил, что с прибытием этапа она попадает под суд вместе с этапированными. Первые дни прибывших никто не трогал, они устроились кто где смог — у прежних

приятелей или просто соседей. Один из них — Хасав, чья прежняя квартира была занята женщинами, высланными с Украины, переоборудовал себе под жилье находящийся во дворе курятник. Тут же пристроилась и Умрай — в тамбуре размером 1,5x2 метра, а живущая здесь украинская семья, пробив стену, получила прямой выход во двор. Словом, все устраивались как могли. Но не прошло и двух месяцев, как они по решению суда вновь были арестованы и направлены в места заключения. Оттуда вернулась по прошествии четырех лет одна Умрай. Говорят, она спаслась благодаря тому, что была в лагере поваром.

По сей день остается загадкой, почему же не тронули нашу маму, несмотря на сделанную ей угрозу. Мне кажется, это произошло по трем причинам. Во-первых, в самом начале войны того коменданта, который пригрозил маме, забрали в действующую армию, а вместо него прибыл новый. Это был сутуловатый добродушный человек, перешагнувший призывной возраст. Фамилия его Мирошниченко, и он, возможно, даже не располагал материалами на маму. Вторая причина: мама прибыла, как было известно, не этапом, а добровольно. И третья причина — мама не одна, а с детьми, а дети, как известно, для Страны Советов — большой капитал. Руководители партии хорошо понимали, что коммунизм можно построить при наличии живой товарной силы.

В общем, к счастью, беда прошла стороной. Мама продолжала ходить на работу, а вечерами нам так хорошо было вместе, рядом с мамой. Все-таки, несмотря на наши жуткие жилищные условия и кричащий недостаток питания, одежды, я чувствовал себя счастливым: рядом со мной была молчаливая, добрая, заботливая мама. Все бытовые вопросы она старалась решать своими силами: необходимость заставила — и она самостоятельно сложила печь, обмазала и выбелила наше жилище. Она умела шить, штопать, вязать, а это очень много значит для домашнего уюта.

В связи с арестом Умрай ее обитель — тамбур — опустела. Мы решили, пока его не заняли другие, расположиться там, выйдя из своего подземелья, и перенесли весь наш нехитрый домашний скраб. В новой квартире мама с младшим братишкой устраивались на ночлег к одной стене,

между ними и другой стенкой еле умещался маленький, сколоченный из грубоотесанных досок стол, который по своему назначению использовался только днем, на ночь же служил мне нарами.

Незаметно подошла осень. С учетом своих возможностей и способностей я пошел во 2-й класс школы и оказался слабее своих сверстников. В это время я уже изрядно подзабыл русский язык, говорил плохо, писал еще хуже. Но зато по чтению и арифметике я был первый. Учебу-то я начал, но постепенно на нас надвигались холода и голод. Восьмиста граммов хлеба, которые мы получали на троих в сутки, не хватало, если учесть, что других продуктов было еще меньше. Наше положение несколько улучшилось, когда к зиме прибыли в совхоз по этапу мамини родственники — два двоюродных брата и сестра. Это были взрослые дети тети Хабибат, которая с младшими скрывалась в Чечне.

Старший из них Маллака еще до раскулачивания работал в системе торговли, был завмагом в селе, потом в совхозе. Во время раскулачивания он пострадал вместе со своим отчимом Джабраилом, об этом позаботились его недруги... Однако в совхозе его общительность, приятная внешность и в то же время деловитость, а также его старые дружеские связи здесь оказали ему хорошую службу: его назначили заведующим хлебным ларьком, расположенным рядом с совхозным смешанным магазином. И вот дядя Маллака, которого я называл Гёз-Агав, отпуская хлеб по карточкам, а муку — по особым спискам (куда входили работники госучреждений, учителя, механизаторы, рабочие мастерских и др.), сумел включить в эти списки и нас как членов своей семьи. Это продолжалось недолго, так как вскоре его призвали в армию, и он уехал на фронт. В течение нескольких лет исчезла эта большая семья, которой в других социальных условиях суждено было быть родовитой. Первым канул в неизвестность глава семьи — Джабраил, его забрали в НКВД в июне 1937 года и больше мы ничего о нем не знали. Одного из его сыновей — Микаила, еще неженатого, в 1939 году забрали в трудовую армию где-то на Урале, где он работал на строительстве металлургического завода. В первые же дни войны забрали на фронт старшего сына, а в 1942 или 1943 году призвали предпоследнего сына — Камалдина.

Подходила суровая зима 1942 года. В нашей конуре становилось все холоднее — ведь у нас не было печи. Разобрав печь в нашей старой землянке, мы сохранившиеся половинки кирпичей и металлические детали перенесли сюда и соорудили в углу печь — ближе к окошку, чтобы через него пропустить дымоход. Пока позволяла погода, я изыскивал какие возможно материалы для отопления, но их хватало только для приготовления скромного ужина, который, как правило, состоял из кукурузной каши. Еще осенью во время уборки урожая мы купили, выкроив из маминой зарплаты, кукурузу, которую по мере необходимости мололи у соседей на ручной мельнице.

Поужинав тем, что аллах послал, приставив стол торцом к стене, чтобы на всех хватило места, мы, прижавшись к маме, засыпали. А утром так не хотелось подыматься из нагретой постели...

Один из жизненно важных вопросов здесь — заготовка топлива к зиме. Полегче было тем семьям, где дети подросли и работали на подводах, они могли ежедневно что-нибудь попутно подвезти домой. Кроме кизяка и соломы, появилось более энергоемкое топливо: на семеноводческих полях после уборки семян сахарной свеклы и вспашки на поверхности оставались стебли и корневища, которые в высушенном виде не уступали каменному углю. И еще: на полевых участках, где с целью севооборота меняли культуры, оставались корни клевера, которые тоже являлись прекрасным топливом. Но у нас этой возможности не было, и мы оказались совершенно не подготовленными к зиме. С чувством стыда и раскаяния вспоминаю сейчас, находясь в преклонном возрасте, проступок, который я совершил в декабре 1941 года. Что оставалось делать мне, старшему в доме девятилетнему мужчине? Представьте себе: третьи сутки идет снег, метель, сугробы доходят мне до пояса, в нашей конуре стынет в ведре вода, покрывается коркой льда и даже не спасает нас одеяло, в которое мы укутаны. Это безвыходное положение зародило во мне дерзкую мысль, которой я сознательно не поделился с мамой заранее, предполагая ее отрицательную реакцию. Я дождался наступления ночи и под видом естественной надобности вышел на улицу. В соседнем доме жила семья Алиаджиевых, отец их Кагырман был глуховат и потому не подлежал призыву, а в 1937

году чудом избежал арестов. Он работал на подводе и заготовил на зиму (и не одну) скирды свеклы для топлива. Я прошел через огороды, с тыльной стороны подошел к этим богатствам, которые были огорожены колючей изгородью высотой почти полтора метра, и осторожно выдернул из кучи несколько штук свеклы. Принеся их домой, я признался маме, что стащил, но постарался убедить ее, что другого выхода у нас нет, а у соседей этого добра хватит на два-три года, так что им не в ущерб. Мы затопили, комната быстро согрелась, мы даже вылезли из своих укрытий. Мама сварила мамалыгу, мы плотно поужинали, выпили горячего чаю и, счастливые, уснули.

Таким путем приходилось изредка добывать топливо в случае крайней необходимости. Поскольку куча была огромной, все это оставалось незамеченным. Сейчас я понимаю, что, может быть, если бы мы попросили, сосед и не отказал бы, но тогда я считал свой поступок благородным.

По сравнению со многими другими наша жизнь могла сойти за барскую. У нас была крыша над головой, дверь прикрывалась, было окошечко, наконец, была печь. Многочисленные заключенные, работавшие в совхозе, хоть и в очень тяжелых условиях, но все же после работы возвращались на свои нары в бараках и засыпали, хоть и в смраде, но в тепле. А вот положение все прибывающих переселенцев было жутким.

Мне кажется, что эвакуация населения производилась без всякого плана и согласованности. От каждого товарного состава, мчавшегося с запада на восток через наш специальный разъезд № 105, отпочковывалась часть вагонов, заполненных людьми. Все они, завидев невдалеке наш поселок, стихийно шли сюда — оборванные, грязные, голодные и никем не руководимые. Совхоз (особенно в дневное время в районе столовой) напоминал человеческое море. Люди пытались устроиться на ночлег, где только было возможно, днем бродили по поселку, а на ночь уходили в поля — в складированные корма, которые заготавливались для животноводческих ферм и коневодческих хозяйств. Эти корма хранились на полях и по мере надобности завозились частями в отдельные кошары и конюшни. В этих скирдах многие эвакуированные нашли себе опасение от мороза и ветра, ночуя вместе с многочисленными полевыми мышами.

Положение этих несчастных усугубилось ранней весной, когда запасы соломы уже истаяли, и совхозным возчикам каждый раз приходилось выслушивать мольбы обездоленных людей о том, чтобы им оставили немного соломы для обогрева.

Антисанитарное состояние, в котором находились беженцы (у них прямо по одежде ползали вши), вызвало эпидемию брюшного тифа. Я до сих пор не могу забыть картину, которую видел около общежития для беженцев: там один человек брил другому голову, а падавшие на землю волосы из-за кишевших в них вшей шевелились.

Только с наступлением весны 1942 года в приеме эвакуированных наметилась какая-то система. Здесь, в совхозе, собрался целый букет национальностей, населявших Восточную Европу: тут оказались поляки, мадьяры, чехи, греки, немцы (советские), представители народов Прибалтики, было много прибывших из Белоруссии и Украины. Все эти люди кормились в единственной столовой, очереди в которую тянулись на много метров, люди засыпали, стоя в очереди, и только через несколько часов они получали в свои котелки черпак баланды, где одна крупинка догоняла другую. Одно время столовая работала круглосуточно. Среди всех в привилегированном положении находились молодые парни-поляки. Их приводили откуда-то и давали команду: «Посторонитесь, дайте дорогу польским патриотам!» Им отдельной очередью выдавались итээровские талоны. Мы, дети, тоже промышляли этими талонами. Если кто достанет, не было конца бахвальству среди приятелей, что он обедал по такому талону, т.е. ел и первое, и второе, и питье. Этими талонами обеспечивались механизаторы — полевые и те, которые работали в ремонтных и горячих цехах. В конце 1942 года польских патриотов увезли и они больше не появились.

МОЙ РАБОЧИЙ ПАЕК

Наступала весна, и этим снимался для сотен несчастных вопрос в конце каждого дня — где укрыться на ночь от холода. Но проблема голода оставалась: люди искали, чем бы наполнить свой желудок. Голод все крепче сжимал всех нас. Многие люди

ходили по поселку с опухшими лицами. Некоторые, перебрав мусорную свалку, лежали, сидели вокруг нее, ожидая, когда из столовой в очередной раз выбросят ведро помоев, а там продуктовых отходов кот наплакал: рыбные гребешки и плавнички, гнилые луковицы с картофельными очистками. Я был свидетелем жутковатой сцены, которая дала мне понять, что такое голод. В поселке разгар весны, вся природа одета зеленью, благоухают цветы придорожных акаций. Посаженные весной 1935 года тополя повзрослели, приняли стройный нарядный вид, на них уже гнездятся стаи воробьев. Мы, дети, обычно залезали на эти тополя, не разрушая гнезда, и набирали за пазуху сколько могли воробьиных яиц, потом легким щелчком разбивали их и всасывали содержимое, а некоторые делали яичницу на воде. Но однажды, проходя мимо тополей, я заметил сидящего под деревом старика, всего опухшего. Он уже не мог ходить, он сидел и ждал, когда поднимется ветер, раскачает ветки, и тогда может быть, упадут птичьи яйца, а то и целые гнезда. Вот в метрах трех от него упало гнездо, полное птенцов, которые пищали, моля о помощи. Старик ползком добрался до них, поджег гнездо и начал лакомиться птенцами, полуподжаренными на этом огне. Во мне все перевернулось внутри. Эта картина у меня до сих пор перед глазами.

Несмотря на то, что наш совхоз имел десятки тысяч гектаров благодатных полей, с которых собирали богатые урожаи пшеницы, сахарной свеклы, тысячами привозили к нам из западных прифронтовых районов коров, имелось достаточно много свиноферм, народ неизмеримо страдал от голода. Весь урожай под строжайшим контролем отгружался железной дорогой под лозунгом «Все для фронта, все для победы!»

С наступлением лета на короткое время положение облегчилось: можно было употреблять ботву и корнеплоды свеклы, а когда начинала поспевать пшеница, мы умудрялись прятаться в густоколосистом поле и наестся молочной пшеницы, а если осмелишься принести за пазухой немного зеленого зерна и поджарить его на сковороде — это просто чудо, объедение, царский обед! Но это было очень опасно, за это грозила тюрьма. Поэтому чаще мы довольствовались возможностью вдоволь наестся прямо на поле. При поимке человека на поле, но без зерна в карманах он к судебному

наказанию не привлекался. Многочисленные конные объездчики, которые круглосуточно до конца уборки охраняли поля, не могли обнаружить зерно в желудке: ведь у них не было тогда рентгеновской техники.

Несмотря на все трудности, которые выпали нашей семье, мы вместе со всеми их преодолели. Зимой мама постоянно ходила на работу. Почти на всех полях и зимой работали отдельные звенья и бригады. Дело в том, что люцерна на посевное зерно и снопы свекловичного зерна скирдовались на тех полях, где возвращались, а зимой к скирдам подтягивалась молотилка, работающая от трактора «СТЗ» путем ременной передачи. Женщины молотили зерно, заполняли мешки посевными семенами люцерны и сахарной свеклы и отправляли их на подводах в сортировочные склады. Когда завершалась уборка на полях, женщины в основном работали в огромных складских помещениях, готовили семена к весеннему севу. Они, поочередно меняя друг друга, крутили ручные сортировочные сеялки, обрабатывали химикатами зерно и ссыпали его на зиму в мешки. За зиму приходилось несколько раз перелопачивать зерно, проделывая несколько сложных и тяжелых операций. Когда мама работала, намного легче было с топливом: она умудрялась на попутной подводе привезти мешок отходов от молотилки.

Школу со множеством пропусков я все же упорно посещал, можно сказать, и здесь преодолел. Особенно я страдал от отсутствия должной школьной экипировки: на мне была фуфайка из мешковины не моего размера, которая дважды могла обхватить мое хрупкое тело, и единственная ситцевая рубашка, надетая прямо на голое тело, на ногах были чарыки из сыромятины, которые в сырую погоду раскисали и превращались в подобие намоченной швабры.

С наступлением весны стало тепло, но голод давал себя знать еще больше, так как дни удлинились. Даже в сытное время 200 граммов хлеба при достаточном количестве другой еды кажется маловато, а если кроме этого кусочка ничего другого почти нет, то голод мучает нещадно. В одно время мне посчастливилось раздобыть немного добавки. Дело в том, что рабочим прямо на поле в подводах подвозили хлеб, завернутый в брезент. Приезжает продавец на поле, разворачивает брезент,

устанавливает весы на доску и по карточкам отпускает хлеб. Объездив многие бригады, продавец возвращается к своему ларьку, сгружает оставшийся хлеб, весы и брезент, выпрягает лошадь и отводит ее в конюшню, оставляя подводу возле ларька.

Как-то раз, возвращаясь из школы, я подкараулил, когда продавец отгонит лошадь, и заглянул, нет ли в подводе выпавшего кусочка хлеба. Порывшись в клевере, я обнаружил целый клад. Оказывается, во время раздачи хлеба крошки осыпались в траву. Проезжая с поля на поле, продавец понемногу давал корм лошадям, при этом хлебные крошки вытряхивались на дно подводы вместе с лепестками клевера, и набралось довольно много. Что было делать? Как завладеть этим кладом, чтобы он достался только мне? Сняв рубашку и завязав воротник и рукава, я насыпал в этот мешочек находку и помчался домой, голод подгонял меня. Дома я залил крошки водой, смыл травяной мусор и получил продукт, как на драгах в золотых приисках получают золото, а для меня этот продукт означал больше, чем золото высшей пробы. Мы с братом в один момент съели все до последней крошки.

Учителями нашей школы, вместо ушедших на фронт, стали эвакуированные преподаватели институтов, однако всем было не до учебы. Не было тетрадей, письменные работы выполнялись на газетах, не было строгих требований, дети были какие-то притихшие, не играли в шумные игры, не озорничали.

Учебный год я не закончил, но в 3-й класс меня перевели. Мама стала брать меня с собой на работу, я съедал половину ее обеда, который состоял из обычного зеленого крупяного супа и каши, иногда из пареного, не очищенного овса.

Сэкономив на обеде, я должен был кусок хлеба отнести брату Салаху. Он очень терпеливо переносил голод, ни разу не попросил, не потребовал еду, молча без движения, целые дни просиживал дома. Он и раньше по состоянию здоровья был малоподвижным, а сейчас вообще не двигался. Хлеб по карточкам мама обычно получала на поле, куда его привозили более или менее регулярно, и вечером, придя с работы, она нас кормила этим пайком. В поселке из-за больших очередей карточки отоварить было трудно. Поэтому нам было удобно и выгодно находиться с мамой вместе и заботиться только о

братишке. Так я сделал, правда неофициально, первый шаг к началу трудовой деятельности, которая продлится 52 года. Это было в конце мая 1942 года, мне исполнилось 9 лет и 7 месяцев.

Первым моим местом работы было бескрайнее зеленое пространство свекловичного поля. Женщины, рассеянные на этом пространстве, занятые пикировкой всходов свеклы, напомнили мне опустившихся с неба лебедей. Работали они под палящим солнцем, нигде ни одного кустика, под которым можно было бы укрыться, да и норма не позволяла такого наслаждения. И сегодня у меня перед глазами их согнутые в изнуряющей жаре спины, а в ушах их крик: «Воды!» Полевые работницы утоляли жажду привозной водой. Водовоз на двухколке подвозил из ближайшего ключевого источника воду и ставил ее на окраину поля. От каждого звена подходили и набирали из бочки воду. Вскоре после моего появления на поле женщины стали просить меня принести воды, я старался как мог, почти успевал обеспечить водой всю бригаду с доставкой из бочки до рабочего места (что было очень выгодно в отношении производительности труда). Оценив мою полезность бригаде, меня приняли на работу на законных основаниях. Я стал равным среди равных: полная рабочая хлебная карточка, обед, как всем.

Итак, первая моя рабочая должность — водонос. Мой рост и физические возможности, конечно, оказывались на моей работе. Носить я мог меньше полуведра воды, без конца ударяя ведром о щиколотки ног, поэтому они всегда болели. Но все же с задачей я справлялся неплохо. Это я читал на лицах работниц.

На пикировку и прополку десятков тысяч гектаров сахарной свеклы требовались десятки тысяч человеческих рук, и они волей ВКП(б) были представлены наилегчайшим путем — не силой аргументов и убеждений, а аргументом силы.

Рабочий день на поле начинался ровно в 8 часов утра. Население поселка шло на работу не организованно, одни раньше, поджидая других, но к восьми часам всё приступали к прополке. А вот заключенные прибывали организованно, колоннами в шесть рядов, сопровождаемые конвоем и овчарками.

Обед готовился прямо на поле. Сигнал на обед подавался ударом по висячему лемеху. Сначала, по особому знаку, на обед

приводили заключенных. Я часто бывал свидетелем их обеда. У них все происходило быстро и молча. Мне казалось, что они все немые. Прибыв колонной, по команде садились, несколько человек из них с кастрюлями подходили к повару и с наполненными быстро натравлялись к сидящим. Они ели быстро, в течение 5—10 минут, затем их по команде подымали и отводили чуть поодаль. Потом усаживали другую колонну, которая ждала в стороне. Так, колонна за колонной, в течение часа обедали «зэки», потом их уводили подальше и оцепление столовой снималось. А затем по сигналу плужного лемеха подходили на обед все остальные — полуневольные. К этому времени, если все удачно сложится, привозили хлеб, а иногда приходилось не брать обед в ожидании хлебовоза. У всех взоры были обращены по всем направлениям, откуда могла появиться подвода с хлебом. Если кто замечал на дороге столб пыли, кричал: «Вон, вижу, хлеб везут!» И все оборачивались на эту точку пыли. Бывало, не дождавшись хлебовоза, с обидой на весь белый свет мы довольствовались зеленым супом из свекловичной ботвы и кашей, приготовленной из сомнительных злаков. С завершением обеденной трапезы, пока мама отдыхала со своими подругами, я должен был отнести в поселок сэкономленный кусочек хлеба брату, который, сидя дома, до боли в глазах вглядывался в дверь — когда же она откроется, и ему в руки упадет горбушка черного хлеба?

От места, где мы столовались, до поселка было около трех километров. Второе поле, где в основном работала наша бригада, располагалось близко к поселку, поэтому обратная дорога была значительно короче. Взяв кусок ржаного хлеба, я пускался в путь. И хотя только несколько минут назад пообедал, смотрел не на дорогу, по которой шел, и не на окружающие меня предметы, а на этот кусочек хлеба в моих руках. Я находил в нем какую-то неровность, какую-то выступающую часть, которую немедленно отщипывал, а потом появлялась другая неровность. Так, на ходу подправляя заветный кусочек, я вдруг со страхом обнаруживал, что хлеб в руках тает, а дорога не пройдена и наполовину.

Дорогой читатель, живущий в цивилизованную эпоху, простим мальчику отроду неполных десяти лет, что его пальцы

против его воли выравнивали выступы чужого куска хлеба. В такой ситуации и взрослый не удержался бы от соблазна.

Я с болью в душе понимал, что таким образом могу не донести брату хлеба и тогда я бежал сколько было мочи, не сбавляя скорости даже переправляясь через речку, только брызги разлетались по сторонам. Влетая в комнату, я вручаю хлеб Салаху и тут же отправляюсь назад, на работу. На все это уходило около часа.

Так продолжалось все лето 1942 года. Водоносом я проработал около двух месяцев, а потом меня назначили водовозом. В мои обязанности входило: налить полную бочку родниковой воды, а родник находился в низине, в полутора километрах от рабочего поля; проехать вокруг поля, где работают бригады, чтобы всех напоить. Продолав круг, я начинал пасти быка, но не выпрягал его, так как сам не смог бы его запрячь: силы были еще малы, чтобы поднять ярмо с дышлами. Утром на хоздворе один из взрослых впрягал быка в водовозную двухколесную бочку, и до самого вечера бык работал, пасся, ложился отдыхать в запряженном положении, поэтому подъем его из лежачего положения был сопряжен для него с большими трудностями из-за тех же оглобель и ярма.

Освоившись с работой водовоза, я стал брать с собой Салаха, сажал его впереди бочки рядом с собой. Отправляясь с утра на поле, я по пути набирал воду. Теперь мы обедали вместе всей семьей. Такое положение нас устраивало, главное — маме стало легче работать.

Удобным был для нас и порядок, принятый в совхозе. Весь гужевой транспорт — линейки и фазтоны, весь рабочий скот и лошади, которые были заняты также на сенокосе, грабле, распашке, культивации и т. д., должны быть сданы к концу дня в хоздворе дежурному. Таким образом я с братишкой с комфортом добирался на бочке и на работу, и с работы, поэтому и не чувствовал усталости, вечером позволял себе шататься по поселку со сверстниками.

ПАЦАНЫ

За восемь лет пребывания в совхозном поселке мы, прибывшие маленькими детьми, выросли, повзрослели, возмужали, и улицы поселка заполнились большими ватагами ребят, которые по своим взглядам, привычкам и характерам и, конечно, по возрасту, группировались в отдельные компании.

Казалось бы, все дети совхоза росли почти в одинаковых условиях, в одной материально-морально-психологической среде: недоедали, многие бросили школу, у всех мамы на работе, у многих отцы по воле ВКП(б), по велению НКВД находились в концлагерях, если не расстреляны, а кто уцелел и избежал этой участи, отправлены на фронт, на защиту Отчизны. Но поведение и образ жизни ребят резко отличались между собой.

Большинство детей и подростков вели нормальный образ жизни, не переступая нормы морали: учились, работали с матерями в совхозе, обрабатывали свои огороды, косили сено для домашней живности; осенью и зимой собирались у кого-нибудь, читали до глубокой ночи детективы и романы про дикарей (например, «Борьба за огонь») — все слушали с замиранием сердца и не хотели расходиться. Но было немало и таких, которых называют «неблагополучными» или «трудными».

Во всех возрастных группах этой категории подрастающего поколения действовали компании со своими главарями. И «специализация» у них была по возрастному цензу. Целыми днями сновали они по поселку и окрестностям. Нередко подростки использовали младших в краже с чужого огорода или из курятника. Но младшая группа действовала и самостоятельно. Они, с утра накупавшись на речке, к концу обеда появлялись около столовой, промышляли там и часам к двум собирались в сквере, где находился базарчик. Ассортимент базара составляли огурцы, помидоры, яблоки, абрикосы, которые приносили на себе женщины из окрестных аулов. Разложив свой товар на посланной мешковине или платке, прямо на земле, начинали торговать. Один из ватаги, как потенциальный покупатель, проходит по ряду торгующих, неослабно наблюдая и выжидая нужный момент: достаточно торговке отвлечься на пару секунд, как он хватает угол подстилки и сбрасывает с нее весь товар, после чего стремглав

убегает прочь. Разгневанная женщина бросается за ним, а ожидавшая этого группа полностью растаскивает ее товар.

Осуждая поступки этих ребят, в то же время можно их как-то понять: они, как хищники, добывали себе еду, не оставляя в своей душе места для сочувствия своей жертве. Хуже, пожалуй, те жестокие «шутки», которые подростки устраивали смеха ради. К вечеру ватага таких проказников приходит к столовой, где в длинной очереди за похлебкой стоят измученные, больные, голодные люди. У них не было крова, кроме тех складских помещений, которые отвели им в качестве общежитий. Они вынуждены были простаивать в очереди в столовую по 4—5 часов со своими котелками и ложками, чтобы получить порцию супа, так как это был единственный источник продолжения их физического существования. Получивший свой суп отходил в зал, садился за стол, околоченный из неоструганных досок, и в первую очередь начинал искать, не попал ли в его котелок по счастливой случайности кусочек картошки или мяса. Заметив это, ребята придумали себе забаву. Отрезав от чьего-либо пушистого воротника клочок кожи с ворсом, они, изловчившись, незаметно подбрасывали какому-нибудь несчастному в котелок. Голодный пожилой человек, выйдя из очереди, присаживается за стол, а ребята уже пристально следят за реакцией и радуются своей жестокой изобретательности.

Покончив с одним гнусным делом, они приступают к другому. Привязав к большому и указательному пальцам тонкую, как нитка, резину и заготовив из алюминиевой проволоки скобы, эти молодчики отыскивали среди очереди человека, сморенного усталостью и прикорнувшего, опершись на что-нибудь. Используя свое орудие как рогатку, они наносили намеченной жертве выстрел с расстояния. Человек вскрикивал от резкой боли, нередко на лице от этих выстрелов оставались не только синяки, но и настоящие раны. В те время, как все окружающие с сочувствием и готовностью помочь обступали пострадавшего, авторы этой бессмысленной жестокости ухмылялись, вдоволь покуражившись.

Сегодня я со стыдом вспоминаю, что иногда бывал в этой компании. Помню наши «партизанские» забавы. Вечерами, вооружившись «гранатами» — кульками, наполненными

дорожной пылью, мы залегали в темной аллее, под кустами, и когда мимо нас проходили стайками девушки, направляясь в клуб на танцы, мы все по команде (свисту нашего главаря) швыряли в них свои «гранаты», целясь в головы. Можно представить себе, в каком виде оказывались девушки и, конечно, им было уже не до танцев.

Среди старших ребят, которые в большинстве работали, готовились к призыву в армию, были и такие, которым не нравилось жить честно. Они сбились в шайки и промышляли воровством. Места их сборищ назывались «малиновками». О жизни одной из таких «малиновок» я имел довольно ясное представление, поскольку часто находился среди них. Жизнь их протекала следующим образом: днем они занимались сбытом товара, наворованного накануне, вечером же собирались на сходку, где отчитывались перед главарем о своих успехах, называли очередные объекты, которыми считали нужным заняться, и отправлялись на выполнение задания. Время до начала операции коротали за игрой в карты или лото. Мне как малышу поручали держать шапку, в которой находилась сумма кона. Мое присутствие их не стесняло, они были уверены, что их жаргонная речь мне недоступна. В комнате, где они собирались, я и раньше был завсегдатаем. В этой шайке участвовал брат моего друга, так что меня считали своим человеком. И сейчас перед глазами эта прокуренная комната, где от дыма едва различали друг друга. В поселке сеяли табак, так что этого зелья было в избытке. Часто выпивали, в основном денатурат — жидкость синеватого цвета. Если предстояла операция, доза ограничивалась, в остальных же случаях, особенно в случае успешного сбыта награбленного, устраивались настоящие оргии. На них много пели, чаще всего запрещенные песни, но были и военные песни.

Среди карточных игр предпочитали «очко». После всех развлечений они шли «на дело», а я возвращался домой. Я точно не представлял себе, в чем состоит их дело, но считал его очень трудным. В зимнее время, отправляясь на сахарный завод, который находился в четырех километрах от поселка, они должны были пройти этот путь (а обратный — еще и с грузом) по заснеженной степи, в мороз и метель и вернуться до рассвета. На заводе чаще всего они воровали пустые мешки. Это был

самый ходовой товар, из которого шили брюки, рубашки, фуфайки, костюмы и ватные штаны. Некоторые мешковину красили и тогда уж считались прилично одетыми.

У этой группы на заводе были свои люди, которые попали туда после окончания ФЗУ или работали на заводе и учились в ФЗУ при нем. И я не помню случая, когда бы хоть одна такая вылазка провалилась.

Несмотря на то, что в поселке сформировалось несколько воровских шаек, антагонизма между ними не было, более того члены каждой из групп во многих ситуациях тесно соприкасались, всегда были готовы к взаимовыручке, мирно сосуществовали. Почти все умели свистеть, каждый имел свою кличку. Ночью, где бы кто ни находился в пределах поселка, его быстро находили условным сигналом — свистом. Во время проведения «операции» «на шухер» ставились надежные люди, достаточно было одному из них крикнуть «Атас!» — и тут же операция прекращалась, группа моментально бросалась врассыпную и растворялась в ночной мгле.

В те далекие годы, будучи всего лишь десятилетним мальчиком, я уже понял, что люди по своему образу жизни разделены в поселке на две неравные части: одна, большая часть, на виду у всех трудится, открыто живет, отдыхает, развлекается. Другая же часть свою жизнь ведет скрыто, в узком кругу; «работа» у них в основном ночная и выполняют они ее, набегая человеческого глаза. Несмотря на то, что я относил себя к законопослушной части общества, все же иногда общался и с так называемой «малиной», но меня никогда не привлекали их быт, выпивки, ночные вылазки, разве что только их песни.

«ЗЭКИ»

Был в поселке еще один контингент населения, жизнь которого для нас оставалась тайной. Это заключенные. Несмотря на то, что государство им гарантировало крышу над головой, хоть какую-то пищу и какое-никакое носильное барахло, все же завидовать им не приходилось. Конечно, не все могут оценивать по достоинству величайший подарок судьбы — свободу. Но человеку, у которого не атрофирован разум,

невозможно считать жизнь заключенных допустимой. Наблюдая за ними, я понял, что это люди несчастные, что их преследует рок, что их быт не имеет ничего общего с теми картинками, которые мы видели в кинофильме.

В период моей работы водовозом я близко с ними общался, подвозя им воду на поле во время жатвы, либо на свекловичные плантации в период прополки или окучевания. Все работы они выполняли идеально чисто и с сумасшедшей скоростью. Колонну приводили на определенный участок, по команде все садились; старшие по команде устанавливали вешки с красными флажками и определяли границу рабочего участка. Потом один из конвоиров внятно и зычно объяснял сидящим, что наблюдение будет вестись круговое, шаг в сторону от «границы» будет рассматриваться как попытка к бегству и оружие будет применяться без предупреждения. По команде «приступить» начинается лихорадочная, доведенная до автоматизма работа. Когда они вели прополку в безветренную погоду, на участке стоял столб пыли, не видно людей, издалека можно было принять эту картину за вихрь. Ровно через 50 минут после начала работы объявлялся перерыв на 10 минут, который заключенные проводили прямо на грядках. Сидя, они никогда не общались между собой, не обменивались ни репликами, ни шутками — то ли от смертельной усталости, то ли этого им не разрешалось.

Позднее мне приходилось с поваром-мадьяркой развозить обеды в отдаленные от полевого стана бригады заключенных. Я наблюдал, как они хорошо работали на всех видах работ. Их посылали на самые трудоемкие и объемные работы, они ликвидировали последствия разлива реки Талас на участке, который являлся наиболее опасным для жизни в период наводнения. Целые армии поливальщиков из числа заключенных были разбросаны по всем необъятным совхозным полям. Все лето они со своими кетменями ночевали на полях.

В совхозе самыми почетными профессиями считались поливальщики и механизаторы. Поливальщик обеспечивался двумя порциями итээровекого обеда и ужина. Он не бегал за обедом и хлебом, ему обед и ужин привозили прямо на рабочее место. Заключенные-поливальщики должны были обеспечить живительной влагой десятки тысяч гектаров благодатных полей.

Наблюдая их в работе, я все более проникался к ним состраданием. Мне казалось, что эти люди не могли совершить противоправные деяния или бесчеловечные поступки. Говорят, что птицу можно узнать по полету; человека же в немалой степени можно определить по его отношению к работе.

Большинство «зэков» было среднего возраста — от 30 до 55 лет. Чувствовалось, что многие из них прежде занимали высокие посты. Нет, они не могли быть преступниками!

Взаимоотношения между заключенными и конвоем мне непонятны и неизвестны: первые молча и покорно исполняли команды вторых, каждый из них знал свое место и положение. Но однажды ранней весной, когда заключенные очищали канаву глубиной в рост человека, двое заключенных совершили побег через камышовые заросли.

Обычно организацией труда заключенных занимались их же представители. Врезался в мою память один из таких руководителей. Как-то я привез им обед пораньше и от безделья наблюдал панораму бурной реки, которую укрощали заключенные: одни на носилках таскали камни, другие перекачивали громадные валуны, третьи таскали фашины, четвертые их готовили и, стоя по пояс в воде, удерживали их — и всем этим руководил один из «зэков» — коренастый, невысокого роста, в морском кителе, лет 40—45. Меня поразили его угрюмые, полные тоски о чем-то утраченном, глаза. Все в нем — его уважительное обращение к подчиненным, внятные спокойные и в то же время волевые команды — вызывало во мне чувство уважения и восхищения. Чувствовалось, что это человек большого полета. Его эрудиция и авторитет признавались всеми.

Как конвоиры разговаривали с заключенными — об этом можно судить по следующему эпизоду.

Я уже полгода знал одного молодого, общительного, симпатичного конвоира по имени Сергей. Он казался мне добрым и порядочным человеком. Обычно во время жатвы пшеницы охрана заключенных, распределив обязанности, в нарушение уставных правил позволяла себе расслабиться. Так вот этот Сергей часто умудрялся найти время для шуток и комплиментов, адресованных женщинам, которые работали на этом же поле, но за оградительной чертой. Казалось, ничто

человеческое не было ему чуждо, и красотой природа его не обделила. И как же я был удивлен, когда он из простого и доброго человека преобразился в лютого зверя. Это случилось, когда колонну заключенных вели с работы по узкой гужевой дороге (она была ближе к тюрьме на 2—3 километра, чем главная дорога), на одном из поворотов которой стояла яблоня. Один из заключенных нагнулся подобрать упавшие зеленые яблоки, и вот тут Сергей, как лев, прыгнул на него и со всей силой нанес ему удар прикладом винтовки. У того из рук посыпались яблоки, он упал. Товарищи подняли его и втащили в середину колонны, но вслух никакого ропота не издали, как будто ничего не произошло.

Самым унижительным для человеческого достоинства заключенных я считал установленный порядок ввода колонны в тюрьму и смены караулов. Люди, прошагавшие на работу и обратно 5—6 километров под палящим солнцем, при температуре 30—40 градусов, в просоленных потом рубашках, должны были выстоять от одного до четырех часов, прежде чем добирались до своих нар. То же продолжалось и в холодное время. Несмотря на мороз, ветер или дождь, каждую колонну принимали поименно. При сдаче-приеме заключенных и смене караула каждая сторона зычно рапортует: «Государственных преступников сдал» или «Государственных преступников принял». Каждый раз караульный провозглашал, каков сектор его наблюдения и обстрела. И все это на глазах несчастных изможденных людей. Мне казалось, что они не слышат этих команд. Я видел, что у них полностью вытравлено чувство человеческого достоинства, осталась только физическая усталость, которую можно было бы преодолеть хорошим питанием и длительным отдыхом, но этого они были лишены. Они смирились со своим подневольным положением, своей приравненностью к состоянию рабочего скота, но еще с худшими условиями содержания. Свиньи содержатся в теплых помещениях, где производят своевременную уборку десятки людей обслуживающего персонала, им точно в установленное время выдают корм. По отношению к заключенному человеку не предусмотрено такого внимания, есть только громкие, но пустые декларации.

О культурной жизни совхоза ничего примечательного сказать не могу, поселок жил унылой трудовой жизнью военного времени, в самом поселке и на окраине стояли кавалерийские воинские части. Позже я узнал, что это были части дивизии генерала Панфилова, отличившиеся под Москвой.

Я часто подолгу любовался обучением лошадей, это очень интересное зрелище: грациозные животные в строгом строю ложились и подымались, переходили на галоп, рысь и внезапно, как вкопанные, останавливались. Что ни говори, это красивые и умные животные.

В совхозном клубе регулярно показывали кинофильмы. Перед началом фильма демонстрировался киножурнал о достижениях страны на ее пути к коммунизму. Журнал сопровождала всегда торжественная музыка и чеканные слова диктора. Все это хватало за душу, а когда на экране появлялось изображение вождя — Сталина, зрители встречали его бурной овацией и даже вставанием. Я на всю жизнь запомнил эти радостные, счастливые лица, высвеченные в темном зале пучком света. Я где-то читал, что такое наблюдалось и на африканском материке: его жители с каким-то болезненным почтением и привязанностью относились к своим поработителям, которые вывозили их тысячами в качестве рабов, закованными в кандалы, на пароходах.

Вот так же, на мой взгляд, вело себя и население нашего совхоза. Люди не могли понять, до их сознания не доходило, что виной всему являются не интриги и доносы соседей, а весь неслыханной задумки строй. Каждый, анализируя свою беду, винил не государственный строй, который принес ему столько горя и несчастий, не систему, а второстепенные личности — соседей, сослуживцев, знакомых.

Я запомнил проходившие в нашем клубе замечательные концерты заключенных. Приезжал «черный ворон», «артистов» заводили с запасного входа на сцену, сразу же за кулисы к ним заходила охрана с винтовками, конвоиры как вкопанные вставали по краям сцены. Открывался занавес, и в глубине, за «артистами», тоже просматривалась охрана. Концерты бывали очень хорошие, их можно было сравнить даже со столичными. И особенно бросалось в глаза, что выступления заключенных

захватывали всех зрителей, но были совершенно безразличны охране.

«ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО...»

О событиях, происходящих в стране, жители поселка узнавали из репродуктора, который был установлен на фронтоне здания почты, второй — в кабинете культпросвета. На весь поселок разносился голос диктора — с шести утра до полуночи. Обычно люди в определенное время стекались сюда узнать последние новости Советского информбюро. Начинались эти сообщения словами: «В последний час. На фронтах Великой Отечественной войны...» Каждый с замиранием сердца ловил слова диктора — не прозвучат ли сведения о близких людях, о родных городах и селах. Этот репродуктор был единственным глашатаем мировых событий.

Несмотря на голод, неустроенность, суровые законы военного времени, горечь фронтовых утрат, молодость все же брала свое. Кроме танцев в клубе, перед киносеансом, молодежь вечерами собиралась еще на тупиковой улице, примыкавшей к главной. Между густонаселенной частью поселка, где жили кулацкие первопереселенцы, устраивались прямо под открытым небом танцы и разные игры. Девушки пели под гитару или трехрядку. Ребята, кто не особенно умел «ухлестывать» за девушками, поодаль собирались в кучки и рассказывали анекдоты, соленые байки или устраивали вольную борьбу. Все это у нас, среди молодежи, называлось «базар»: между собой ребята, когда предполагали пойти на эту вечеринку, говорили: «Пойдем на базар».

Чаще всего на вечеринки собиралась молодежь из семей первых переселенцев, из других категорий перемещенных лиц я редко встречал там кого-то. Во мне и сейчас живет теплое воспоминание об этих увлекательных, под лунным светом, тихих вечерах. Хотя мы, малыши, не участвовали в танцах, но присутствовать среди такой молодой веселой публики нам доставляло истинное удовольствие.

Возвращаясь к прерванному рассказу о жизни нашей семьи, хочу сказать, что я рос очень медленно, хотя неумолимо

взрослел, особенно набираясь опыта на работе, но мне казалось, что время остановилось и что детство мое будет вечным.

Зиму мы все-таки одолели в нашей конуре, но нам здорово досталось при первых весенних дождях. После зимних морозов и весенней оттепели крыша разрыхлилась, от весенних ливней прохудилась. Потоки воды пролились на наши головы и залили все жилище. Невероятно тяжело нам пришлось в те дни и ночи. Зато к следующей зиме подготовились основательно: починили кровлю, утрамбовали ее и смазали толстым слоем глины с соломой.

Самое голодное время в совхозе наступало ранней весной. В этот период ели практически один раз в сутки — обед, остальное же — кому что где перепадет. Хлеб подвозили на обед. Как я уже говорил, все рабочие имели при себе карточки. Если хлеба подвозили достаточно, мы отоваривались на несколько талонов (в карточке были талоны с указанием даты и положенного количества хлеба на каждый день). Продавец ножницами вырезал талон и отпускал хлеб. В связи с этим порядком мне запомнился на всю жизнь происшедший со мной случай.

Я настолько свыкся с одноразовым питанием, что в перерыве от обеда вчерашнего до обеда сегодняшнего голода не ощущал. Как-то утром я запряг быка в водовозку и тронулся на поле. По пути мне показалось, что на одном колесе ослабла шина, и я заехал в кузницу подремонтироваться. Кузнец тут же приступил к ремонту (водовозку ремонтировали вне очереди), а я пристроился отдыхать в тени. Вдруг смотрю — на хоздвор въезжает хлебовозка, и продавец располагает отпускать хлеб. Я радостно сорвался с места и через секунду очутился лицом к лицу с продавцом-кумыком, нашим односельчанином и даже членом нашего тухума. Но как меняют человека обстоятельства! Я протянул ему свою карточку, рот мой заполнился голодной слюной, я уже предвкушал, как сейчас во рту у меня окажется ароматная хлебная корочка. Но не тут-то было; продавец мою карточку не взял и сказал: «Я только что был на втором поле, твоя мама получила хлеб на два талона — за себя и тебя!» Какая обида! Ну что ему стоило отрезать один талон и дать мне кусочек хлеба? Ведь мне еще не было десяти лет, я ведь не ужимал и не завтракал. Я и на маму почувствовал обиду: зачем

она получила хлеб и на меня тоже? Но потом понял, что ведь она хотела как лучше, она же не знала, что я на хоздворе и здесь повстречаюсь с хлебовозкой.

Обида на маму прошла, но на продавца я обиду держал еще долго. Позднее, будучи уже взрослым, я жил с ним и одним селе, но ни разу не напомнил ему о том случае. Увы, время прошло, он уже в мире ином. Пусть земля ему будет пухом!

Работа в совхозе не прерывалась круглый год. Заканчивался сев, начинался уход за посевами, потом уборка, затем все операции вегетативные и дальнейшая работа с собранным урожаем свеклы: часть его отправлялась на сахарный завод, часть укрывалась в гурты, а весной высаживалась на семена. Осенью женщины серпами срезали свекловичные стебли, связывали их в небольшие снопы, на волокушах перевозили и скирдовали прямо в поле, где они и оставались до зимы. Те же операции производили с семенной люцерной.

Пшеница прямо с комбайна свозилась на двор пожарной охраны, Место это так называлось, наверное, потому, что на проходной стояли каланча, длинная лестница и смотровая вышка, и обычная охрана совмещалась с пожарной. Там же была комната предварительного заключения для задержанных.

Территория двора занимала не менее трех гектаров. Здесь размещались: машиноремонтные мастерские, гараж, «Сельхозтехника», вулканизация, кузница с пневмомолотом, движок для освещения центра, где жило руководство поселка и размещались государственные учреждения, строительный цех, материально-технические склады. Здесь же находились тока пшеницы нового урожая, где женщины круглосуточно вручную крутили ручки сеялки и, набирая обработанное зерно в мешки, отправляли их в громадные склады.

Когда утихала летняя страда, заканчивались осенние работы, зимой рабочие отправлялись на поля, к скирдам, туда же подтягивалась молотилка, которая работала от трактора через ременную передачу, и начиналась обработка семенного материала.

Осенью меня назначили возчиком повара на полевую кухню. По утрам мы с поваром заезжали на склад, забирали необходимые продукты, ехали на полевой стан и там готовили

обед для всех работающих в поле. Благодаря моей новой «должности» я стал относительно нормально питаться, и мы благополучно пережили зиму 1942-1943 года.

* * *

На этом воспоминания Данияла Аджиевича Тулпарова обрываются. Судьба распорядилась по-своему, не оставив ему времени, чтобы закончить повествование об испытаниях, выпавших на долю его семьи, родителей, родственников, односельчан, целого поколения. Испытаниях, тяжелых, несправедливых, незаслуженных, опаливших его детство и оставивших на всю жизнь горькие воспоминания и душевную боль. И тем не менее удивительные люди выросли из детей предвоенного времени. Лихолетье не ожесточило их сердца, не изменило их сознание, не поколебало нравственных устоев. Большинство из них прожило достойную жизнь, до конца оставаясь патриотами, созидателями и... романтиками. Таков и Д. А. Тулпаров.

Еще мальчишкой уехал в Донбасс, работал на шахте и продолжал учебу, отслужил в армии, поступил в МГУ, но из-за болезни пришлось вернуться домой. Поправившись, романтик-непоседа укатил в Сибирь, закончил Томский инженерно-строительный институт, преподавал строительное дело, работал в обкоме профсоюзов. В 1968 году со своей семьей вернулся в Дагестан, а вскоре на республику обрушилась беда — сильное землетрясение 14 мая 1970 года. Д. А. Тулпаров возглавил строительство переселенческого поселка Коркмаскала для пострадавших от стихии. Построил фабрику «Дагшвейобъединение», будучи генеральным директором по строительству, и еще многое и многое. Работал он в строительных организациях Кизляра, Хасавюрта, Махачкалы. Поручали обычно трудные участки.

Народная мудрость учит: чтобы не зря прожить жизнь, надо построить дом, вырастить дерево, воспитать сына. Даниял Аджиевич Тулпаров не напрасно пришел в этот мир. Он строил и растил, учил и воспитывал. А трое его сыновей теперь продолжают дело отца. Старший — Скандарбек стал главным режиссером Русского драматического театра. Средний —

Мажид окончил авиационный институт. Младший — Эмир окончил Технологический институт легкой промышленности. Дочь Дженнет растит, как и ее братья, своих детей — внуков Данияла Аджиевича. Жизнь продолжается...

Даниял Аджиевич Тулпаров

ТАК БЫЛО

Подготовлена к изданию Тулпаровым С. Д.

Редактор В. Толстова
Художник Д. Абдулсаламова
Художественный редактор М. Левченко
Технический редактор В. Гаджиева
Корректор Д. Багдасарова

Сдано в набор 01.04.2000. Подписано в печать
15.06.2000.

Формат 84x108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура
«Литературная».

Печать высокая. Усл. п. л. 7,0. Уч.-изд. л. 7,16. Тираж
500. Заказ 67.

Цена свободная.

Дагестанское книжное издательство
Министерства по национальной политике,
информации и внешним связям РД.

Типография Дагестанского научного центра РАН
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.